

ВОЖКЦЬ

ВОЖКЦЬ

ЛЕНИН,
КОТОРОГО
МЫ
НЕ ЗНАЛИ

Карл Рейнгальд
Эстедт,
перчаточник
в Упсале

Беата
Элеонора
Ниман

Симон Новелиус,
шляпник в Упсале.
Умер в 1733 г.

Карл Фредерик Эстедт,
ювелир.
Родился в 1741 г. в Упсале.
Умер в 1826 г. в Петербурге

Карл Борг,
шляпник в Упсале.
Умер в 1750 г.

Анна Кристина Борг,
Род. в 1745 г.
Умерла в 1799 г.
в Петербурге

Юган Готтлиб
(Иван Федорович) Гросшопф.
Консультант Государственной
Юстиц-коллегии
Лифляндских, Эстляндских
и Финляндских дел
(1766 – 1820 годы)

Анна Беатта
(Анна Карловна)
Эстедт
(1773 – 1847)

Александр Дмитриевич
(Израиль) Бланк
(1799 – 1870),
медико-хирург
и акушер,
статский советник

Анна Ивановна
Гросшопф.
Умерла в Петербурге
в 1838 г.

Мария Александровна
Бланк
(1835 – 1916),
домашняя учительница

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)
(1870 – 1924),

Екатерина
Аренберг

Григорий Ульянин,
крепостной крестьянин

Лукьян
Смирнов

нна Бригитта
Новелиа
(1713 - 1764)

Никита Григорьевич
Ульянин
(1711 - 1779),
крепостной крестьянин

Алексей Лукьянович
Смирнов,
астраханский
мещанский староста

Анна Симеоновна
Ульянина,
крепостная
крестьянка

Василий Никитович
Ульянин
(1733 - 1770),
крепостной
крестьянин

Николай Васильевич
Ульянов (Ульянин, Ульянинов)
(1768 - 1836),
портной, астраханский мещанин

Анна Алексеевна
Смирнова
(1788 - 1871)

Илья Николаевич
Ульянов
(1831-1886),
директор народных училищ,
действительный статский советник

юрист,
Председатель Совнаркома СССР

«Лозунг мира — это обывательский, поповский лозунг»

17.10.1914

«Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении».

9.08.1918

«Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

22.08.1918

«Надо поощрить энергию и массовидность террора!».

26.11.1918

«Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в ЦК не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпимы бездеятельность и халатность.

С коммунистическим приветом, Ленин».

18.07.1920

«Все театры советую положить в гроб».

26.08.1921

«Обязательно найдите виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме».

13.09.1921

«Гласность ревтрибуналов (уже) не обязательна. Состав их усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь с ВЧК, усилить быстроту и силу их репрессий. Поговорите со Сталиным, покажите ему это письмо».

31.01.1922

«Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-нибудь!.. Ваш Ленин».

11.02.1922

«Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар.

С коммунистическим приветом. Ленин».

11.02.1922

Цитаты приведены из очерка В. Ерофеева «Моя маленькая лениниана».

На развороте обложек приведено генеалогическое древо рода Ульяновых из очерка М. Штейна «Род вождя».

ВОЖДЕЦЬ

ЛЕНИН,
КОТОРОГО МЫ НЕ ЗНАЛИ

<i>М.Штейн</i>	<i>Г.Уэллс</i>
<i>Н.Валентинов</i>	<i>Л.Андреев</i>
<i>И.Сталин</i>	<i>В.Ерофеев</i>
<i>В.Чернов</i>	<i>В.Солоухин</i>
<i>М.Горький</i>	<i>Д.Штурман</i>
<i>А.Куприн</i>	<i>В.Еременко</i>
<i>Б.Рассел</i>	<i>А.Авторханов</i>

и другие ...

ББК 13.5
В 63

Составитель
Геннадий Сидоровнин
Оформление
Владимира Алексеева

**Вождь: (Ленин, которого мы не знали) / Сост.
Г. П. Сидоровнин. — Саратов: Приволж. кн. изд-во,
1991. 288 с.**

ISBN 5—7633—0614—7

Сборник «Вождь» продолжает серию политических биографий, начатую в издательстве книгой «Столыпин. Жизнь и смерть» (1991).

Несмотря на то что В. И. Ленин, можно сказать, самый известный политический деятель нашего столетия, его подлинная биография так и не была написана. До сих пор Ленин является для многих знакомым незнакомцем. Кто же он был? «Неотпетый злодей», как ныне его называют ярые антикоммунисты, или же «горный орел», как называл его самый ортодоксальный большевик И. Сталин? Ответ на этот вопрос в какой-то мере и дают материалы этого сборника, среди авторов которого как верные соратники вождя революции, так и его самые непримиримые противники, а также люди, не принадлежавшие ни к тому, ни к другому лагерю.

Материалы приведены в авторской редакции.

С $\frac{0103020000}{153(01)-91}$ без объявл.

ББК 13.5

ISBN 5—7633—0614—7

© Геннадий Павлович Сидоровнин,
составитель, 1991.

ТРИПТИХ

*Я в мавзолей встал в очередь за Лениным, —
Да, я его и со спины узнал.*

*Вошли мы с ним. Он пред своим успением
Повел плечами. «Холодно!» — сказал.*

*Шла очередь, как в те года за хлебушком.
И вышла вся. Закрылся Мавзолей.*

— Куда теперь? — спросил его под небушком.

— В народ, — ответил, — к людям, где теплей.

ЮРИИ КУЗНЕЦОВ

РОД ВОЖДЯ

БИЛЕТ ПО ИСТОРИИ

Взяться за перо меня заставило интервью Ольги Дмитриевны Ульяновой «И вновь о Ленине...», опубликованное в «Аргументах и фактах» (№ 16, 1990 г.), где затронут вопрос о происхождении рода Ульяновых. Некоторые положения этого интервью требуют весьма существенных дополнений и уточнений. И прежде всего, необходимо вспомнить в этой связи известный труд М. С. Шагинян «Семья Ульяновых» (часть I, «Рождение сына»).

В тридцатые годы, собирая материалы для своей книги, М. С. Шагинян много времени провела в исторических архивах Пензы, Ульяновска и Астрахани. По ее мнению, в Астраханском архиве хранились некоторые документы Калмыцкой автономной республики. Они, пишет М. С. Шагинян в своем очерке «Как я работала над «Семьей Ульяновых», «открывались работниками прямо при мне. К сожалению, этот архив, видимо, сильно пострадал во время Отечественной войны и после нее, так что многие документы, виденные, переписанные и переснятые мной в тридцатых годах, утеряны. Во всяком случае, новые работники архива запрашивали меня недавно о фотографиях могильного памятника брата Ильи Николаевича, Василия Николаевича, и его отца». Полагаю, что в соответствии с действующей (не знаю, право, с какого года) инструкцией эти документы могли попасть в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС как имеющие отношение к В. И. Ленину. При этом в описи архивного дела ставится штампик «выбыло» без указания куда и когда. Так что читающий опись может подумать, что дело исчезло бесследно. С такими вещами мне приходилось сталкиваться самому.

Свою работу, как вспоминает М. С. Шагинян, она писала в тесном контакте с Надеждой Константиновной Крупской и Дмитрием Ильичем Ульяновым. «Оба они были моими консультантами и рецензентами, а Дмит-

рий Ильич по выходе книги моей из печати даже подарил мне в Горках свою рукопись воспоминаний о детстве Ленина.

Когда я закончила первую часть работы вчерне, она была послана мною на отзыв Надежде Константиновне. Отзыв ее и предложенные ею поправки стали для меня компасом в моей работе и определили ее судьбу».

Дорого обошлось М. С. Шагинян написание первой части «Семьи Ульяновых», носившей в 1938 году название «Билет по истории». Пострадала за доброжелательные советы и положительный отзыв на нее и Надежда Константиновна Крупская. По инициативе И. В. Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) 5 августа 1938 года принимает постановление «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории», часть I «Семья Ульяновых». В результате роман М. С. Шагинян надолго исчезает из поля зрения читателей. Постановление осудило и «поведение Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку». Далее в постановлении ЦК ВКП(б) говорилось: «Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепринятое дело составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда никаких прав не давал».

Что же вызвало такой гнев И. В. Сталина? Его вызвало опубликование сведений о том, что в жилах В. И. Ленина течет калмыцкая кровь. Добавим, что дед Ленина А. Д. Бланк в этом издании «Билета по истории» указан как малоросс. В 1957 году в новом варианте «Семьи Ульяновых» М. С. Шагинян опускает упоминание о национальности А. Д. Бланка, вновь глухо вернувшись к этому вопросу в издании «Семьи Ульяновых» 1969 года.

Как рассказывала автору этих строк М. С. Шагинян, Н. К. Крупская, которая тяжело переживала несправедливые обвинения постановления, в свою очередь ее

успокаивала. Только 11 октября 1956 года ЦК КПСС своим постановлением «О порядке изданий произведений о В. И. Ленине» отменил постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 года «как ошибочное и в корне неправильное».

АСТРАХАНСКИЕ ПРЕДКИ

В произведениях М. С. Шагинян достаточно полно и объективно дана генеалогия рода В. И. Ленина. Рассказано, что бабушка В. И. Ленина с отцовской стороны Анна Алексеевна Смирнова «вышла из уважаемого калмыцкого рода». К сожалению, подробностей о происхождении Анны Алексеевны Смирновой, в замужестве Ульяновой, ни в романе М. С. Шагинян, ни в работах Ж. А. Трофимова, ни, наконец, в книге А. С. Маркова «Ульяновы в Астрахани», где весьма детально описано происхождение ее супруга Николая Васильевича Ульянова (Ульянина, Ульянинова) на основе материалов, выявленных в 60-е годы, нет.

Вывод о том, что Николай Васильевич Ульянов, видимо, также имеет в своих жилах калмыцкую кровь, можно сделать на основании документов, приведенных М. С. Шагинян в очерке «Предки Ленина (Наброски к биографии)». Там она полностью дает текст приказа № 698 от 21 апреля 1825 года, хранящегося в Астраханском историческом архиве. В этом приказе имеются следующие строки: «Отчужденную от рабства, проживавшую у астраханского купца Михайлы Моисеева дворовую девку Александру Ульянову причислить по ее желанию в астраханское мещанство...» Спустя месяц, 14 мая 1825 года, в другом приказе № 902 говорится о том, что указом Астраханского губернского правления принято решение «причисленную в здешнее мещанство дворовую девку Александру Ульянову» отдать старосте Смирнову...

Рассматривая оба эти приказа, М. С. Шагинян пишет, что интереснейшее явление «рабства», существовавшее в России до 8 октября 1825 года, распространялось на малолетних детей калмыков и киргизов, которые могли быть проданы в рабство своими родителями купцам. «Рабство ограничивалось тем, что достигший двадцатилетнего возраста «отчуждался от рабства».

Александра Ульянова стала свободной от рабства в марте 1825 года, то есть за семь месяцев до вступления в действие закона. И свободной она стала благодаря ходатайству о ее преждевременном освобождении Алексея Смирнова. «Трудно предположить, — пишет далее М. С. Шагинян, — что Александра Ульянова и Николай Васильевич Ульянов, не только однофамильцы, но и одинаково тесно связанные с семьей старосты Алексея Смирнова, — были чужими людьми друг другу». И далее: «В Астрахани коренных русских фамилий было мало. Очень многие произошли в ней от пришельцев, от крещеных калмыков и татар и откупивших себя на волю оброчных крестьян». Так что мы видим — происхождение отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова уходит корнями в калмыцкий народ. Если бы это было не так, то М. С. Шагинян внесла бы поправки в текст книги «Рождение сына» и очерк «Предки Ленина», как она сделала, когда изменения коснулись деда В. И. Ленина с материнской стороны, Александра Дмитриевича Бланка. Но об этом позже.

ШВЕДСКАЯ ВЕТВЬ

В интервью «АиФ» есть фраза, что Мария Александровна «тоже русская, хотя бытует мнение о шведской ветви. Однако документально это не подтверждено». Так ли это на самом деле? Как раз эта линия разработана в третьей главе «Воспоминания одного детства» части I «Рождение сына» романа «Семьи Ульяновых» достаточно подробно и очень убедительно. Пользовалась же М. С. Шагинян при написании этой главы записками старшей сестры Марии Александровны Ульяновой Анны Александровны Веретенниковой, которая хорошо знала историю своих шведско-немецких предков. Именно благодаря роману М. С. Шагинян мне удалось установить местонахождение домов, в которых жили предки В. И. Ленина с материнской стороны в Петербурге и принадлежавших им.

К сожалению, записки А. А. Веретенниковой, которыми широко пользовалась при написании «Семьи Ульяновых» М. С. Шагинян, до сих пор не опубликованы и хранятся в сейфах ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Однако, рассказывая о шведских предках В. И. Лени-

на, вероятно, сегодня можно обойтись и без публикации записок А. А. Веретенниковой. Дело в том, что шведские исследователи жизни В. И. Ленина провели большую работу по установлению генеалогии его рода, так как он — потомок шведов, выехавших в Россию. В 1970 году в Швеции вышла книга Уно Виллерса «Ленин в Стокгольме» на русском и шведском языках. Именно в этой книге дана генеалогия шведской ветви рода В. И. Ленина. Отмечу вместе с тем, что Уно Виллерс при составлении таблицы допустил некоторые неточности. Поэтому внесем поправки, опираясь на печатные и архивные источники.

В первом томе С.-Петербургского некрополя указано, что Анна Беатта Гросшопф (прабабушка В. И. Ленина) родилась 19 февраля 1773 года, а умерла 23 февраля 1847 года. Уно Виллерс дату ее рождения не указывает. Похоронена Анна Беатта Гросшопф, или, как ее все звали, Анна Карловна, на Смоленском Евангелическом кладбище. Ее могила, как и могилы других родственников — предков В. И. Ленина, не сохранилась. Уничтожены после революции. Мои попытки найти их в 1965 году не увенчались успехом. Юган Готтлиб Гросшопф (прадед В. И. Ленина) — это не кто иной, как Иван (или Иоган) Федорович Гросшопф, умерший в 1820-е годы. Долгое время он работал консультантом Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. Уно Виллерс пишет, что И. Ф. Гросшопф — купец. Но это неверно. В ЦГИА СССР имеется его послужной список, из которого видно, что он происходит «из иностранных купеческих детей». Это же личное дело гласит, что И. Ф. Гросшопф «в службу вступил в должность публичного нотариуса в Государственную Юстиц-коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел» 24 июля 1795 года и всю свою жизнь, как мы знаем из архивных источников, прослужил в этом учреждении, дослужившись до консультанта. К своим служебным обязанностям он относился добросовестно, и поэтому на вопрос: «К продолжению статской службы способен ли? К повышению чина достоин или нет?» — следовал категорический ответ, подписанный Президентом Юстиц-коллегии бароном Андреем Корфом, отцом однокашника А. С. Пушкина по лицу, Модеста Корфа: «Способен и достоин». Из этого же послужного списка видно, что на

момент его заполнения (вероятно, 1806 год) в семье И. Ф. Гросшопфа было восемь детей. По национальности, как пишет М. С. Шагинян в своем романе «Семья Ульяновых», И. Ф. Гросшопф был немцем. К сожалению, его генеалогия не разработана, поэтому сегодня трудно сказать, жили ли его предки, как жили предки его жены, в нашем городе, или он был первым представителем своего рода в России и в Петербурге.

Александр Дмитриевич Бланк не был доктором медицины, как пишет в своей книге Уно Виллерс (это ученая степень), а был штаб-лекарем, медико-хирургом и акушером. Последняя его должность перед уходом на пенсию — доктор Златоустовской оружейной фабрики.

В схеме, составленной Уно Виллерсом, указывается, что А. Д. Бланк родился в 1802 году, а умер в 1873 году. Документы Государственного исторического архива Татарской АССР свидетельствуют о том, что Александр Дмитриевич Бланк умер 17(29) июля 1870 года, спустя три месяца после рождения у его любимой дочери Марии Александровны сына Владимира. Видел А. Д. Бланк своего новорожденного внука или нет — неизвестно. Но, учитывая, что после родов Мария Александровна болела, Александр Дмитриевич не мог не навестить дочь. Такой уж был у него характер. Детей и внуков он очень любил. Необходимо отметить также, что в метрической книге села Черемышева, на кладбище которого похоронен А. Д. Бланк, указано, что статскому советнику Александру Дмитриевичу Бланку был 71 год. Бесспорно, метрическая книга более точный документ. Поэтому в составленной мною схеме генеалогии рода В. И. Ленина я указываю дату рождения А. Д. Бланка — 1799 год.

Илья Николаевич Ульянов работал не директором школы, как пишет Уно Виллерс, а директором народных училищ Симбирской губернии. Его чин не действительный советник, такого чина в России не было, а действительный статский советник. После окончания Казанского университета он был удостоен звания кандидата математических наук.

Перед тем как привести свою таблицу, Уно Виллерс пишет: «Пожалуй, нельзя с уверенностью сказать, знал ли Ленин подробно об этом генеалогическом фоне. Однако точно известно, что его мать Мария Александровна, с которой он однажды встречался в Сток-

гольме, хорошо знала о своем шведском происхождении». Откуда такие сведения у Уно Виллера, не берусь сказать, но думаю, что В. И. Ленин, как и другие члены семьи Ульяновых, хорошо знал о своем шведском генеалогическом древе, а Мария Александровна, судя по всему, свободно владела шведским языком, научившись ему от своей тетки Екатерины Ивановны Гросшопф (в замужестве Эссен). Косвенно знание Марией Александровной шведского языка подтверждается следующим фактом. Хорошо известно, что Ольга Ильинична Ульянова одно время хотела поступить учиться в Гельсингфорский университет. Но так как там преподавание велось на шведском языке, то она в течение года им овладела. Нет сомнений, что в этом активно помогала ей мать — Мария Александровна Ульянова, с которой Ольга Ильинична, бесспорно, практиковалась в разговорной речи, а также с ее помощью училась шведской грамоте.

НАХОДКИ В ЛЕНИНГРАДСКИХ АРХИВАХ

Документы о происхождении Александра Дмитриевича Бланка были выявлены независимо друг от друга в конце 1964 года А. Г. Петровым и мною 3 февраля 1965 года, и тогда же об их наличии было сообщено М. С. Шагинян. Но до сих пор они не опубликованы. Глухой намек о происхождении А. Д. Бланка М. С. Шагинян сделала на основании этих документов. Вот что она пишет в третьей главе «Воспоминания одного детства» части I «Рождение сына» романа «Семья Ульяновых»: «...Александр Дмитриевич Бланк был родом из местечка Староконстантинова Волынской губернии. Окончив Житомирское поветовое училище, он приехал с братом в Петербург, поступил в Петербургскую Медико-хирургическую академию и закончил ее в звании лекаря...» Все так, все правильно. Еще раз внимательно вчитаемся в эти строки. Местечко Староконстантинов...

Двадцать пять лет назад М. С. Шагинян не могла написать правды, никто бы не пропустил. Время было не то. Вот и пришлось прибегнуть к маскировке. Хорошо, что цензоры не поняли, а может, сделали вид, что не поняли того, что сказала словами «местечко»

М. С. Шагинян. Да, вместе с братом А. Д. Бланк приехал в Петербург поступать в Медико-хирургическую академию. Но на их пути стеной встали законы Российской империи, запрещавшие принимать евреев в государственные учебные заведения. Это и заставило недогматически воспитанных братьев Бланк перейти в православие. В деле «О присоединении к нашей церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона», хранившемся до марта 1965 года в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, имеется их собственноручное заявление по этому вопросу. Вот его текст: «Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами, Греко-российскую религию исповедающими, мы желаем ныне принять оную. А посему, Ваше преосвященство, покорнейше просим о посвящении нас священным крещением учинить Самсониевской церкви священнику Федору Барсову предписание... К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил». Крещение было учинено в Самсониевском соборе в июле 1820 года. Восприемниками Израйля Бланка стали граф Александр Апраксин и жена сенатора Дмитрия Осиповича Баранова — Варвара Александровна. Восприемником его брата Абелья стал сенатор Д. О. Баранов и жена действительного статского советника Елизавета Шварц. В честь своих восприемников братья Бланк взяли имена Александр и Дмитрий, а Александр взял отчество Дмитриевич, в честь восприемника своего брата — известного общественного деятеля, поэта и шахматиста.

Вторичное упоминание о том, что братья Бланк из евреев, имеется в материалах о поступлении их в Медико-хирургическую академию. До марта 1965 года эти материалы также хранились в Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве СССР. Затем дело «выбыло». В нем, наряду с заявлением о зачислении в академию, находились аттестаты, полученные братьями Бланк в Житомирском поветовом училище, и свидетельство о крещении, выданное им священником церкви преподобного Самсония Федором Барсовым. Отдельно братья Бланк дали обязательство строго соблюдать все требования, которые накладывало

на них принятие православия. С этого момента, по законам Российской империи, они считались православными и никто не мог ущемлять их права. Путь для получения высшего образования братьям Бланк был открыт. В июле 1820 года они были зачислены в Медико-хирургическую академию волонтерами и успешно окончили ее в 1824 году.

Не ставя своей задачей описать весь служебный путь А. Д. Бланка, хочу отметить, что он был очень талантливым человеком, и поэтому в его анкете на вопрос: «К продолжению статской службы способен ли? К повышению чина достоин или нет?» — следовал ответ: «Способен и достоин». А. Д. Бланк был одним из пионеров бальнеологии в России и основал первую водолечебницу для рабочих Урала.

Узнав, что открыты новые данные, М. С. Шагинян, как и всякий добросовестный исследователь, начала думать об их публикации. Она писала мне 7 мая 1965 года:

«Генеалогия отца Марии Александровны точно выяснена благодаря находке в архиве нужных документов. Находку сделал ленинградец Александр Григорьевич Петров... Об этом мною было доложено в Институт марксизма-ленинизма. «Семья Ульяновых (1-я часть, где говорится о родословных отца и матери) будет переиздаваться, вероятно, в будущем году, и я надеюсь получить разрешение на публикацию этих новых данных.

Сердечный привет
М. Шагинян.

Р. С. Я смотрю на понятие национальность абсолютно как Вы, т. е. не придаю ему ни малейшего значения, кроме фактического и исторического. Но напоминаю Вам, что моя книга «Семья Ульяновых» была изъята на 22 года, а я за нее порядком пострадала из-за того, что открыла калмыцкое прошлое в роде отца и этим воспользовались фашистские немецкие газеты в 37-м году.

М. Ш.»

Однако надежды М. С. Шагинян выпустить книгу с необходимыми исправлениями и дополнениями не спешили сбыться. 28 марта 1966 года она пишет:

«Дорогой тов. Штейн, лежу больная и запустила свою корреспонденцию. Вы спрашиваете, когда переиздадут «Семью Ульяновых». Мне запретили упомянуть в новом издании о новых данных, открытых в архиве, в генеалогии матери Ленина, а я запретила печатать «Семью Ульяновых» без этих данных. «Роман-газета» вынуждена была в силу моего отказа выпустить «Первую Всероссийскую» (вторую часть трилогии) без «Семьи Ульяновых». Больше я ничего не смогла сделать, и мне тошно от такого непонятного для меня запрета. Это не только отвратительно, но и политически глупо. Пришлите фотографии, буду Вам очень благодарна. Если Вы сможете повидать Петрова, скажите ему, что я была просто ошеломлена, узнав, будто работников архива постигла какая-то неприятность. Если это их может утешить, пусть сообщит им, что и мне самой не легче. Я никак не думала, что все так обернется.

Сердечный привет
М. Шагинян».

Когда в ИМЛ узнали, что в ленинградских архивах найдены документы о еврейском происхождении А. Д. Бланка, разразился страшный скандал. Посыпались выговоры, некоторых посняли с работы. Все архивные дела, которые могли хоть как-то раскрыть тайну о еврейском происхождении А. Д. Бланка, были изъяты и увезены в ИМЛ. Как рассказали мне сотрудники архива, страницы дел были перенумерованы, в некоторых случаях переписаны листы использования. В этом убедился я сам, когда увидел спустя много лет опись одного из дел, хранящихся в Центральном историческом архиве СССР, которую читал в далеком 1965 году, и не обнаружил на «Листе использования» своей фамилии и подписи, хотя она стояла вслед за фамилией А. Г. Петрова. По-иному поступили с делом о крещении А. Д. Бланка в Центральном историческом архиве Ленинграда. Там и «Лист использования» изъяли, но зато вместо выданных страниц дела ответственный хранитель фондов Куликова вложила лист с рукописным текстом, который гласит, что «согласно устному распоряжению заведующего архивным отделом исполкома Ленгорсовета Виноградова В. П. подлинник листов 326—329 ед. хр. 632, опись 17, фонд 19

изъяты (без копирования) и направлены через архивный отдел в Главное архивное управление при СМ СССР». Благодаря этому мы имеем сегодня доказательство, как изымались документы, неугодные власти имущим.

Вскоре после прочтения материалов об А. Д. Бланке меня вызвали в Ленинградский обком КПСС и порекомендовали не совать нос куда не просят. Ответственный работник обкома заявил мне: «Мы вам не позволим позорить Ленина!» От подобной фразы я опешил. Но тут же сообразил, что мой собеседник великолепно понимает оскорбительный смысл сказанных слов, а также и то, что жаловаться мне некуда. Никто не поверит, а меня обвинят в клевете и в чем угодно другом. Сила на его стороне. «А что, быть евреем это позор?» — спросил я своего собеседника. «Вам этого не понять», — последовал незамедлительный ответ. «А как же тогда с Марксом, ведь он тоже еврей?» — вновь задал я вопрос. «К сожалению», — ответил мой собеседник. И тут, наконец спохватившись, что хватил лишнего, добавил: «Я вам рекомендую лучше заняться поисками героев войны, а мы со своей стороны посоветуем руководству архивов документы, касающиеся предков Ленина, вам не давать». На этом мы и простились. Работу пришлось прервать. Впрочем, звонок в отношении меня был не только в архивы, но и на мою работу, о чем я случайно узнал спустя много лет. При этом были высказаны соответствующие рекомендации. Но больше меня не трогали... Сравнительно недавно я рассказал об этом разговоре одному человеку, который оказался однокурсником моего обкомовского собеседника. Выслушав меня, он задал неожиданный вопрос: «А вы знаете, кем по национальности являлась бабушка вашего собеседника?» — «Нет», — ответил я. «Еврейкой», — последовал неожиданный ответ. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. В жизни бывают парадоксальные ситуации. Но тогда, в 1965 году, мне было не до смеха. Не до смеха было и М. С. Шагинян.

В своем письме от 24 октября 1967 года она написала мне, что считает своей заслугой получение фотокопий документов о происхождении А. Д. Бланка и сохранение этих материалов для будущих историков, особо подчеркнув: «...кроме всего прочего, приняла на себя удар за это, до сих пор он, этот удар, чувствуется

в моей литер(атурной) судьбе, но я надеюсь — люди поймут, какую подлую и глупую позицию по отношению к исторической истине они заняли, не соответствующую ни коммунизму, ни научной честности». При личной встрече М. С. Шагинян сказала мне, что ее за эту находку не наградили орденом к юбилею. Но это все лирика. Однако знать ее нужно. Главная же цель данной статьи — дать ответ на вопрос: кто же по национальности Владимир Ильич Ульянов (Ленин)? И я уверенно отвечаю: «Русский. Русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию, потомственный русский дворянин по происхождению (Илья Николаевич Ульянов, будучи действительным статским советником, имел на получение потомственного дворянина все права)». Генеалогия рода В. И. Ульянова (Ленина) только убеждает нас, что понятие национальности в паспорте, знаменитый пятый пункт — анахронизм. Его нет ни в одной стране мира, кроме нас и, пожалуй, ЮАР. А во всех цивилизованных странах мира интересоваться национальностью человека считается просто бестактностью. Поэтому пункт о национальности в анкетах необходимо отменить. И заменить его, если уже так хочется знать подобный анахронизм, вопросом: «Какой язык считаете родным?»

Такова правда о генеалогии рода В. И. Ульянова (Ленина). Сегодня настала пора гласности. И, думается, пора опубликовать его генеалогию. Ликвидировать еще одно «белое пятно» в истории. И еще было бы неплохо переиздать часть 1-ю «Рождение сына» романа «Семья Ульяновых» в том виде, в каком ее хотела видеть М. С. Шагинян, без всяких купюр.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уже после появления в СССР статьи М. Штейна в нью-йоркском издательстве «Телекс» была выпущена публикация Г. М. Дейча «Еврейские предки Ленина» с оригинальными материалами, существенно дополняющими приведенную выше статью. С позволения директора издательства и редактора публикации А. Серебренникова ниже приводятся авторские сноски со страниц 7, 8 и документ со страницы 20.

К чему привели бездоказательные рассуждения и утверждения некоторых зарубежных авторов, можно судить по той дискуссии, которая развернулась на страницах одного из самых старых и солидных русскоязычных изданий — «Нового Журнала».

Начало дискуссии положила статья Н. Валентинова «О предках Лесина», опубликованная в № 61 этого журнала за 1960 год.

Многоопытный автор, лично знавший В. И. Ленина и неоднократно беседовавший с ним, решительно утверждал: «В черносотенных кругах пытались доказать, что он еврей, что отсюда в Ленине течет еврейская кровь и все беды в России, попавшей в руки Ленина, идут именно из этого вражеского источника. Но вне черносотенцев кое-кто тоже считал и считает Бланка евреем, но, конечно, крещеным. Так, приходилось слышать, что якобы в архиве Синода обнаружены после октябрьской революции весьма мерзкие доносы Бланка на своих соплеменников. Ни один биограф Ленина о национальности Бланка не говорит. Где он родился, откуда он — не знаю, но уверен, что, и о том уже писал, — Бланк не еврей». Как видим: заявление ясное и четкое.

В связи с этой статьей Н. Валентинова в «Новом Журнале» № 63 за 1961 г. появились две публикации, одна из которых подписана псевдонимом «Историк» и вторая, принадлежавшая автору вышедшей в 1948 г. в Нью-Йорке и переведенной затем на 16 европейских и азиатских языков биографии Ленина — Д. Шубу под названием «По поводу статьи Н. Валентинова и письма в редакцию «Историка».

В своем письме «Историк», между прочим, писал: «Между тем я вовсе не черносотенец, но как историку мне этот вопрос интересен, и я помню, что года три тому назад в «Новом Русском Слове» была большая статья П. Берлина, утверждавшего, что Александр Давидович Бланк, родом из Одессы, был крещеным евреем и что в Синоде нашли дело о переходе его в православие... Ясно, что отец А. Д. Бланка Давид Бланк был около 1800 г. торговцем или банкиром в Одессе, вероятно, переселившись туда из близкой Бессарабии... Доктор А. Д. Бланк, прослуживший 23 года (до 1847 г.), наверное, дослужился до статского советника (чин V класса)».

В своей публикации Д. Шуб, безусловно утверждая еврейское происхождение Ленина, ссылался на свои беседы с известным историком российского еврейства — С. М. Гинзбургом и редактором нью-йоркской газеты «Форверст» — А. Каганом, которые ему сообщили ряд важных деталей, и в частности, что С. М. Гинзбург лично видел в архиве Синода папку с документами о еврейском фельдшере из Одессы по имени Александр Бланк, написавшем много доносов на евреев вообще и служителей религии в особенности. Гинзбург также сообщил, что эту папку вскоре после революции увезли в Москву. Не соглашаясь с утверждением некоторых исследователей о том, что и бабка Ленина была еврейкой, Шуб добавляет: «Что же касается ее мужа, Александра Бланка, то несомненно, что он был еврей из Одессы, фельдшер Александр Бланк, принявший православие, автор доносов на своих соплеменников. Мы, т. е. Гинзбург и я, тогда решили пока не публиковать этот факт, но я написал о нашем «открытии» П. А. Берлину и также, кажется, Н. В. Валентинову. С обоими я тогда часто переписывался, и я тоже просил их пока не упоминать об этом в печати. Н. В. Валентинов во многих своих статьях о Ленине не касался этого вопроса, но П. А. Берлин не удержался и через несколько лет написал об этом в нью-йоркском «Новом Русском Слове», правда, без ссылки на источник».

К сказанному добавлю, что такая разногласица и бездоказательность встречается не только по вопросу о еврейских предках Ленина, но и их дворянстве, имущественном положении и т. п.

Представление министра внутренних дел Льва Перовского императору Николаю I записки крещеного еврея Бланка о мерах побуждения евреев к переходу евреев из иудейской веры в христианскую

«Из Комиссии прошений препровождена ко мне, присланная на Высочайшее имя, записка проживающего в Житомире крещеного 90-летнего еврея Д. Бланка, коего два сына получили лекарское звание, один умер, а другой состоит и поныне штаб-лекарем на службе. Старец этот, ревнуя к христианству, излагает некоторые меры, могущие, по его мнению, служить побуждением к обращению Евреев.

Предложения Бланка состоят в том, чтобы запретить Евреям ежедневную молитву о пришествии Мессии и повелеть молиться за Государя Императора и весь августейший дом его. Запретить Евреям продавать христианам те съестные припасы, которые не могут быть употребляемы самими Евреями в пищу, как, например, квашеный хлеб во время пасхи и задние части битой скотины, запретить также христианам работать для Евреев в субботние дни, когда сии последние, по закону своему, работать не могут.

12 октября 1846 г.

Лев Перовский.

№ 237».

На представлении (докладе) Перовского имеется резолюция: «Высочайше повелено препроводить в Комитет о еврейских делах.

26 октября 1846 г. В Царском селе»*.

*Н. Валентинов * **

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

В Женеве я сошел с поезда, не имея никакого багажа, кроме зубной щетки, куска мыла, полотенца и зашитого в полу пальто письма Кржижановского к Ленину. Я хорошо помнил маршрут, начертанный Кржижановским. «Выйдя с вокзала, идите прямо по rue de Mont-Blanc, первая улица налево будет route de Lau-

* ЦГИА СССР, фонд Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (фонд № 821), 1846, оп. 11, ед. хр. 21, л. 161.

** Н. Валентинов — псевдоним Николая Владиславовича Вольского (р. 1879 г.).

sanne, берите ее, в конце упретесь в rue du Fouet, в № 10, там и живет monsieur Ульянов, т. е. Ленин».

< . . . >

Через несколько минут мы были у Ленина. Я увидел крепко сложенного человека, небольшого роста, лысого, с редкой темно-рыжей бородкой и такими же усами. Самым внимательным образом вглядываясь в фотографии Ленина, появившиеся после 1917 г., с трудом поверил бы, что это тот самый человек, которого впервые увидел 5 января 1904 г. Подавляющая часть этих фотографий просто лжива. Особенно же фальшива одна распространенная, канонизированная, на которой Ленин представлен в виде какого-то гордого, красивого bruneta. Приходилось позднее много раз слышать и читать о ярко выраженном монгольско-татарском обличе Ленина. Это неоспоримо, однако при первой встрече, да и всех последующих, я на «антропологию» Ленина не обратил и не обращал никакого внимания. Его лицо казалось совершенно таким же, как у множества других русских, особенно в районе средней и нижней Волги. Пожалуй, немного косят глаза, да и то не оба, а скорее только правый. Глаза были темные, маленькие, очень некрасивые. Но в глазах остро светился ум, и лицо было очень подвижно, часто меняя выражение: настороженная внимательность, раздумье, насмешка, колючее презрение, непроницаемый холод, глубочайшая злость. В этом случае глаза Ленина делались похожими на глаза — грубое сравнение — злого кабана.

В первые же минуты визита к Ленину я познакомился с одним только ему принадлежащим жестом. Говоря или споря, Ленин как бы приседал, делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт жилета около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Прихлопывая правой ногой, он делал затем небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, распускал кулаки, так что ладони с четырьмя пальцами изображали растопыренные рыбы плавники. В публичных выступлениях такая жестикуляция имела место сравнительно редко. При разговорах же, особенно если Ленин вдалбливал своим слушателям какую-нибудь мысль, а в каждый данный момент он всегда бил сло-

вом только в одну мысль, эта жестикуляция, этот шаг вперед и шаг назад, игра сжатым и разжатым кулаком — происходили постоянно. Постоянно попадая в поле зрения собеседников, ленинская жестикуляция настолько их заражала, что некоторые из них, например, Красиков и Гусев, тоже начинали запускать пальцы за жилетку. Ленин гипнотизировал и этим...

Я пришел к Ленину во втором часу дня, и лишь в восьмом часу он отвел меня в отель на Plaine de Plain palais, оплачиваемое партией обиталище, где останавливались приезжие из России люди, главным образом, будущие советские сановники, сторонники Ленина. Кроме Красикова, там жили В. В. Воровский, будущий посол СССР в Скандинавии, потом в Италии, Гусев (Драпкин), будущий член Военно-Революционного Совета, начальник Политического Управления Республики, секретарь ЦКК, заведующий отделом печати Центрального Комитета Коммунистической партии и др. Так как все приезжающие из России, заматая следы, должны были жить в Женеве под выдуманными именами, Ленин, узнав, что голодовка в тюрьме подкосила мою силу, применительно к тому факту изобрел для меня кличку.

— Библейский Самсон потерял силу, когда остригли его волосы, — сказал он, — у вас силу и мускулы остригла голодовка, по аналогии даю вам имя — «Самсонов».

Под этой фамилией я и был представлен обитателям отеля и ровно год прожил в Женеве.

Шесть часов, проведенных у Ленина, были делом совсем не легким. Крупская, распоров полу моего пальто, извлекла оттуда письмо Кржижановского, проявила его (часть была написана симпатическими чернилами) и сообщила его содержание Ленину. По отдельным фразам, которыми они обменялись, я понял, что кроме сообщения о партийных делах, аресте недавно поселившегося в Киеве брата Ленина и двух его сестер, была просьба «обратить на посланного внимание». И Ленин его «обратил». На меня буквально обрушился целый каскад вопросов. Ленин находился тогда в очень подавленном состоянии. Два месяца до этого, первого ноября 1903 г., он увидел себя вынужденным уйти с редакторского поста столь любимой им «Искры». Для него это была настоящая трагедия, не-

переносимое ущемление самолюбия. Он был как бы свержен, потерял силу, остался не у дел. Все именитые верхи партии в Женеве были «меньшевиками». Около него лишь небольшой кружок поддерживающих его лиц. В Центральном Комитете в России его единомышленники, выбранные на съезде партии, вместо того чтобы вести непримиримую борьбу с меньшевиками, как того требовал Ленин, стали склоняться к «примиренчеству». Ленин буквально накидывался на всякого приезжающего из России человека, стремясь с присутствующим ему страстью сделать его своим сторонником, узнать, что о партийных разногласиях говорят в России. Еле успевал я ответить на один вопрос, появлялся другой, третий и так без счета. Я сказал Ленину — это ему очень понравилось, — что он меня гоняет, как на конских заводах гоняют на корде молодых лошадей. Заметив мою крайнюю усталость, Ленин наконец расспросы прекратил. Нетрудно было заметить, что произведенное «испытание» я выдержал как будто удовлетворительно. Я это мог заключить из того, что для продолжения беседы Ленин пригласил меня прийти к нему через два дня, потом еще через два дня.

< . . . >

Хорошим способом узнать побольше о Ленине мне казался разговор о художественной литературе. Какие произведения он любил, какие люди ему в них интересны, что в них нравится или не нравится? Я сказал об этом В. В. Воровскому — в отделе его комната была рядом со мною; до отъезда в Россию он часто со мною вел разговор на самые разнообразные темы. С ним можно было говорить о многом: о дифференциалах, интегралах, механике и художественной литературе. Воровский улыбнулся.

— Поисследовать Ленина хотите, ну что же — попробуйте. Он всех нас исследует, займемся и мы им. Я тоже этим делом занимался. Но предупреждаю — Ильич очень часто любит делать «глухое ухо». Я хотел однажды узнать — читал ли он Шекспира, Байрона, Мольера, Шиллера. В ответ ни да, ни нет не получил, все же понял, что никого из них он не читал и дальше того, что слышал в гимназии, не пошел. Изучая в Сибири немецкий язык, он прочитал в подлиннике «Фауста» Гете, даже выучил наизусть несколько

тирад Мефистофеля. Вы здесь недавно, поживете подольше — непременно услышите, как в полемике с кем-нибудь Ленин пустит стрелу:

Ich salutiere den gelehrten Herrn
Irr habt mich weidlich Schwitzen machen.—

Но, кроме «Фауста», ни одну другую вещь Гете не знает, он делит литературу на нужную ему и ненужную, а какими критериями пользуется при этом различии — мне неясно. Для чтения всех сборников «Знания» он, видите ли, нашел время, а вот Достоевского сознательно игнорировал. «На эту дрянь у меня нет свободного времени». Прочитав «Записки из Мертвого дома» и «Преступление и наказание», он «Бесы» и «Братьев Карамазовых» читать не пожелал. «Содержание сих обоих пахучих произведений,— заявил он,— мне известно, для меня этого предостаточно». «Братьев Карамазовых» начал было читать и бросил: от сцен в монастыре стошнило. Что же касается «Бесов» — это явно реакционная гадость, подобная «Панургову стаду» Крестовского, терять на нее время у меня абсолютно никакой охоты нет. Перелистал книгу и швырнул в сторону. Такая литература мне не нужна — что она мне может дать?»

После того, что услышал от Воровского, желание «поисследовать» Ленина с помощью его отзывов о художественной литературе не уменьшилось, а скорее увеличилось. Как к этому приступить? Ведь было бы смешно ни с того ни с другого спрашивать: Владимир Ильич, сочинения какого автора и почему вы больше всего любите? То, что я мог в этой области получить, могло бы быть только случайным и при случайно возникшем разговоре. Так, случайно я узнал, что Ленин любит «Войну и мир» Толстого, а морально-философские размышления, которые вклеены в роман, считает глупостью. Это ничего не давало. Я не встречал еще ни одного русского человека, заявившего, что он не ценит и не любит это произведение.

Мимолетный разговор было о романах Гончарова. «Обрыв» Ленин совсем не ценил. Главного героя романа Райского назвал «никчемным болтуном» и другим, уже непечатным словом, а в поднадзорном Марке Волохове видел «скверную карикатуру на революционе-

ров». Отношение к «Обломову» Гончарова у него было иным и весьма оригинальным.

— Я бы взял не кое-кого, а даже многих из наших партийных товарищей, запер бы их на ключ, в комнате и заставил читать «Обломова». Прочитали? А ну-ка еще раз. Прочитали? А ну-ка еще раз. А когда взмолятся, больше, мол, не можем, тогда следует приступить к допросу: а поняли ли вы, в чем суть обломовщины? Почувствовали ли, что она и в вас сидит? Решили ли твердо от этой болезни избавиться?

Случайно узнал, что в гимназии Ленин написал сочинение на тему «Пророк» Пушкина, однако разговор о том был прерван и больше не возобновлялся. Лишь позднее мне стало известно, что в Симбирской гимназии, где учился Ленин, литературу преподавал Ф. М. Керенский — отец Александра Федоровича Керенского*. Это он многим своим ученикам, в том числе и Ленину, внушил великое почтение и любовь к Пушкину. Немилосердно ругая сына Керенского и очень хорошо отзываясь о Керенском-отце, Ленин рассказывал об этом П. А. Красикову, а разговор о том возник по следующему поводу. В 1921 г. (или 1920-м — не могу точно сказать) Ленин посетил Вхутемас — Высшее художественное училище в Москве. Если не ошибаюсь, в какой-то заметке есть о том и у Крупской. На вопрос Ленина, что читает сейчас молодежь, любит ли она, например, Пушкина, — студенты и студентки Вхутемаса почти единогласно ответили, что Пушкин «устарел», они его не признают, он «буржуй», представитель «паразитического феодализма», им никто теперь не может увлекаться и все они стоят за Маяковского — он революционер, а как поэт намного выше Пушкина*. Ленин

* Когда Ленин писал сочинение о «Пророке» Пушкина, — сыну директора гимназии Керенского было только шесть лет. Через тридцать лет эти два уроженца Симбирска, города, по выражению Гончарова (тоже уроженца Симбирска!), погруженного в непробудный сон, «в оцепенение покоя», в своего рода «штиль на суше», предстали на фоне величайшей, потрясшей Россию, социальной бури, бешеного урагана, встав в центре не только всероссийского, а мирового внимания. Борьба этих двух русских людей из Симбирска — по своему смыслу, значению и последствиям — вышла далеко из русских границ.

слушал это, пожимая плечами. Стихи Маяковского он совершенно не переносил. После посещения Вхутемаса, беседуя с Красиковым, Ленин говорил:

— Совершенно не понимаю увлечения Маяковским. Все его писания — штукачество, тарабарщина, на которую наклеено слово «революция». По моему убеждению, революции не нужны играющие с революцией шуты гороховые вроде Маяковского. Но если решат, что и они ей нужны, — пусть будет так. Только пусть люди меру знают и не охальничают, не ставят шутов, хотя бы они клялись революцией, выше «буржуя» Пушкина и пусть нас не уверяют, что Маяковский на три головы выше Беранже.

— Я передаю, — рассказывал мне Красиков, — подлинные слова Ленина. Можете их записать. Давайте сделаем большое удовольствие Ильичу — трахнем по Маяковскому. Так статью и озаглавим: «Пушкин или Маяковский?». Нужны ли революции шуты гороховые? Конечно, на нас накинута, а мы скажем: обратитесь к товарищу Ленину, он от своих слов не откажется.

Статья не была написана, но, оставая в стороне вопрос о нашей компетентности в этой области, она могла быть напечатанной, тогда как теперь, когда Сталин изрек, что «Маяковский был и остается талантливейшим поэтом советской эпохи», «Правда» (№ 12, авг., 1951 г.), как всегда, лживо заявила, что «многие стихи Маяковского написаны под непосредственным впечатлением выступлений тов. Сталина», — всякая критика сего поэта стала невозможной — ее приказано считать «клеветой классового врага».

Более основательным был у меня разговор с Лениным о Некрасове. Ленин его превосходно знал и, конечно, любил. Ничего удивительного в том нет. На иконостасе нескольких революционных поколений Некрасов неизменно и по праву занимал место любимой иконы. Если что мне и показалось странноватым, так это

* По словам Ю. П. Денике (журнал «На рубеже»), в СССР издано, главным образом за позднейшие годы, более сорока миллионов экземпляров Пушкина, в том числе около пяти миллионов на других языках, кроме русского. Маятник с 1920 г. качнулся в противоположную сторону: от отрицания «буржуя» Пушкина, от признания его «устарелым» — к глубочайшему преклонению перед ним. Это хороший показатель и общественного выздоровления, и роста культуры.

почти нежное сочувствие Ленина крестьянофильским пассажирам в стихотворениях Некрасова и особенно в «Кому на Руси жить хорошо». В моих глазах это плохо увязывалось с марксистской любовью Ленина к пролетариату — ведь обычно его мыслили как антипода крестьянства. Говоря о Некрасове, я заметил (знаю теперь — ошибочно), что, хотя он много писал о деревне, — у него нет особо хороших описаний природы.

— Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь! — воскликнул Ленин. — А ну-ка попробуйте найти лучшее, чем у Некрасова, описание ранней весны. — И, картавя, катая «р», он продекламировал:

Идет, гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний Шум,
Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят.
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса.
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березынька
С зеленою косою.

Ленин после этого два раза, точно вталкивая в меня, чтобы я это понял, повторил:

И липа бледнолистая,
И белая березынька
С зеленою косою.

— А вы любите липу? — спросил я.

— Это самое, самое любимое мною дерево!

С большим жаром продекламированный «Зеленый Шум» и то, что мимоходом уже приходилось слышать от него, — мне показали, что Ленин действительно любит природу, хотя об этом нельзя предположить, судя, например, по тем невероятно, до дикости грубым строкам, которые изредка он посвящал искусству и литературе. «Поэтическая» любовь к природе у человека столь мало поэтического, как Ленин, конечно, вызвала у меня удивление, а через несколько дней мне пришлось испытать и другое удивление.

Некая дама приехала в Женеву с специальной целью познакомиться с Лениным. У нее от Калмыко-

вой (*persona grata*, дававшая в 1901—1903 гг. деньги на «Искру») было письмо к Ленину. Имея его, она была уверена, что будет им принята с должным вниманием и почтением. После свидания дама жаловалась всем, что Ленин принял ее с «невероятной грубостью», почти «выгнал» ее. Гусев передал об ее сетованиях Ленину, и тот пришел в величайшее раздражение:

— Эта дура сидела у меня два часа, отняла меня от работы, своими расспросами и разговорами довела до головной боли. И она еще жалуется. Неужели она думала, что я за ней буду ухаживать. Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты. И за кем ухаживать? Эта дура — подлинный двойник Матрены Семеновны, а с Матреной Семеновной я никаких дел иметь не желаю.

— Какая Матрена Семеновна? — с недоумением спросил Гусев.

— Матрена Семеновна Суханчикова из «Дыма» Тургенева. Стыдно не знать Тургенева.

С этого дня, к величайшему моему удивлению и особому удовольствию (Тургенева я очень любил), я узнал, что Ленин великолепно знает Тургенева, намного лучше меня. Он помнил и главные его романы, и рассказы, и даже крошечные вещицы, названные Тургеневым «Стихотворения в прозе». Он, очевидно, читал Тургенева очень часто и усердно, и некоторые слова, выражения Тургенева, например, из «Нови», «Рудина», «Дыма», ввелись в его лексикон. Кроме Воровского и меня, этого никто не замечал. Так, по поводу самоубийства в Сибири Федосеева он сказал: «Однако Федосеев не был барчуком и хлюпиком вроде Нежданова» (персонаж из «Нови»). Другой раз от Ленина можно было услышать: «Это не человек, а китайский болванчик, слова, слова, а дел нет» (лишь немножко измененная фраза из «Рудина»). Он очень часто пользовался ненавистным ему образом Ворошилова из романа «Дым» Тургенева. Представление о нем у Ленина обычно сопровождалось накатом жгучего презрения. Обозвать кого-нибудь из пишущей братии Ворошиловым он считал одним из сильнейших оскорблений, и из произведений Ленина мы знаем, что таким эпитетом немилосердно злоупотреблял. Например, в статье «Аграрный вопрос и критика Маркса», напечатанной в «Заре» (№ 2—3, 1901 г.), полемизируя с В. М. Черновым, Ле-

нин 14 раз именует его Ворошиловым, делая к этому добавления вроде: «Ворошилов извращает», «Ворошилов безбожно путает», «Ворошилов хвастается», «За Ворошиловым не угнаться» и т. д. Явно наслаждаясь, что нашел наименование достаточно ругательное, он в той же статье называет Ворошиловым проф. С. Н. Булгакова (за большую работу последнего «Капитализм и земледелие»), австрийского социалиста Герца, писавшего на ту же тему, сотрудников журнала «Sozialistische Monatshefte», чтобы, в конце концов, заявить, что Ворошиловы, «критикующие взгляды Маркса на аграрный вопрос» — «везде одинаковы: и в России, и в Австрии».

К бежавшему в 1902 г. из ссылки молодому Троцкому Ленин одно время относился с большим благоволением, но после съезда Троцкий оказался в рядах меньшевиков, и Ленин иначе как Ворошиловым его уже не называл, причем для большего клеймения к Ворошилову присоединил эпитет «Балалайкин» (Щедрина). Помню — 1 мая 1904 г. в Женеве Троцкий на митинге эмигрантов произнес излишне цветистую, все же эффектную речь. Когда я передал Ленину мое впечатление об этом выступлении, в глазах его пробежал насмешливый огонек: «С печалью констатирую — вам нравятся речи Ворошиловых-Балалайкиных».

— Но вы не можете отрицать, что Троцкий превосходный оратор?

— Все Ворошиловы-Балалайкины — ораторы. В эту категорию входят недоучившиеся краснобаи-семинаристы, болтающие о марксизме приват-доценты и паскудничающие адвокаты. У Троцкого есть частицы от всех этих категорий.

Через полтора месяца в категорию Ворошиловых попаду и я!

Если мотивы влечения Ленина к некоторым произведениям Тургенева («будучи в гимназии, — сказал он мне, — я очень любил «Дворянское гнездо») приходится узнавать лишь с помощью догадок, различных сопоставлений и сближений с различными его высказываниями, есть одна вещь Тургенева, в которой можно уже точно указать, какие в ней мысли им особенно ценились. Имею в виду рассказ «Колосов», а касаясь его, мы неизбежно придем к весьма интимной стороне жизни Ленина.

В этот период, когда ко мне «благОВОЛИЛА» и Крупская, она часто рассказывала о разных фактах из его жизни. Лишь после одного происшествия, о нем я скажу позднее, она стала весьма осторожной или, употребляя выражение из ее «Воспоминаний», «скупой» в своих рассказах. Я узнал от нее, что, будучи в ссылке в Сибири, Ленин, желая возможно скорее и лучше овладеть немецким языком, решил переводить с русского на немецкий и обратно произведения авторов, которых он знал и любил. В 1898 г. в качестве приложения к журналу «Нива» было издано полное собрание сочинений Тургенева. Ленин именно потому, что еще со времен юности любил Тургенева, попросил родных прислать ему это собрание вместе с немецким словарем, грамматикой и существующими переводами на немецкий язык произведений Тургенева.

«Мы,— рассказывала Крупская,— иногда по целым часам занимались переводами... Ильич выбирал у Тургенева страницы, по тем или иным причинам наиболее для него интересные. Так, с большим удовольствием Ильич переводил ехидные речи Потугина в романе «Дым»*. По настоянию Ильича, особенно тщательно мы перевели некоторые страницы из рассказа «Колосов». На эту вещь он обратил большое внимание еще в гимназии и крайне ценил ее. По его мнению, Тургеневу в нескольких строках удалось дать самую правильную формулировку, как надо понимать то, что напы-

* Выражение «ехидные речи» Потугина слишком мягко! Ведь Потугин доказывал, что Россия ничего не дала мировой цивилизации и культуре, что «даже самовар, лапти, дуга — эти наши знаменитые продукты, — не нами выдуманы» Он высмеивал русскую науку: «...у нас, мол, дважды два тоже четыре, да выходит как-то бойчее». Ныне в Кремле объявлено, что все мировые открытия и изобретения сделаны в СССР — России, она венец мировой культуры, поэтому Потугина за «подлое», «изменническое, космополитическое преклонение перед Западом», наверное, посадили бы в концлагерь или прикончили бы в подвале МГБ. Роман «Дым», насколько мне известно, не перепечатывается в СССР, так же как, но уже по другим причинам (оскорбление революции), тургеневский роман «Новь». Речи Потугина в «Дыме» представляют в русской литературе крайнее, искривленное, перегнутое проявление западничества. Это по поводу «Дыма» Достоевский злобно писал, что Тургеневу (Кармазинову в «Бесах») водосточные трубы в Карлсруэ дороже всех вопросов России. Очевидно, Ленин в Сибири был охвачен «низкопоклонством» перед Западом — раз «с большим удовольствием переводил ехидные речи Потугина»!

ценно называют «святостью» любви. Он много раз мне говорил, что его взгляд на этот вопрос целиком совпадает с тем, что Тургенев привел в «Колосове». Это, говорил он, настоящий революционный, а не пошло-буржуазный взгляд на взаимоотношения мужчины и женщины».

Весьма заинтересованный тем, как же Ленин смотрит на «святость любви», я, конечно, отыскал «Колосова» и вновь прочитал его. Рассказ слабый, бесцветный, не я один, а обычно все проходят мимо него. Ничего из него не западает, ничто в нем не останавливает. Странно, думал я, как могла такая вещица «крайне цениться» Лениным! В Женеве я мог этим удивлением ограничиться и о том, что говорила Крупская, позабыть. Но в свете того, что с Лениным позднее случилось, о «Колосове» нужно поговорить подробнее.

Лицо, от имени которого ведется рассказ, называет Колосова человеком «необыкновенным». Он полюбил девушку, потом разлюбил ее и от нее ушел. Помилуйте, что же тут необыкновенного? Это ежедневно и ежедневно всюду случается. Необыкновенно то, отвечает рассказчик, что Колосов это сделал смело, порывая со своим прошлым, не боясь упреков.

«Кто из нас умел вовремя расстаться со своим прошлым? Кто, скажите, кто не боится упреков, не говорю — упреков женщины, упреков первого глупца? Кто из нас не поддавался желанию то щегольнуть великодушием, то себялюбиво поиграть с другим преданным сердцем? Наконец, кто из нас в силах противиться мелкому самолюбию, мелким хорошим чувствам: сожалению и раскаянию? О, господа, человек, который расстается с женщиной, некогда любимой, в тот горький и великий миг, когда он невольно сознает, что его сердце не все, не вполне проникнуто ею, этот человек, поверьте мне, лучше и глубже понимает святость любви, чем те малодушные люди, которые от скуки, от слабости, продолжают играть на полупорванных струнах своих вялых и чувствительных сердец. Мы все прозвали Андрея Колосова человеком необыкновенным. И если ясный простой взгляд на жизнь, если отсутствие всякой фразы в молодом человеке может называться вещью необыкновенной, Колосов заслужил данное ему имя. В известные лета быть естественным — значит быть необыкновенным».

В этих словах квинтэссенция рассказа Тургенева. Является ли поведение Колосова «революционным» или «пошло-буржуазным», в это входить, конечно, не буду. Важно, что рассуждения Колосова Ленин одобрял, именно таков, по словам Крупской, был его взгляд на вопрос. Близкие отношения мужчины и женщины должны быть основаны на безраздельной, полной любви и искренности. Как только человек чувствует и сознает, что его сердце уже «не вполне» проникнуто женщиной, еще недавно им любимой, не боясь упреков, не поддаваясь «мелким чувствам» (Ленин очень часто употреблял эти слова), он должен с нею расстаться. Этого требует «святость любви», так поступать — значит «быть естественным».

Многие страницы жизни Ленина, в частности в бытность его гимназистом, остались для всех его биографов неизвестными. Они не выплыли ни в одном из воспоминаний о нем: канонизация Ленина не допускала появления каких-либо сообщений вне тех, которыми очерчен его, установленный верхами, партийный образ вождя. Опираясь на фразу, брошенную Лениным Гусеву — «ухажерством я занимался, когда был в гимназии», — можно предположить, что экспансивный, бурливый юноша, каким был Владимир Ульянов, этим делом действительно занимался (я это плохо себе представляю!). В садах на берегу Волги или в Киндяковском лесу, описанном в романе «Обрыв» — и бывшем местом свидания влюбленных парочек, ему, допустим, случалось объясняться в любви каким-нибудь гимназисткам, а потом эта «любовь» ему надоедала и без долгих фраз он расставался с предметом своего увлечения. Тургеневский Колосов с его «ясным и простым взглядом на жизнь» мог служить примером. И так как отсутствие клятв в вечной любви, «отсутствие всякой фразы в молодом человеке» в этом возрасте — вещь необыкновенная, Владимир Ульянов мог считать себя уже тогда человеком тоже необыкновенным. О «необыкновенности» тут, конечно, смешно и говорить. Здесь только малюсенькая и легкомысленная «философия», свойственная сотням тысяч или миллионам юношей.

Юным и весьма серьезным делается воззрение Колосова в зрелом возрасте. Раз Ленин прожил с Крупской без малого тридцать лет (они познакомились в

1894 г.) и все время придерживался кодекса Колосова — значит, его сердце всю жизнь было проникнуто любовью к ней одной. Будь иначе, во имя проповедуемой им «святости любви», не боясь упреков «глупцов», не поддаваясь «мелким чувствам» (среди них — **раскаянию и сожалению**), он смело расстался бы со своим прошлым, покинул бы Крупскую, хотя в течение многих и многих лет она была вернейшей и преданной спутницей его жизни. Так должен бы я заключить, слушая в 1904 г. Крупскую, но то, что произошло с Лениным позднее, свидетельствует о полном попрании им кодекса Колосова.

Жизнь больших исторических фигур — а кто будет отрицать, что Ленин вошел в большую историю? — всегда интересует людей. Все хотят знать (биографы спешат на это ответить) не только, чем облагодетельствовал мир, например, Наполеон или сколько сотен тысяч людей он отправил на тот свет, но кем он был, как жил, что любил, как любил. Только обладая множеством данных, вплоть до мелочей, можно иметь перед глазами полный, не вымышленный образ человека, «сделавшего историю». С этой точки зрения могла быть интересной появившаяся в издании *Bandiniere* книга «*Les amours secretes de Lenine*», написанная двумя авторами — французом (вероятно, он был только переводчиком) и русским. Впервые в виде статей она появилась в 1933 г. в газете «*Intransigeant*». За книгу многие ухватились, даже много писали о ней, поверив, что у Ленина были интимные отношения с некоей Елизаветой К. — дамой «аристократического происхождения». В доказательство авторы приводили якобы письма Ленина к этой К. Даже самый поверхностный анализ названного произведения немедленно обнаруживает, что оно плод тенденциозной и очень неловкой выдумки. Но если у Ленина не было этой секретной любви — отсюда не следует выводить, что в течение всей своей жизни он оставался верным только Крупской и не имел связи с другой женщиной. Это очень интимная область, о ней было как-то неловко писать, но теперь, когда имя этой «другой женщины» названо полностью в печати (со слов А. М. Коллонтай, ее называет г. Марсель Боди в апрельском номере 1952 г. журнала «*Reuves*»), — ничто уже не мешает подробно рассказать об этом происшествии в жизни Ленина, никог-

да не бывшем секретом для его старых товарищей (Зиновьева, Каменева, Рыкова). Ленин был глубоко увлечен, скажем — влюблен, в Инессу Арманд — его компаньонку по большевистской партии. Влюблен, разумеется, по-своему, т. е., вероятно, поцелуй между разговором о предательстве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул и империализм.

Инесса Арманд родилась в 1879 г. в Париже, ее родители французы, отец артист, избравший псевдонимом имя Стеффен. После смерти родителей Инесса осталась бесприютным ребенком и была взята на попечение своей тетки, бывшей гувернанткой в семье Евгения Арманд, имевшего фабрику шерстяных изделий в Пушкино, в 30 километрах от Москвы. Инесса воспитывалась вместе с А. Е. Армандом — сыном фабриканта и за него потом вышла замуж (от этого брака трое детей). На путь революционной деятельности Инессу, по-видимому, толкнул старший брат ее мужа — Борис Евгеньевич, еще в 1897 г. привлекавшийся полицией за хранение мимеографа для печатания революционных прокламаций. Но этот сын фабриканта, агитировавший рабочих против своего отца, постепенно «отрезвляется» и от революции отходит; наоборот, Инесса все более и более страстно ей предается. В качестве агитаторши и пропагандистки она выступает сначала в Пушкино, потом в Москве. Те, кому приходилось ее видеть в Москве в 1906 г., надолго запомнили ее несколько странное, нервное, как будто асимметричное лицо, очень волевое, с большими гипнотизирующими глазами. Ее арестовывают в первый раз в 1905 г., потом в 1907 г. и отправляют на два года в ссылку в Архангельскую губернию, не дождавшись двух месяцев до окончания срока, она скрывается за границу, в Брюссель, где слушает лекции в университете. Несмотря на ее разрыв с мужем, происшедший, кажется, без всяких драм, семья Арманд ее снабжает средствами. Все время своей эмиграции, т. е. до 1917 г., в деньгах она не нуждается. В 1910 г. она приезжает в Париж, и здесь происходит ее знакомство с Лениным. В кафе на avenue d'Orleans его часто видят в ее обществе. В 1911—1912 гг. внимание, которым ее окружает Ленин, все время растет. Оно бросается в глаза даже такому малонаблюдательному человеку, как французский социалист-большевик Шарль Рапорт: «Ленин,—

рассказывал он,—не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки» («avec ses petits yeux mongols ilepiait cette petite francaise»). Наружность Инессы, ее интеллектуальное развитие, характер дела-ли из нее фигуру, бесспорно, более яркую и интересную, чем довольно-таки бесцветная Крупская. Ленин ценил в Инессе — пламенность, энергию, очень твердый характер, упорность.

— Ты,— писал он ей 15 июля 1914 г.,— из числа тех людей, которые развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту.

Он восхищался ее знанием иностранных языков; в этом отношении она была для него незаменимым помощником на международных конференциях в Кантале и Циммервальде в 1915 г. и на первом и втором Конгрессе Коминтерна в 1919-м и 1920 гг. Он доверял и ее знанию марксизма: в 1911 г. в партийной школе в Longjumeau (около Парижа) поручил ей вести дополнительные, семинарские занятия с лицами, слушающими его лекции по политической экономии. Наконец, Инесса была превосходная музыкантша, она часто играла Ленину «Sonate Pathetique» Бетховена, а для него это голос Сирены. «Десять, двадцать, сорок раз могу слушать Sonate Pathetique, и каждый раз она меня захватывает и восхищает все более и более»,— говорил Ленин.

После смерти Ленина Политбюро вынесло постановление, требующее от партийцев, имеющих письма, записки, обращения к ним Ленина, передать их в архив Центрального Комитета, что с 1928 г. фактически было передачей в полное распоряжение Сталина. Этим путем, нужно думать, попали в архив и письма Ленина к Инессе. В отличие от писем, обращенных к другим лицам, почти всех напечатанных еще до 1930 г., письма Ленина к Инессе — за исключением трех напечатанных в 1939 г. — начали появляться в «Большевике» лишь в 1949 г., т. е. 25 лет после смерти Ленина. Ряд понятных соображений («разоблачение интимной жизни Ильича») препятствовало их появлению. Только в 1951 г. — 27 лет после смерти Ленина — в 35 томе четвертого издания его сочинений опубликованы (конечно, не все, а с осторожным выбором!) некоторые письма, свидетельствующие, что отношения Ленина с Инессой

были столь близкими, что он обращался к ней на ты. Из писем можно установить, что это интимное сближение произошло осенью 1913 г. Инесса тогда только что бежала из России, куда поехала с важными поручениями Ленина и попала в тюрьму. Ленин и Крупская жили в это время в Кракове. В своих «Воспоминаниях» Крупская пишет: «Осенью 1913 г. мы все очень сблизились с Инессой. У нее (после сидения в тюрьме) появились признаки туберкулеза, но энергия не убавилась. У нее много было какой-то жизнерадостности и горячности. Уютнее и веселее становилось, когда приходила Инесса. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Ходили на край города, на луг (луг по-польски — блонь). Инесса даже псевдоним себе с этих пор взяла — Блонина. Инесса была хорошая музыкантша. Очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил *Sonate Pathetique* и просил ее постоянно играть...»

Знала ли Крупская об отношениях между Лениным и Инессой? Не могла не знать, трудно было не заметить. Со слов той же Коллонтай (она хорошо знала Инессу и с нею переписывалась), Марсель Боди сообщает, что Крупская хотела «отстраниться», но Ленин не шел, не мог идти на такой разрыв. «Оставайся», — просил он. С точки зрения кодекса Колосова, здесь все данные, чтобы расстаться с прошлым, не бояться упреков, не поддаваться мелким чувствам — раскаянию и сожалению. Но Ленин не хотел расстаться с прошлым, он любил Крупскую и вместе с тем Инессу — налицо два параллельных чувства. Жизнь оказалась не влезавшей ни в т. н. «революционные» декларации Колосова, ни в чепуху о «пролетарском браке» и «классовой точке зрения в любви». Нельзя не отметить проявленное потом Крупской, совершенно особое, мужество самозабвения. Под ее редакцией вышел сборник статей, посвященных «Памяти Инессы Арманд», и ее портрет и теплые строки о ней она поместила в своих воспоминаниях (см. издание 1932 г.). Это требовала память о Ленине. Далеко не всякая женщина могла бы так забыть себя...

В попытках узнать Ленина у меня были «открытия», приятно удивлявшие (например, его любовь природы, отношение к Тургеневу и т. д.), но были и откры-

тия другого рода, ставившие просто в тупик. Об одном из них я сейчас и расскажу.

В конце января 1904 г. в Женеве я застал в маленьком кафе на одной из улиц, примыкающих к площади Plain de Plainpalais, Ленина, Воровского, Гусева. Придя после других, я не знал, с чего начался разговор между Воровским и Гусевым. Я только слышал, что Воровский перечислял литературные произведения, имевшие некогда большой успех, а через некоторое, даже короткое время настолько «отцветавшие», что, кроме скуки и равнодушия, они ничего уже не встречали. Помню, в качестве таких вещей он указывал «Вертера» Гете, некоторые вещи Жорж Занд и у нас «Бедную Лизу» Карамзина, другие произведения, и в их числе «Знамение времени» Мордовцева. Я вмешался в разговор и сказал, что раз указывается Мордовцев, почему бы не вспомнить «Что делать?» Чернышевского.

— Диву даешься,—сказал я,— как люди могли увлекаться и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же время претенциозное. Большинство страниц этого прославленного романа написаны таким языком, что их читать невозможно. Тем не менее на указание об отсутствии у него художественного дара Чернышевский высокомерно отмечал: «Я не хуже повествователей, которые считаются великими».

Ленин до сего момента рассеянно смотрел куда-то в сторону, не принимая никакого участия в разговоре. Услышав, что я говорю, он взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул заскрипел. Лицо его окаменело, скулы покраснели — у него это всегда бывало, когда он злился.

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он мне.— Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса! Сам Маркс называл его великим русским писателем.

— Он не за «Что делать?» его так называл. Эту вещь Маркс, наверное, не читал,— сказал я.

— Откуда вы знаете, что Маркс ее не читал? Я заявляю: «недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?»». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы

Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепыхал. Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют.

— Значит,— спросил Гусев,— вы не случайно назвали в 1903 году вашу книжку «Что делать?»?

— Неужели,— ответил Ленин,— о том нельзя догадаться?

Из нас троих меньше всего я придавал значение словам Ленина. Наоборот, у Воровского они вызвали большой интерес. Он начал расспрашивать, когда, кроме «Что делать?», Ленин познакомился с другими произведениями Чернышевского и, вообще, какие авторы имели на него особо большое влияние в период, предшествующий знакомству с марксизмом. Ленин не имел привычки говорить о себе. Уже этим он отличался от подавляющего большинства людей. На сей раз, изменяя своему правилу, на вопрос Воровского он ответил очень подробно. В результате получилась не написанная, а сказанная страница автобиографии. В 1919 г. В. В. Воровский — он был короткое время председателем Госиздата — счел нужным восстановить в памяти и записал слышанный им рассказ. Хотел ли он его вставить в начинавшееся тогда издание сочинений Ленина или написать о нем статью — не знаю. Стремясь придать записи наибольшую точность, он обратился за помощью к памяти лиц, присутствующих при рассказе Ленина, т. е. к Гусеву и ко мне. Лучшим способом установить правильность передачи было бы обращение к самому Ленину. Воровский это и сделал, но получил сердитый ответ: «Теперь совсем не время заниматься пустяками». Ленин тогда очень сердился на Воровского — за скверное выполнение Госиздатом партийных

поручений*. Гусев, находившийся на фронте гражданской войны, оказал Воровскому минимальную помощь. Тетрадку — а в ней для замечаний и добавлений к записи Воровский оставил широкие поля — он возвратил почти без пометок, ссылаясь, что многое не помнит. В отличие от него, я внес в записку кое-какие добавления и некоторые выражения Ленина, крепко сохранившиеся в памяти. Впрочем, мои добавления были очень невелики. Запись Воровского была сделана так хорошо, с такой полнотой, что в них не нуждалась. После этого я больше Воровского не видел. Вскоре он был назначен на пост посла в Италию, а в 1923 году убит в Лозанне.

Запись Воровского, восстанавливая рассказ Ленина, бросает новый свет на историю его духовного и политического формирования. Должен сознаться, что я понял это с громадным опозданием. Нужно было предполагать, что в СССР, где собираются даже самые ничтожные клочки бумажек, имеющие отношение к Ленину, запись Воровского будет напечатана. Однако сколько ни искал я ее в доступной мне советской литературе — нигде не нашел. О ней нет ни малейшего упоминания. Чем и как это объяснить? Запись Воровского со слов самого Ленина устанавливает, что он стал революционером еще до знакомства с марксизмом, в сторону революции его «перепахал» Чернышевский и потому, не поддаваясь упорно поддерживаемому заблуждению, нельзя утверждать, будто только один Маркс, марксизм «вылепил» Ленина. Под влиянием произведений Чернышевского Ленин, к моменту встречи с марксизмом, оказался уже крепко вооруженным некоторыми революционными идеями, составившими специфические черты его политической физиономии именно как Ленина. Все это крайне важно и находится в резком противоречии с партийными канонами и казенными биографиями Ленина. Весьма возможно, что именно по этой причине — запись Воровского и не

* Ленин пришел в ярость за небрежное издание Госиздатом брошюры о конгрессе Коминтерна. Объявляя за это выговор Воровскому, Ленин в октябре 1919 г. ему писал:

«Брошюра издана отвратительно. Это какая-то пачкотня. Какой-то идиот или перяха, очевидно безграмотный, собрал точно в пьяном виде, все «материалы», статейки, речи и напечатал». Ленин приказывал виновных «засадить в тюрьму» и заставить их вклеивать исправления во все экземпляры. Никто не был посажен в тюрьму, но переполох был большой...

опубликована. Если же это предположение неверно, нужно сделать другое заключение: в бумагах Воровского или в той части их, которая попала в партийный архив, она не найдена и ее следует считать погибшей. В таком случае приобретают важность и те извлечения, что я сделал из нее, когда на несколько дней она была в моих руках. Крайне жалею, что в то время не придавая ей должного значения, поленился полностью списать ее. Вот что рассказал Ленин.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани*. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой** состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные Записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве, литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как

* Ленин был выслан в Кокушкино, 40 верст от Казани, имение его матери и тетки. «Ссылка» продолжалась от начала декабря 1887 г. по ноябрь 1888 г. «Что делать?» он прочитал в Кокушкине летом 1887 г.

** Сестра — Анна Ильинична, высланная в мае 1887 г. из Петербурга после казни Александра Ульянова. Некоторое время только она и Ленин жили в Кокушкине. Потом туда переехала вся семья Ульяновых. Ленин со всеми удобствами жил в семейной обстановке. Трудно это назвать «ссылкой».

Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особенным интересом и пользой я читал, замечательные по глубине мысли, обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского с «карандашом» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант — меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа. Для меня была большой печалью пришедшая через год весть о его смерти*. Чернышевский, придавленный цензурой, не мог писать свободно. О многих взглядах его нужно было догадываться, но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках**. Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же и Чернышевский. По сей день нельзя указать ни одного русского революционера, который с такой основательностью, пронизательностью и силою, как Чернышевский, понимал и судил трусливую, подлую и предательскую природу всякого либерализма. В бывших у меня в руках журналах, возможно находились статьи и о марксизме, например статьи Михайловского и Жуковского. Не могу сейчас твердо сказать — читал ли я их или нет»***. Одно только несомненно — до знаком-

* Чернышевский умер в 1889 г. в Саратове.

** «Расшифровке» политических взглядов Чернышевского могла помочь и сестра Анна. Она была старше Ленина на 6 лет, вращалась в Петербурге в среде оппозиционно настроенного студенчества и до 1893 года разделяла народнические воззрения.

*** В записке Воровского было указано, о каких статьях говорил Ленин. В моих «извлечениях» этого, как и многого другого, нет. Ленин, вероятно, имел в виду статью Ю. Жуковского «К. Маркс и его книга о капитале», помещенную в «Вестнике Европы» в 1877 г., и статью в том же году в «Отечественных Записках» Михайловского «Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского». Возможно, что речь шла о другой статье Михайловского в «Отечественных Записках» 1872

ства с первым томом «Капитала» Маркса и книгой Плеханова («Наши разногласия») они не привлекали к себе моего внимания, хотя благодаря статьям Чернышевского я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня. На это наталкивали очерки В. В. (Воронцова), Глеба Успенского, Энгельгардта, Скалдина. До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чернышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Перед этой задачей меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени.

Говоря о влиянии на меня Чернышевского как главным, не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же «Современнике» я тоже взялся серьезно. Две его статьи, — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне», — ударили, как молния. Я, конечно, и до этого читал «Накануне», но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и «Обломов», я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать! Когда организовывалась «Заря», я всегда говорил Староверу (Потресову)

г. — о русском переводе 1-го тома «Капитала». В то время они могли остаться Ленину неизвестными по той причине, что в отличие от «Современника», — «Вестник Европы» и «Отечественные записки» в книжном шкафу в Кокушкине были представлены не полными годовыми комплектами, а лишь разрозненными книгами. Указание на это сделано Воровскому Анной Ильиничной.

и Засулич: «Нам нужны литературные обзоры именно такого рода. Куда там! Добролюбова, которого Энгельс называл социалистическим Лессингом, у нас не было».

Когда после этого рассказа Ленина я возвращался с Гусевым в наш отель, он посмеивался надо мною:

— Ильич за непочтительное отношение к Чернышевскому вам глаза хотел выдрать. Старик, видимо, и по сей день не забыл его. Никогда все-таки не предполагал, что Чернышевский ему в молодости так голу вскружит.

< . . . >

Ленин был бурный, страстный и пристрастный человек. Его разговоры, речи во время прогулок о Бунде, Акимове, Аксельроде, Мартове, борьбе на съезде, где, по его признанию, он «бешено хлопал дверями», были злой, ругательской, не стесняющейся в выражениях полемикой. Он буквально исходил желчью, говоря о меньшевиках. Моментами он останавливался посреди тротуара и, запустив пальцы под отворот жилетки (даже когда был в пальто), то откидываясь назад, то подсакивая вперед, громил своих врагов, не обращая никакого внимания, что на его жестикуляцию с некоторым удивлением смотрят прохожие. С подобным проявлением страсти ведущееся «говорение» — и не один день, а в течение многих дней, — несомненно, должно было изнашивать его, утомлять, отымать у него часть запаса энергии, а она после приступа ража была у него в отлив, подсекалась колебанием и сомнениями. Обращаю на это внимание по следующим соображениям. Насколько я знаю, Ленин с самого утра принимался за писание и писал до завтрака (по-русски до обеда). После него он снова садился писать до 4 часов, когда выходил гулять. Однако на прогулках, хотя он выходил для отдыха, работа над книгой (переход от «шепота» к «говорению»), в сущности, продолжалась, трата умственной энергии не прекращалась. Возвратясь домой, он иногда до позднего часа продолжал писать. Вероятно, при таком расписании дня, у Ленина на разговоры с Крупской, на объяснение, «говорение» ей того, что пишет, оставалось меньше времени, чем она того хотела. Она могла чувствовать, что при составлении «Шаг вперед — два шага назад» не

занимает того положения, которое привыкла иметь во время прежних работ Ленина. Уходы «Ильича» на прогулку, главное — траты, пусть даже частицы, его энергии на «поучение» какого-то Самсонова она должна была считать ненужными, вредными для дела, утомляющими Ильича и вместе с тем в какой-то степени ущемляющими ее право быть единственным и «первым слушателем». Возможно, что я ошибаюсь, но так я объясняю появление у Крупской недовольства мною, постепенно нараставшее против меня раздражение и переход его уже в несдерживаемый гнев. Крайне любопытно, что до яростной стычки со мною, происшедшей в июне, по поводу философских вопросов, Ленин в течение почти трех месяцев не обращал внимания на гнев Крупской. В одной из следующих глав я приведу неоспоримое свидетельство, что еще в начале июня он просодолжал ко мне «благоволить».

Не могу окончить эту главу воспоминаний, не дав дополнительных, более подробных сведений о двух особых психологических состояниях Ленина, столь бросившихся мне в глаза во время прогулок с ним, когда он писал «Шаги». Это состояние ража, бешенства, неистовства, крайнего нервного напряжения и следующее за ним состояние изнеможения, упадка сил, явного увядания и депрессии. Все, что позднее, после смерти Ленина, удалось узнать и собрать о нем, с полной неоспоримостью показывает, что именно эти перемежающиеся состояния были характерными чертами его психологической структуры.

В «нормальном» состоянии Ленин тяготел к размеренной, упорядоченной жизни без всяких эксцессов. Он хотел, чтобы она была регулярной, с точно установленными часами пищи, сна, работы, отдыха. Он не курил, не выносил алкоголя, заботился о своем здоровье, для этого ежедневно занимался гимнастикой. Он — воплощение порядка и аккуратности. Каждое утро, перед тем как начать читать газеты, писать, работать, Ленин, с тряпкой в руках, наводил порядок на своем письменном столе среди своих книг. Плохо держащуюся пуговицу пиджака или брюк укреплял собственноручно, не обращаясь к Крупской. Пятно на костюме старался вывести немедленно бензином. Свой велосипед держал в такой чистоте, словно это был хирургический инструмент. В этом «нормальном» состоя-

нии Ленин представляется наблюдателю трезвейшим, уравновешенным, «благонравным», без каких-либо страстей человеком, которому претит беспорядочная жизнь, особенно жизнь богемы. В такие моменты ему нравится покойная жизнь, напоминающая Симбирск. «Я уже привык, — писал он родным в 1913 г., — к обиходу краковской жизни, узкой, тихой, сонной. Как ни глух здешний город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже».

Это равновесие, это «нормальное» состояние бывало только полосами, иногда очень кратковременными. Он всегда уходил из него, бросаясь в целиком его захватывающие «увлечения». Они окрашены совершенно особым аффектом. В них всегда элемент неистовства, потери меры, азарта. Крупская крайне метко назвала их ражем (как она говорила — «ражью»). В течение его ссылки в Сибири можно хорошо проследить чередование разных видов ленинского ража. Купив в Минусинске коньки, он и утром и вечером бегаёт на реку кататься, «поражает» (слова Крупской) жителей села Шушенского «разными гигантскими шагами и испанскими прыжками». Он любил с нами состязаться, пишет Лепешинский. «Кто со мною вперегонки?» И впереди всех несется Ильич, напрягающий всю свою волю, все свои мышцы, лишь бы победить во что бы то ни стало и каким угодно напряжением сил. Другой раж — охотничий. Ленин обзавелся ружьем, собакой и до изнеможения рыщет по лесам, полям, оврагам, отыскивая дичь. Он отдавался охоте, говорит тот же Лепешинский, с таким «пылом страсти», что в поисках дичи был способен пробегать в день «по кочкам и болотам сорок верст». Шахматы — третий раж. Он мог сидеть за шахматами с утра до поздней ночи, и игра до такой степени заполняла его мозг, что он бредил во сне... Крупская слышала, как во сне он вскрикивал: если он конем пойдет сюда, я отвечу турой. Можно указать и четвертый раж.

«Ильич, — писала родным Крупская, — заявлял, что не любит и не умеет собирать грибы, а теперь его из леса не вытащишь, приходит в настоящую грибную ражю». Эта «ражя» неоднократно на него находила. Летом 1916 г. Ленин и Крупская из дома отдыха Чудивизе (недалеко от Цюриха) спешили по горным тропинкам на поезд. Накрапывал дождик, скоро превра-

тившийся в ливень. В лесу Ленин увидел белые грибы, немедленно впал в азарт и, несмотря на ливень, бросился их собирать. «Мы вымокли до костей, опоздали, конечно, на поезд», все-таки грибной раж свой Ленин удовлетворил вполне: бросил собирать грибы только тогда, когда наполнил ими целый мешок.

Подобного рода раж, но еще с большим неистовством, он вносил и в свою общественную, революционную и интеллектуальную деятельность. В 1916 г. он писал Инессе Арманд:

«Вот она судьба моя! Одна боевая кампания за другой. И это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, я все же не променял бы сей судьбы на мир с пошляками».

Боевая кампания! Лучше и не скажешь. Боевая кампания против народников, кампания за организацию партии, установление в ней централизма, железной дисциплины, кампания за бойкот Государственной думы, за вооруженное восстание, кампания против «ликвидаторов» — меньшевиков, кампания за идеологическое истребление всех, не разделяющих воззрения диалектического материализма, кампания за поражение России в войне 1914—1917 гг., кампания за свержение Временного правительства, за захват власти, чтобы «или погибнуть, или на всех порах устремиться вперед». Жизнь Ленина действительно прошла в виде кампаний, войны, для которой мобилизовались все его интеллектуальные и физические силы.

Что происходило с Лениным во всех этих «кампаниях», могу ясно себе представить по его состоянию во время работы над «Шагом вперед». Чтобы осуществить свою мысль, свое желание, намеченную им цель очередной кампании, заставить членов его партии безоговорочно ей подчиниться, Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию. Он делал это с непоколебимой верою, что только он имеет право на «дирижерскую палочку». В своих атаках, Ленин сам в том признавался, он делался «бешеным». Охватившая его в данный момент мысль, идея, властно, остро заполняла весь его мозг, делала его одержимым. Остальные секторы психической жизни, другие интересы и желания в это время как бы свертывались и исчезали. В полосу одержимости перед глазами Ленина — только одна идея, ничего иного, одна в темноте ярко светя-

щаяся точка, а перед нею запертая дверь, и в нее он ожесточенно, иступленно колотит, чтобы открыть или сломать. В его боевых кампаниях врагом мог быть вождь народников Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ Богданов, давно умерший, никакого отношения к политике не имеющий цюрихский философ Р. Авенариус. Он бешено их всех ненавидит, хочет им «дать в морду», налепить «бубновый туз», оскорбить, затоптать, оплевать. С таким ражем он сделал и октябрьскую революцию, а чтобы склонить к захвату власти колеблющуюся партию, не стеснялся называть ее руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами.

Грандиозные затраты энергии, требуемые каждой затеваемой Лениным кампанией, вызывая самопогоняние и беспощадное погоняние, подхлестывание других, его изнуряли, опустошали. За известным пределом иступленного напряжения его волевой мотор отказывался работать. Топлива в организме для него уже не хватало. После взлета или целого ряда взлетов ража начиналось падение энергии, наступала психическая реакция, атония, упадок сил, сбивающая с ног усталость. Ленин переставал есть и спать. Мучили головные боли. Лицо делалось буро-желтым, даже чернело, маленькие острые монгольские глаза потухали. Я видел его в таком состоянии. Он был неузнаваем. Спасаясь от тяжкой депрессии, Ленин убегал отдыхать в какое-нибудь тихое, безлюдное место, чтобы выбросить из мозга, хотя бы на время, вошедшую в него, как заноза, мысль; ни о чем не думать, главное — никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Так, после окончания «Шага вперед», Ленин с Крупской на несколько недель ушли бродить в горы. «Мы выбирали, — вспоминала Крупская, — самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей». С подобным же состоянием Ленина мы знакомимся в июне 1907 г. Раж, с которым Ленин поносил либералов, ка-де, призывал к вооруженному восстанию, боролся с меньшевиками, столь истощил его силы, что после лондонского съезда партии он возвратился в Куоккала, в Финляндию, полутрупом. Крупская немедленно увезла его подальше от людей, в глубь Финляндии, в тишайшее местечко Стирсудден на дачу Книповича. Он точно потерял способность ходить, всякое желание говорить, почти весь

день проводил с закрытыми глазами. Он все время засыпал. Доберется до леса, «сядет под ель и через минуту уже спит». Дети с соседней дачи называли его «дрыхалкой». Крайне характерно то, что, начав оживать, Ленин писал матери из Стирсуддена:

«Здесь отдых чудесный... безлюдие, безделие. Безлюдие и безделие для меня лучше всего».

Это Ленин без боевых доспехов. В состоянии полной потери сил он был и в Париже в 1909 г. после очередной партийной склоки и изнурительной кампании против Богданова, эмпириокритиков, «впередовцев» и т. д. Он убежал в деревушку Вон Вон в департаменте Сэн и Марн, никого не желая видеть, слышать, и только после трех недель «жизни на травке» превозмог охватившую его депрессию. Опустошенным возвратился он и с циммервальдовской конференции в 1915 г., где неистово сражался за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Он искал отдыха в укромном местечке Соренберг, недалеко от Берна, у подножия горы Ротхорн. По приезде забирается на гору и здесь «вдруг ложится на землю», вернее, точно подкошенный, падает «очень неудобно чуть не на снег, засыпает и спит как убитый». Крупская, уже достаточно привыкшая к чередованию у Ленина высочайших взлетов и тяжкого духовного и физического изнеможения, меланхолично писала: «Циммервальдовская конференция, видно, здорово ему нервы потрепала, отняла порядочно сил».

В июле 1921 г. Ленин писал Горькому: «Я устал так, что уже ничегошеньки не могу». Стоило бы показать — как с октября 1917 г. то взлетал, то исчезал ленинский «раж», чтобы, в конце концов, превратить этого бурного человека в паралитика, потерявшего способность речи, с омертвелой рукой и ногой. Но это уже далеко выходит из рамок моих записок.

Таков был Ленин. Состояние его психики никак не может быть «графически» представлено более или менее плавной линией. Линия, перпендикулярно вздымающаяся вверх, линия, перпендикулярно свергающаяся до самого крайнего предела вниз, — вот его психический график. Думается, что люди с таким устройством, с такими прыжками мозговой системы должны, как Ленин, умирать от кровоизлияния в мозг...

На другой день, придя к Ленину, я, разумеется, рассказал о моем визите к Плеханову. Плеханов ему импонировал, как никто другой, больше чем Каутский, больше чем Бебель. Все, что тот говорил, делал, писал, его крайне интересовало. Он превращался в одно внимание, когда речь заходила о Плеханове. «Это человек колоссального роста, перед ним приходится съеживаться», — сказал он Лепешинскому. Пришлось рассказать, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Я должен был эту историю представить с самого ее начала, т. е. с описания киевского кружка сектантов, роли в нем Семена Петровича, его идей. Помню, что Ленин, засунув большие пальцы за борта жилетки около подмышек, стоял около меня (я сидел) и слушал с явным любопытством. По поводу веры Семена Петровича, его деления людей на «злых» и «совестливых», возможности построить социализм только руками «справедливых людей» — Ленин что-то говорил. Припомнить его слова было бы сейчас неплохо. Я их не помню и думаю, особенно при отвращении Ленина ко всему морализованию, что его замечания по этому вопросу ничего особо интересного не содержали. Будь иначе, я их бы, наверное, запомнил. Наоборот, память превосходно сохранила то, что затем говорил Ленин, ибо тут обнаружилось мое первое с ним разномыслие, воспринятое мною с большой тревогой и неприятностью. Из него вытекало, что, несмотря на признание Ленина большим человеком, очень большую к нему симпатию, желание идти за ним и вместе с ним, есть весьма важные вопросы, отношение к которым Ленина меня отвращает. Я увидел, что, как бы ни было в области партийной враждебно его отношение к Плеханову, Ленин незамедлительно, без колебаний встал на его сторону в области философии, притом в форме, произведшей на меня тяжкое впечатление.

— Вы заявили Плеханову, что материализм нужно заменить какой-то разновидностью буржуазной философии. Но ведь это вздор, вреднейший вздор! Плеханов трижды прав, дав вам немедленно отпор. Не нужно смешивать Плеханова, заседающего в компании оппортунистов в редакции новой «Искры», с Плехановым, после смерти Энгельса лучшим знатоком и лучшим ком-

ментатором марксистской философии. Несколькими фразами он вас отхлестал, и поделом! В этих вопросах у него нюх острейший. А я не знал — это для меня большая новость, — что и у вас склонность исправлять Маркса.

— Позвольте заметить, что Плеханов назвал теорию познания Авенариуса и Маха подвалом буржуазной мысли, даже не потрудившись с нею познакомиться, даже не прочитав ни одной их строки. Такое отношение к чужой научной мысли меня возмущает. Это — Шемякин суд.

— Во-первых, не думаю, что Плеханов не знает ваших философов. За философией он следит. А если он вам сказал, что не знает, вероятно, потому, чтобы подчеркнуть свое презрение к ним. Во-вторых, напрасно возмущаетесь. Мы теперь превосходно знаем, к чему ведут пробы соединения Маркса с чуждыми его духу теориями. Это наглядно показывает Бернштейн, а у нас хотя бы Струве и Булгаков. Струве от поправляемого им марксизма быстро скатился к самому пошлому вонючему либерализму, а Булгаков катится еще в более мерзкую яму. Марксизм — монолитное мировоззрение, он не терпит, чтобы его разжижали, опшляляли разными вставочками. Говоря о какой-то критике марксизма, не помню уже о чем, Плеханов однажды мне сказал: «Сначала налепим на него бубновый туз, а потом разберемся». А я считаю, что на всех, кто хочет колебать марксизм, нужно лепить бубновый туз, даже не разбираясь. Такой должна быть реакция всякого здорового революционера. Когда на своей дороге встречаете зловонную кучу, вам не требуется копаться в ней руками, чтобы определить, что это за вещь. Вы носом сразу чувствуете, что это г—о, и проходите мимо.

От слов Ленина у меня дыхание сперло.

— Из огня Плеханова я попадаю в ваше полымя, — сказал я. — Плеханов говорит, что философы Авенариус и Мах, хотя они ему неизвестны, — ведьмы и, какие у них глаза — красные или желтые, его не интересуют. А другой наш теоретик — Ленин рекомендует, не разбираясь в их теориях, клеймить этих людей бубновым тузом. Вы все время повторяете: буржуазная философия, буржуазные философы. Теория Авенариуса и Маха не есть какая-то метафизическая концепция, это попытка создания научной теории познания, осно-

ванной только на опыте. Прежде чем лепить на нее бубновый туз — попробуйте ее узнать и в ней разобраться. Нет буржуазной или пролетарской астрономии, алгебры, физики или химии, нет и буржуазной теории познания. Речь может идти только о том — верна или неверна теория Авенариуса и Маха. Даже допустив, что в ней есть какие-то элементы, присущие буржуазному образу мысли, нельзя без предварительного доказательства клеймить ее авторов, как преступников, бубновым тузом. Вы упомянули Булгакова. Будучи студентом политехникума, я был одним из участников его экономического семинария. Он организовал его для студентов, желающих в области социальных наук знать больше того, что дает в течение часа лекция по политической экономии. В этой семинарии мы при полной свободе ставили и обсуждали разные вопросы. И почти каждое наше собрание Булгаков открывал торжественным напоминанием: «Истина добывается честным, свободным, лояльным сопоставлением идей». Откровенно говорю: такой метод мне гораздо более по душе, чем ваш бубновый туз.

— Ах, вот как! Вы, значит, были в семинарии Булгакова. Еще одна новость! Не поздравляю, не поздравляю. Не под влиянием ли Булгакова у вас и появилась склонность к исправлению Марксовой философии? Это скользкая дорожка. Социал-демократия не есть семинарий, где сопоставляются разные идеи. Это боевая классовая организация революционного пролетариата. У нее есть программа, мировоззрение, принадлежащий только ей строй идей. В ней на особую свободу критики и сопоставление идей — нечего рассчитывать. Кто вошел в партию, должен следовать за ее идеями, их разделять, а не колебать. Если они не нравятся — вот Бог, а вот порог, выход свободен. Мы хорошо теперь знаем, что скрывается за так называемой «свободой критики», которую требуют не пролетарские, а именно интеллигентские, зараженные буржуазными предрассудками элементы социал-демократической партии. Повторяю: молодец Плеханов. Он сразу почувствовал, что вас следует ударить.

— Владимир Ильич, смею вас уверить, ни в какой мере я ревизионизму не сочувствую. Если у меня есть симпатия к философии Авенариуса и Маха, то только потому, что она самым революционным образом со-

крушает всякую метафизику. Познакомьтесь с нею, вы это признаете. Отвергая ревизионизм, все-таки не думаю, что марксизм есть нечто застывшее, раз навсегда данное, исключаящее какие-либо изменения. Плеханов однажды писал, что марксизм есть абсолютная истина, которую уже не отменит никакой рок. Как вы относитесь к этой формуле? Как совместить ее с диалектикой?

— Я полностью согласен с Плехановым. Маркс и Энгельс наметили и сказали все, что нужно сказать. Если марксизм нуждается в развитии — то только в направлении, указанном его основоположниками. Ничто в марксизме не подлежит ревизии. На ревизию один совет: в морду! Ревизии не подлежат ни марксистская философия, ни материалистическое понимание истории, ни экономическая теория Маркса, ни теория трудовой стоимости, ни идея неизбежности социальной революции, ни идея диктатуры пролетариата, короче, ни один из основных пунктов марксизма!

< . . . >

В половине мая книга Ленина «Шаг вперед — два шага назад» вышла из печати. Она вызвала буквально бурю возмущения среди меньшевиков Женёвы. Незадолго до этого Плеханов, защищая Мартова от нападок большевиков, писал, что «тов. Мартов — непримиримый враг ревизионизма и ортодокс чистейшей воды». И вот теперь в книге Ленина можно было прочесть, что и Мартов, и Аксельрод, и прочие меньшевики тянутся к оппортунизму, жоресизму, ревизионизму, тем обнаруживая поползновение уйти от ортодоксального марксизма. Редакция «Искры» и меньшевики, считавшие себя самыми настоящими представителями «ортодоксии чистейшей воды», не могли допустить подобного оскорбления. На атаку Ленина они ответили контратакой, печатав против него серию статей в каждом номере «Искры». Стрельбу открыл Плеханов. Еще до выхода книги Ленина он поместил в «Искре» статью о «Централизме и бонапартизме», где, высмеивая большевистских лягушек, желающих иметь царя, резко критиковал организационную схему и централизм Ленина. В номере «Искры», помеченном 15 мая, в статье «Теперь молчание невозможно» Плеханов, обращаясь к членам Центрального Комитета партии, заграничным

представителем которого был Ленин, требовал от них отмежеваться от политики Ленина.

«Деятельность ваших заграничных представителей пропитана духом той политики, которую я называю политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шее партии. Наиболее видным и последовательным носителем принципов этой политики являлся и является тов. Ленин. Зачем вы молчите теперь, когда вам следовало бы не только говорить, а прямо греметь, трубить во все трубы, кричать со всех крыш о вашем отношении к бонапартизму? Прервите же ваше молчание! Скажите нам прямо и решительно: как понимаете вы централизм, что вы думаете о бонапартизме или, короче, одобряете ли вы политику Ленина? Это тем более уместно, нужно, полезно сделать теперь, когда Ленин выпустил брошюру, которая в истории наших внутренних распрей будет играть роль масла, подлитого в огонь. Вы не отняли у Ленина его полномочий, и он, пользуясь ими, продолжал делать все от него зависящее для того, чтобы толкать партию прямо к расколу. У него был для этого свой и совершенно понятный расчет».

На Ленина, избегавшего задевать Плеханова, желавшего его «нейтрализовать», не особенно раздражать, статья Плеханова должна была произвести сильное впечатление. Плеханов явно никакой «нейтрализации» не поддавался. Наоборот, он нападал и весьма недвусмысленно требовал от Центрального Комитета лишить Ленина полномочий. Ленин мыслил себя только на самом высшем посту командования партии. Если после ухода из редакции центрального органа его теперь хотят удалить из Центрального Комитета — каково будет его положение? Самое предположение, что он может (быть) лишен всякого касательства к «дирижерской палочке», — должно было казаться ему невероятным абсурдом. Нужно думать, по его указанию, Крупская обошла наиболее видных большевиков Женевы, указывая им, что большевистская колония не может оставить без ответа статью Плеханова, должна вступить за Ленина и письмами в редакцию «Искры» протестовать против обвинений Ильича. М. Лядов (Мандельштам) в своих воспоминаниях пишет:

«Сразу появилось несколько проектов открытых писем к Плеханову. Помню, мы собрались все у Ильича

на квартире и прочитали эти проекты. Решили, что застрельщиком выступлю я с моим письмом как делегат второго съезда. Вслед за тем должно быть послано коллективное письмо, написанное, если не ошибаюсь, одним из братьев Вольских, жившим тогда под фамилией Валентинова, вскоре перешедшего к меньшевикам. Мое письмо удостоилось помещения в «Искре» и грубейшего ответа «тамбовского дворянина» Плеханова. Но коллективное письмо напечатано не было под предлогом, что редакция не знает, имеют ли право подписавшиеся называть себя членами партии».

Лядов кое-что путает. Я жил в Женеве не под фамилией Валентинова, а Самсонова. Псевдонимом Н. Валентинов стал подписывать свои статьи в московском журнале Кожевникова «Правда» лишь в следующем году, в 1905-м. Но важно не это, а другое, что ни Лядов, ни другие большевики Женевы не знали и не узнали и о чем я дал Ленину обещание никогда никому не говорить.

На собрании у Ленина Лядов прочитал написанный им ответ Плеханову, а мне действительно было поручено составить письмо от имени группы женевских большевиков. Но когда после собрания мы расходились, Ленин шепнул мне: «Выходите со всеми, потом возвращайтесь ко мне». Так я и сделал.

— Письмо Лядова, — заявил мне Ленин, — неплохо, а все-таки слишком, слишком мягко. Мне было неудобно ему об этом сказать. Не могу же я заявить, что вы меня плохо защищаете. Плеханову нужно написать такое письмо, чтобы оно у него как кость в горле застряло. Давайте с вами такое письмо составим. Пойдет оно в редакцию «Искры» не за подписью группы, а только за вашей. Если наша публика захочет вдогонку послать еще коллективный протест, делайте это, но сначала пошлем письмо, о котором говорю. Для него есть интересный матерьялец. Приходите ко мне завтра утром.

Мое раздражение против Плеханова, не по той причине, что руководила Лениным, совсем не остыло, и я заявил, что готов послать Плеханову письмо во много раз более резкое, чем написанное Лядовым, и проект такого «послания» приготворю, придя домой. С этим проектом я и пришел к Ленину на следующий день. Он

бегло просмотрел его, отложил в сторону и сказал: прочитайте предварительно, что я вам сейчас покажу. То было письмо к нему Плеханова, написанное года полтора перед этим. Извлеченное из архива Ленина, оно в тридцатых годах напечатано в одном из томов третьего издания сочинений Ленина, и я могу точно привести ту часть его, на которую Ленин меня заставил обратить особое внимание.

«Поверьте одному,— писал ему Плеханов,— я глубоко вас уважаю и думаю, что на 75% мы с вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам коллегии («Искры»), на остальные 25% есть разница, но ведь 75% втрое больше 25%».

— Итак,— говорил Ленин,— еще совсем недавно Плеханов находил, что на 75% он ко мне ближе, чем к Аксельроду, Засулич, Староверу. На партийном съезде он заявил, что Акимов и другие, подобно Наполеону, любившему разводить своих маршалов с их женами, стараются нас, т. е. Плеханова и меня, во что бы то ни стало развести, но на развод он не пойдет. После съезда, когда мы с ним вдвоем редактировали «Искру» (с конца августа по ноябрь 1903 г.), Плеханов, напоминая о своем письме, говорил: четыре прежних редактора «Искры» своим поведением и речами меня окончательно от них отшатнули. Я вижу, что нашу близость нужно измерять не 75%, а бóльшим процентом. И Плеханов шутил: «Примерно 85—90%». В это время он беспощадно критиковал Аксельрода, называя его «калечью», человеком, потерявшим всякую ценность для партии. Над Засулич издевался. Она-де выжила из ума, думает, что он — Плеханов — генерал Трепов, в которого она стреляла 26 лет назад. Старовера-Потресова называл переодетым в марксизм либералом. О Мартове говорил, что человек он способный, но истерик, и Плеханов не удивился бы, если бы кто-нибудь сказал ему, что Мартов прибегает к кокаину. Такова была характеристика Плехановым членов коллегии «Искры»*. Из них первых троих он, как и я, считал на съезде не подлежащими избранию в редак-

* Троцкий сказал о Ленине, что у него, как у микроскопа, была способность все увеличивать. «Микроскоп», вероятно, «преувеличил» и характеристику Плехановым своих коллег. Во всяком случае, она была бесконечно далеко от действительной ценности критикуемых лиц.

цию. Что же произошло потом? Флюгер вертится, и Плеханов призывает в редакцию людей, признаваемых им калечью и ненужными, а я сразу делаюсь вредным, опасным человеком, бонапартистом и меня следует удалить из Центрального Комитета. Зная теперь многое о поведении Плеханова, вы поймете, какого рода письмо он заслуживает!

Вынув из кармана, Ленин прочитал составленное им послание к Плеханову. Мне трудно теперь передать его содержание, скажу только, что это была защита Ленина и яростное нападение на Плеханова. Оно было пропитано ядом и резкими выражениями. Как и письмо Лядова, оно состояло из вопросов, и каждый из них должен был ставить Плеханова в неудобное положение, особенно те, где он указывал на отношение последнего к своим коллегам по редакции. Письмо Ленина было во много раз язвительнее моего проекта, тем более письма Лядова.

— Если этот проект, — сказал Ленин, — вы одобряете, тогда предлагаю вам его переписать и поставить подпись — Самсонов.

У меня, повторяю, был слишком большой зуб против Плеханова, письмо Ленина я немедленно одобрил, но подпись решил поставить — не Самсонов, а Н. Ниллов. Я хотел этим напомнить Плеханову, что я тот самый человек («пошлите этого человека ко мне»), которого он угостил возмутительной болтовней о буржуазных ведьмах с красными и желтыми глазами. Единственно что меня несколько смущало — это слишком уже большое знание Плеханова и партийных дел, видное из этого письма: откуда то может знать Самсонов-Ниллов? «Это совсем не важный вопрос, — ответил Ленин. — Сорока на хвосте вам эти сведения принесла. Важнее другое — как будет выворачиваться Плеханов, посмеет ли он сказать, что все в письме неправда. Пусть попробует, тогда мы его прищемим еще сильнее». — «Ну а если товарищи меня будут спрашивать — откуда я знаю, о чем пишу в письме?» — «Вы и им ответьте: сорока на хвосте мне сведения принесла».

Большое, на 7 или 8 почтовых страницах, письмо Ленина, написанное очень мелким почерком, я тут же переписал, отдав оригинал Ленину, который его порвал на мелкие клочки. В этом произведении «Н. Ниллов», кроме двух или трех запятых и маленького сти-

листического исправления, ничего моего нет, но Ленин, прощаясь со мною, хитро улыбаясь, счел нужным подчеркнуть, что письмо написано «одним Ниловым, только Ниловым» и маленький секрет должен быть безусловно сохранен. В этом я «покаялся» Ленину. Не думаю, что нарушение через 48 лет моего обещания может быть признано большим преступлением.

Вскоре после этого мне пришлось быть у Бонч-Бруевича. Он жил тогда на окраине Женева, на даче, среди большого парка. Бонч мне объявил, что у него есть срочная работа, бросить ее он не может и он просит меня вместо него пойти к Ленину — передать ему пакет с полученными из России письмами. К Ленину на rue du Foyer после столкновения с Крупской я ходить избегал, все же, чтобы не плодить сплетен, я Бончу об этом ничего не сказал. Я согласился выполнить просьбу Бонча и отправился к Ленину. Я нашел его в состоянии крайнего раздражения. «Почитайте, — кинул он мне, — что пишет тамбовский дворянин». — «Кто??» — «Плеханов». Это были гранки еще невышедшего номера «Искры», помеченного 1 июня. Кто-то из большевиков их принес Ленину из типографии. Я стал читать. За набранным письмом Лядова следовал ответ ему Плеханова. Ответ архигрубый, причем сразу почуялось, что Плеханов бьет не столько по Лядову, сколько по Нилову, т. е. по Ленину, ибо письмо Лядова не было таким уже непозволительным допросом с пристрастием, в котором его обвинял Плеханов.

«Ставлю вам на вид, что ваше письмо написано странным тоном допроса с пристрастием. Этот тон гораздо более приличествует какому-нибудь сутяге из персонажей Островского, чем социал-демократу. Я решительно не знаю, что дает вам право говорить со мною таким тоном. Вы, почтеннейший, обязаны вести себя прилично и помнить, что тон допроса с пристрастием непозволителен».

Переходя на презрительно-шутливый тон, Плеханов продолжал:

«Что же касается собственно ваших допросных пунктов, то я, неслужильный дворянин Тамбовской губернии Георгий Валентинов сын Плеханов, у исповеди и святого причастия давно уже не бывавший, не токмо за страх, а за совесть отвечаю. Если я незаслуженно обидел Ленина, то готов объяснить с ним, а не тра-

тить время на объяснение с ходатаем. Ходатаев по делам Ленина не нужно, а потому с Лядовым в какие-либо разговоры о нем (Ленине) вступать не желаю, тем более, что мне неизвестно, имеет ли оный ходатай доверенность, засвидетельствованную установленным в законе порядком».

За сим ответом следовал следующий постскрипtum. Он-то и привел Ленина в бешенство. Он тыкал в него пальцем говоря: «Вот что читайте, вот что!» Что же там было?

«Кроме товарища Лядова мне прислал письмо еще какой-то Нилов. Это лицо мне совершенно неизвестно, так что я не только не знаю, за кого и когда оно голосовало, но мне неизвестно даже, имело ли оно право голосовать за кого-нибудь из нас, т. е. принадлежит ли оно к нашей партии. Если Лядов допрашивает, то Нилов просто бранится. Наша редакция не сочла себя обязанной помещать на столбцах «Искры» эту брань, которая ввиду указанного обстоятельства является как бы анонимной».

Ответ Плеханова — недурная иллюстрация приэмов и лживых уловок, которые допускают в политической и партийной полемике даже большие и почтенные люди. Его ссылка, что ему неизвестно, за кого голосовал Нилов (где, когда?), абсолютно никакого отношения к вопросу не имеет. Но если она бессмысленна, то указание, что Плеханову неизвестно — принадлежал ли Нилов к партии, уже сознательно лживо. Плеханов, чего я и опасался, по разным намекам слишком уже много знающего Нилова, несомненно, догадался, что за спиною последнего стоит Ленин. Печатать письмо Нилова, отвечать на его вопросы-«допросы», Плеханов никак не мог. Они ставили его в самое щекотливое положение. И он вывернулся. Пользуясь Ниловым, Ленин «стрелял» по Плеханову, а Плеханов, обрушиваясь на Лядова, требуя вести себя «прилично», фактически отвечал Нилову, т. е. Ленину, рекомендуя последнему не прибегать к маске, к ходатаям.

Ленин был озлоблен, написанное им письмо не достигло цели.

— Плеханов вывернулся самым позорным образом. Жулик, настоящий жулик! Скажите, а кому вы адресовали письмо?

Я объяснил Ленину, что, так как у него не было

конверта, я, уходя от него, купил конверт, сделал на нем надпись и, возвращаясь к себе домой на rue du Saigoige, оставил письмо у консьержа дома, где жил Плеханов.

— Можно ли было делать такую оплошность! Вы поступили как младенец, не могли догадаться, что адресовать и направлять письмо следовало не Плеханову, а редакции «Искры»! Глубоко уверен, что ни одному из других редакторов Плеханов письма не показал. Весь заряд пропал даром. Оставить это дело без продолжения никак нельзя. Выйдет, что нам дали по роже и мы замолчали. Вместо письма в редакцию — напечатаем листовку. Вы мне как-то говорили, что у Плеханова есть как две капли воды на него похожий брат — полицейский. А ну-ка, расскажите мне об этом поподробнее, этим братом нам нужно хлопнуть по Плеханову. На этот счет у меня есть маленький план.

Я рассказал все, что знал о Плеханове-моршанском, и Ленин, прищуриив глаза, изложил свой план. «Хлопнуть» Плеханова меня подмывало, ленинский план я весьма охотно выполнил в виде, впрочем несколько отличном от того, что он предлагал. Что я сделал — будет видно из дальнейшего, но, вспоминая сейчас, через 48 лет, эту сцену из партийной склоки, испытываю самое пренеприятное чувство. «Суета сует — все суета».

< . . . >

Вот что тогда произошло. Несколько дней спустя по выходе номера «Искры» с письмом Лядова, ответом Плеханова на него и письмо Нилова в большой зале Handwerk состоялось собрание, на котором присутствовали большевики и меньшевики и были прения о партийных делах. По какому поводу и кем было оно созвано — абсолютно не помню. На собрание пришел и Плеханов, как всегда важный, как всегда, притягивающий к себе всеобщее, почтительное внимание. Увидев его, я решил, что наступил момент «хлопнуть». Я выбрал место в нескольких шагах от Плеханова и после нескольких сцепившихся друг с другом ораторов (от большевиков, насколько помнится, говорил Гусев) попросил слова.

— Мы все время слышим, — сказал я, обращаясь к Плеханову, — о партийном демократизме, который противопоставляется бонапартизму и ленинской политике,

которая, как вы пишете, петля на шее партии. Должен сказать, что мне неясно ваше отношение к этому вопросу. Возьмем такой пример. Я послал письмо в «Искру», подписав его Н. Нилом. Это письмо содержало вопросы, выяснить которые для партии было бы и интересно, и полезно. Возможно, что печатать его вам было неудобно и неприятно: из него видно, сколь непочтительно вы относились к вашим товарищам по редакции. Но отказ печатать его вы мотивируете не этим, а другим: вы-де не печатаете писем «каких-то» неизвестных Ниловых. В партии таких, неизвестных лично вам Ниловых сотни, если не тысячи. Живя четверть века за границей, вы знаете их меньше, чем кто-либо... Я спрашиваю: демократично ли именовать этих членов партии презрительно барским эпитетом «какие-то»? Ведь этот термин, перефразируя фразу в вашем ответе т. Лядову, приличествует гораздо более какому-нибудь реакционному тамбовскому дворянину, чем социал-демократу. Вы пишете, что я вам совершенно неизвестен, т. е., можно подумать, что вы никогда меня не видели. Окажите мне честь, взгляните на меня — не вспомните ли вы, что три месяца назад я был у вас по вашему же приглашению, адресованному т. Бонч-Бруевичу. Кстати сказать, посылая вам мои статьи для журнала «Рассвет», он дал вам довольно подробные сведения о моем партийном стаже. Ваше заявление, что вы не знаете о моей принадлежности к партии, по меньшей мере странно. Вы написали, что, не зная «какого-то» Нилова, не зная, принадлежит ли он к партии, считаете мое письмо как бы анонимным и в качестве такого не подлежащим печатанию. Но здесь, по известным вам причинам полицейского порядка, мы почти все анонимы, почти все живем под вымышленными кличками. Чтобы рассеять анонимность, не быть каким-то неизвестным субъектом, нужно, полагаю, представить вам что-то в ваших глазах более солидное, чем свидетельство партийных товарищей. Что же вам нужно? Очевидно, вы требуете показать вам настоящий паспорт, установленный предрержащими властями. Подобно всякому русскому подданному, был паспорт и у меня. Он был выдан мне полицией города Моршанска Тамбовской губернии, вам известной, так как, в ответе т. Лядову, вы считаете почему-то нужным сообщить, что состоите в дворянском сословии этой губернии. Выдачу мне

законом утвержденного паспорта вы легко можете проверить. Для этого вам надлежит обратиться за справкой к вашему брату Григорию Валентиновичу Плеханову — полицейскому исправнику г. Моршанска.

Моя речь с самого ее начала, ввиду ее заносчивого тона, сопровождалась мало для меня лестными репликами меньшевиков. Например, когда, обращаясь к Плеханову, я сказал «окажите мне честь, взгляните на меня», кто-то из них, вызывая смех, крикнул: «Тов. Плеханов, не смотрите, это совсем не интересно». Реплики, прерывание меня к концу моей речи усилились, а когда я упомянул об исправнике, раздались голоса: «Что за ерунду болтаете», «О каком исправнике говорите», я, смакуя ответ, повторил, что у Г. В. Плеханова есть брат — полицейский исправник, что он меня хорошо знает, что я (это уже была выдумка!) был у него под надзором и потому редактору «Искры» он, в порядке родственной услуги, может сообщить все приметы моей личности, тем окончательно рассеивая вопрос об анонимности.

Речь моя была составлена по канве, указанной Лениным, и, следовательно, «план» его я выполнил полностью. Скандал на собрании получился большой. Большевики хохотали, а меньшевики, бывшие в аудитории в подавляющем большинстве, не щадили пускаемых по моему адресу выражений — среди которых были: врун, скандалист! Плеханов, подперев рукою подбородок, смотрел в упор на меня, не произнося ни слова.

< . . . >

Итак, Ленин согласился ознакомиться с произведениями философов эмпириокритической школы и наиболее важные из них я обязался ему принести. «Der Menschliche welt begrieff» Авенариуса у меня был, Маха «Analyse der Empfindungen» быстро нашел у одного знакомого социалиста-революционера, с двухтомным сочинением Авенариуса «Kritik der reinen Ertahrung» было хуже. Для чтения вне библиотеки оно не выдавалось, о покупке же его не могло быть и речи. От того же с.-р. я узнал, что это сочинение есть у В. М. Чернова — одного из лидеров этой партии, и, вооружившись рекомендательным письмом, к нему отправился. Чернов принял меня очень любезно, однако, памятуя

распространенную в русской среде (только ли русской?) привычку «зачитывать», не возвращать книги, видимо, колебался дать Авенариуса; когда же я указал, что книгу прошу не для себя, а для Ленина и через неделю принесу обратно, у Чернова промелькнуло удивление и любопытство.

— Ленин хочет ознакомиться с Авенариусом? Чем объяснить такое чудо? До сих пор я думал, что его не должны интересовать вопросы философии. С работой Авенариуса в одну неделю ознакомиться нельзя. Дам вам ее на две недели с условием точно вернуть в указанный срок...

...Собранные мною книги были отнесены Ленину, а три дня спустя в столовой Лепешинских кто-то, насколько помню, жена Гусева, передала мне, что видела Ленина: «Он хочет, чтобы вы пришли к нему, собирается вам намылить голову». Намылить голову? Что такое я сделал, за что мне нужно «намылить голову»? Ленин встретил меня не по-обычному, а с бросившейся в глаза неприятной сухостью. И тут же передал принесенные ему книги.

— Возьмите, они мне больше не нужны.

— Неужели вы их прочитали? — воскликнул я.

В них было не менее 1200 страниц. Это не роман, не легкое чтение, в два с половиной дня одолеть их невозможно. Вместо ответа Ленин вынул из кармана несколько листков.

— Это вам от меня на память небольшой меморандум. Маленький щелчок по вашим горе-философам, с которыми вы, несомненно, хотите начать ревизию марксизма. Для меня теперь ясно, что пребывание в семинарии Булгакова и знакомство с ним для вас не прошло бесследно. Вы, вслед за ним, тянетесь противопоставить материализму негодную, путаную, идеалистическую теорию. Я вас предупреждаю: из этого, кроме позора, ничего получиться не может.

Сознательно пропуская мимо ушей намеки на пленение меня Булгаковым, я сказал:

— В вашем меморандуме, придя домой, постараюсь основательно разобраться, пока позволите бросить на него беглый взгляд.

В этом документе, *in spe*, в зародыше, заключены все главные положения написанной в 1908 г. книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В «мемо-

рандуме» было одиннадцать небольших страниц на блокноте, с большими, особенно с 8-й страницы, просветами между строками. На первой странице — в качестве заголовка, дважды подчеркнутого, крупными буквами, стояло: «Idealistische Schrullen», а затем следовало доказательство, что философия Маха — невежественная «галиматья», отрицающая существование объективного, независимого от нас материального мира. Пробежав бегло «меморандум», я немедленно убедился, что Ленин из принесенных ему книг перелистал лишь Маха и, абсолютно не поняв его взгляды, превратил их действительно в галиматью. До книг Авенариуса он, видимо, даже и не дотронулся. Что же касается философских, если можно так выразиться, взглядов самого Ленина, они были изложены в конце меморандума, от них разило примитивностью самого наивного обывательского материализма. В сочинениях Ленина до сих пор никогда не было намека на философские проблемы, поэтому до его «меморандума» мне в голову не могло прийти, что в этой области он так пуст и детски беспомощен. Можно было подумать, что он никогда не держал в руках ни одной истории философии, ни одной книги по психологии и психофизиологии. Все-таки особого умаления Ленина я в том видеть не хотел, говорю о начале моего спора с ним. По моему мнению, это лишь показывало, что быть энциклопедистом нельзя, что Ленин, занятый изучением политических и экономических вопросов, не имел времени взглянуть в другие области. Мало ли чего мы не знаем! Естествознание, техника поважнее философии, а подавляющее большинство марксистов их не знает. Все-таки из незнания не нужно делать добродетель и воображать, что можно мне или кому-нибудь другому «намылить голову» простыми окриками. Философские взгляды Плеханова я считал безобразными, но он все-таки штудировал философию, тогда как у Ленина в меморандуме ни малейших следов какого-либо знания этих вопросов. Проникаясь подобными рассуждениями, я очень спокойно заметил Ленину:

— Критика в вашем меморандуме Маха мне напомнила некоего Энгельмейера — переводчика «Научно-популярных очерков» Маха, вышедших в Москве три года назад. В своем предисловии он, как и вы, утверждает, что Мах, хотя он физик и естествоиспытатель,

тель, отрицает существование внешнего материального мира и доказывает, что ничего, кроме субъективных ощущений человека, не существует. Раз это так, восклицал Энгельмейер, тогда у меня нет ни родителей, ни положения в свете, ни собственности, ничего, кроме ощущений. Энгельмейер смешивает ощущения с представлениями, мышлением, чувствами. Он явно не понимает, что данность, наличность ощущения говорит об обусловленности его чем-то извне. Если нет, например, источника тепла и света, никакие фокусы, никакое напряжение воли не могут вызвать в человеке ощущения тепла и света. Но такое же непонимание двести лет перед этим испытывала и по сей день испытывает философия Беркли. Его также обвиняли в отрицании внешнего мира и критики, издеваясь над ним, предлагали ему пройти над пропастью или удариться головой о столб. А между тем в странной, на первый взгляд непонятной, формуле Беркли «esse est percipi» заложена не метафизика, а острый анализ и глубочайший реализм.

Ленин подскочил, услышав «esse est percipi». Эта формула повергла его в какое-то злобное раздражение.

— Вы явно, — крикнул он, — не отдаете себе отчета, что значит esse est percipi. Вы, очевидно, абсолютно не знаете латинский язык, не понимаете, что, восхваляя дурацкую формулу, вы тем самым защищаете чушь и галиматью. Если без вывертов и выкрутасов перевести с латинского языка на русский язык esse est percipi — это будет означать, что все существующее есть лишь восприятие, т. е. лишь субъективное ощущение. Человек, строящий на одном только ощущении свою философию, безнадежен. Его нужно отправить в сумасшедший дом. Мир внешний, мир материи существует вне нас, независимо ни от каких восприятий и ощущений. Если ваш Мах не знает этой истины материализма, его нужно назвать круглым дураком. «Esse est percipi» — нужно же подхватить такую дикую чушь и носиться с нею.

< . . . >

Развернув «Der Menschliche Welt begrieff», я попросил Ленина вдуматься в следующие слова Авенариуса: «Мы можем представить себе такую среду, в которой нет и никогда не было никакого индивида, но, пред-

ставляя или мысля эту среду, мы никак не можем откинуть себя, центрального члена, который представляет, который мыслит эту среду. Что мы можем сделать — так это: или игнорировать себя, или вообразить время, когда не было ни одного существа. Однако как в том, так и в другом случае мы все равно будем налицо, то как сознательно вопрошающие зрители, то как зрители, которые так увлеклись зрелищем, что забыли о себе».

— Что вы скажете по поводу этого? — спросил я Ленина.

— Скажу, что это чушь, гелертовские выверты, Schrullen, не имеющие для науки никакой цены.

Было ясно, что мы говорим на разных языках. Наш спор затем длился более двух с половиной часов, и стена между нами подымалась все выше. Моментами это была настоящая буря: Ленина охватывало ничем не сдерживаемое бешенство, и по адресу Маха, целясь, конечно, в меня, он, не стесняясь, кидал град выражений вроде: дичь, идиотские выверты, темнота, дребедень, невежество, глупость, бессмыслица, идеалистическая чепуха, жалкая болтовня и т. д. Начав спорить очень спокойно, я тоже стал раздражаться, и чем дальше, тем все более. Я стал говорить с Лениным тоном, лишенным почтительности, которую перед ним до этого проявлял, как все большевики. На замечание Ленина, что, разделяя взгляды Маха, непременно приду к ревизионизму и отрицанию марксизма, я ответил ему: «Пожалуйста, оставьте в покое ревизионизм. Спор идет не о нем, а о том, есть ли дважды два — четыре или, как вы доказываете — пять. Приплетая сюда ревизионизм, вы из области, в которой очень слабы, хотите уйти и ловко повернуть в область, где вы очень сильны».

Еще более резко я ответил Ленину, когда после моей ссылки на некоторых философов (на Фейербаха и Петцольта) он саркастически заметил: «Не уподобляйтесь тургеневскому Ворошилову, не думайте пронять меня «образованностью». Философией меня не напугаете, я сам ею достаточно занимался в ссылке в Сибири».

— Вот что уже совсем не видно! — воскликнул я. — Значит, не в коня корм пошел. Не пробуйте ваш авторитет перенести в область философскую, на такой перенос я никак не могу согласиться.

Словом, я взбунтовался. Это лишь усиливало раздражение Ленина. Из всего, что он говорил, было несомненно, что его благоволение ко мне испарилось, исчезло без остатка в самый короткий срок в процессе спора. Несколько дней до этого он с доверием поручал «Н. Нилову» выполнение секретного плана, теперь на того же Нилова он смотрел уже как на врага. Я не мог понять, что, в его глазах, больше всего превращает меня в врага? То ли, что я взбунтовался, т. е. вышел из большевистского состояния признания и подчинения его авторитету, то ли, что, будучи «махистом», обнаруживаю «реакционный обскурантизм», несовместимый с философским материализмом, иначе говоря, совершаю преступление против марксизма, за которое, по его словам, человека нужно бить «по морде» и «лепить на нем бубновый туз». Раздражение Ленина дошло до того, что он стал с руганью прерывать меня на каждой фразе, на что, озлобясь, я крикнул ему: «Или вы перестанете прерывать меня окриками и ругательствами и будете культурно вести спор, или, если это для вас невозможно, я уйду!»

Ленин, словно кто-то его дернул, сразу переменяет тон, иронически сказав: «Говорите, я постараюсь «культурно» слушать и вас не прерывать».

И действительно, после этого, но то было уже в конце нашего спора, он ни разу не прервал меня. Передать все, о чем мы в течение более двух с половиной часов спорили, нет ни возможности, ни надобности. Остановлюсь лишь на том, что предшествовало концу спора. Я все время пытался обратить внимание Ленина на разные ценные стороны эмпириокритицизма: на теорию познания, которую развивает Авенариус, рассматривая центральную нервную систему и ее колебания; на биологическую основу познания, на принцип экономии сил в мышлении, на требование так называемого «чистого опыта», на глубочайший реализм предпосылок Авенариуса и Маха. Ленин, не желая это слушать, все отпихивал, говоря: «Перейдем теперь к главному», а главное он видел в непримиримости материализма с «идеалистической галиматьей Маха». Ссылаясь на Плеханова и Энгельса, он в следующем виде формулировал «великую истину материализма». Вне нас и совершенно независимо от нас существует мир материальных вещей; воздействуя на наши орга-

ны чувств, они порождают в нас ощущения, благодаря чему мы узнаем свойства вещей. Эта «великая истина» есть, конечно, только маленькая обывательская философия. С нею можно прекрасно жить, она никому не мешает, но, что бывает почти со всеми обывательскими истинами, начинает немедленно тускнеть при малейшем анализе. Ленину был чужд этот анализ, и, в сознании полного обладания «великой истиной», он с презрением отвергал «галиматью» Маха. Механически вырывая одну цитату из его книги, упорно игнорируя (видимо, не читая) сопутствующие ей объяснения, он, в своем «меморандуме» и непрерывно в течение спора, твердил: «Мах пишет, что не тела, не материальные вещи вызывают в нас ощущения, а, наоборот, ощущения образуют тела. А ну-ка, попробуйте доказать, что это не дичь, не идеалистическая болтовня?»

< . . . >

Ленин возвратился, держа в руках журнал «Socialiste» со статьей Лафарга «Материализм Маркса и идеализм Канта». В назидание мне он прочитал из статьи нижеприводимое место, которое я привожу в его переводе (ужасном переводе). К моему ошеломлению, именно эту цитату он счел нужным в качестве чего-то глубокого и остроумного привести четыре года спустя в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм».

— Рабочий, который ест колбасу и который получает 5 франков в день, знает очень хорошо, что хозяин его обкрадывает и что колбаса приятна и питательна для тела. Ничего подобного, говорит буржуазный софист, все равно зовут ли его Пирсоном, Юмом или Кантом. Мнение рабочего на этот счет есть его личное, т. е. субъективное, мнение, он мог бы с таким же правом думать, что хозяин его благодетель и что колбаса состоит из рубленой кожи, ибо он не может знать вещи в себе.

У меня волосы стали дыбом от лафарговской философии.

Теряя контроль над собой, я резко прервал Ленина и не стал слушать; на этот раз не он, а я пришел в бешенство.

— Так как эту рубленую кожу,— крикнул я,— вы считаете украшением материалистической философии — дальнейший спор с вами излишен и бесплоден.

Ленин сначала опешил, а потом ответил:

— Совершенно верно, разговор с вами не нужен и бесполезен.

Схватив книги, что приносил Ленину, я выбежал на улицу. Идя домой в самом собачьем настроении, я думал: кубарем выкатился от Плеханова, точно облитый кипятком выбежал от Ленина. Здесь дело не в одном только расхождении в области философии. Здесь причиной — невероятная нетерпимость наших вождей и больше всего дикая нетерпимость Ленина, не допускающего ни малейшего отклонения от его, Ленина, мыслей и убеждений. Могу ли я при этих условиях быть членом большевистской организации, во всем беспрекословно следующей за Лениным.

< . . . >

Не могу окончить воспоминания о встречах с Лениным только словами, что я ушел из большевистской организации. Философские дебаты с Лениным, мои и других, имеют большое продолжение, а главное — историческое заключение, похожее на вымысел, на бред, пораженного сумасшествием мозга.

«Меморандум», как назвал Ленин врученную мне тетрадку в 11 страниц, следует назвать, если не считать двух ругательных писем по адресу Канта (судя по всем признакам он остался им не прочитанным), посланных в Сибирь, Ленгнику, — первым «философским произведением» Ленина, во всяком случае, его первым выступлением против «махистов»...

...Меморандум Ленина тем интересен, что он в своем роде краткая «пролегомена» к «имеющей» в будущем появиться книге. В нем, как и в том, что я слышал от Ленина в июне на rue du Fouer и в сентябре на quai Montblanc, заложены все основные «гносеологические» мысли написанной им в 1908 г. книги «Материализм и эмпириокритицизм» с подзаголовком «заметки об одной реакционной философии». Для этой книги, составленной с невероятной быстротой в Женеве, Ленин в Лондоне, в Британском музее, привлек груду произведений. Мы находим у него выдержки и ссылки на Маха, Авенариуса, Петцольта, Карстаньена, Беркли, Юма, Гексли, Дидро, Вилли, Пуанкаре, Дюгем, Лесевича, Эвальд, Вундта, Гартмана, Фихте, Шуппе, Шуберт Зольдерн, Дицгена, Фейербаха, Грюна, Ремке, Пирсо-

на, А. Рея, Каруса, Овальда, Ланге, Риккерта и на легион других. За полгода, потраченные Лениным на составление книги, и тем более за три недели визитов в Британский музей, он не был в состоянии с должным вниманием прочитать множество книг неизвестных ему философов. В его «Философских тетрадах» — о них речь позднее — есть такая фраза: «...кажись, интересного здесь нет, судя по перелистыванию». Этим методом — «перелистыванием», примененным к 1200 страницам мною принесенных ему сочинений Авенариуса и Маха, он, несомненно, пользовался и в отношении подавляющего числа им указываемых философов. Он не столько читал их, сколько «перелистывал», с целью найти там нечто «интересное», на что он мог бы накинуться коршуном.

Не в этом одном оригинальность его книги. Она составлялась в пылу ража, состоянии, столь характерном для Ленина. В письме к М. Горькому он писал, что, читая «распроклятых махистов» (русских), бесновался от негодования. Я скорее себя дам четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или коллегии, подобные вещи проповедующей». Беснование сделало книгу Ленина уникалом — вряд ли можно найти у нас другое произведение, в котором была бы нагромождена такая масса грубейших ругательств по адресу иностранных философов — Авенариуса, Маха, Пуанкаре, Петцольта, Корнелиуса и других. Ленин тут работал поистине «бубновым тузом». У него желание оплевать своих противников; он говорит о «ста тысячах плевков по адресу философии Маха и Авенариуса». По выходе книги Ленина рецензент «Русских Веромостей» (Ильин) писал, что в ней «литературная развязность и некорректность доходят поистине до геркулесовых столбов и переходят в прямое издевательство над самыми элементарными требованиями приличия». Л. И. Ортодокс-Аксельрод (ее рецензия в «Современном Мире»), хотя и была в области философии единомышленницей Ленина, тоже возмутилась грубостью его книги. «Уму непостижимо, — восклицала она, — как это можно нечто подобное написать, а написавши, — не зачеркнуть, а не зачеркнувши — не потребовать с нетерпением корректуры для уничтожения нелепых и грубых сравнений». Ортодокс не знала, что перед нею был текст после «корректуры», т. е., по настоянию сестры

Ленина, уже подчищенный и сильно смягченный. Трудно даже себе представить, что в нем было до исправления!

Чем же объяснить раж и беснование, с которыми Ленин составлял свою книгу? В ней он писал:

«Ни единому из профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях — химии, физике — нельзя верить ни в одном слове, когда речь идет о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, когда речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем профессора-экономисты не что иное как ученые приказчики класса капиталистов, а профессора философии приказчики теологов».

Такая декларация — а в связи с нею я не могу не вспомнить плехановских ведьм с красными, желтыми и белыми глазами! — полна важных и, как увидим в дальнейшем, страшных выводов. Если ни одному философу нельзя верить ни в едином слове — тогда совершенно ясно, с каким априорным презрительным отрицанием всего того, что они писали, должен был их читать Ленин. Мог ли он делать серьезные усилия понять Авенариуса или Маха, когда он заранее был убежден, что ни единому слову их верить нельзя? «Философская сволочь», как Ленин называл всех, не разделяющих гносеологию диалектического материализма, по самой природе своей обладать истиной не способна. Познание законов общественной жизни, общей теории политической экономии — именно потому, что гносеология, теория познания вообще есть партийная наука — может быть только привилегией партии, возглавляемой Лениным. С этой точки зрения, самый малюсенький большевик всегда выше самого большого «буржуазного» ученого или философа. Обладание, подобно церкви, истиною позволяет членам партии видеть в себе существ особую, высшей породы, касты, принцев духа, носителей «объективной истины». Теория Маркса, возглашал Ленин, есть объективная истина, а все вне ее — «скудоумие и шарлатанство». **«Поэтому потуги создать новую точку зрения в философии характеризуют та-**

кое же нищенство духа, как потуги создать «новую теорию стоимости», «новую теорию ренты» и т. д.».

Это речь изуверского, застойного, реакционного консерватора, это глагол «великого дракона» Ницше: «Все, что есть ценность, уже блесит на мне. Все ценности уже созданы, и это я представляю все сотворенные ценности». Впрочем, здесь не великий дракон Ницше, а просто наш русский XVII века протопоп Аввакум:

«Как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю. Держу до смерти якоже приях. Иже кто хоть малое переменит — да будет проклят».

При такой психологии Ленина становится понятным его «беснование», когда «за полгода 1908 г.» вышли четыре книги, вносящие новшество в старопечатные книги, посвященные, замечает Ленин, «почти всецело нападкам на диалектический материализм», — это «Очерки по философии марксизма» — сборник статей Богданова, Базарова, Луначарского и других, затем книги Юшкевича «Материализм и критический реализм», Берман «Диалектика в свете современной теории познания», Валентинова «Философские построения марксизма». В глазах Ленина это восстание «нищих духом» против «партийной гносеологии» (вся она, как копейка на ладони, на двух последних страничках «Меморандума»!), это бунт, внушенный Махом и Авенариусом, т. е. философской сволочью, ни единому слову которой верить нельзя. Ленин особенно возмущен тем, что в бунте принимают участие большевики, и на первом месте А. А. Богданов, еще недавно «дорогой друг» Ленина, вместе с ним возглавлявший большевистскую организацию. Главные удары дубинки Ленина направлены, конечно, на этих большевиков-еретиков, — и лишь попутно, так сказать, боковым заездом на меньшевиков — Юшкевича и Валентинова*.

* Когда меня именуют меньшевиком или мне самому — ради упрощения — приходится называть себя меньшевиком, я всегда испытываю неловкость, точно чужой титул краду. По признанию меньшевиков и по собственному ощущению, я всегда был очень плохим меньшевиком, чаще неменьшевиком — и никогда не играл в партии сколько-нибудь видной роли. Летом 1917 г. после столкновения с представителями Московского комитета меньшевиков (в 1922 г. ставших коммунистами) я вышел из партии. Сближение с их заграничной частью произошло уже после 1946 г.

Он считал, что этими отщепенцами должен заняться «меньшевик» Плеханов, заботившийся «не столько об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму, и за это поделом наказанный двумя книжками меньшевиков-махистов».

Хорошо помня, какими выражениями Ленин сокрушал меня в Женеве, я мог ожидать, что найду их и в его книге. Этого не случилось благодаря его сестре А. И. Елизаровой. Получив рукопись Ленина, придя в ужас от груды рассыпанных в ней ругательств и даже просто неприличных выражений, она стала его упрощать многое выкинуть, а многое смягчить. Идя навстречу просьбе сестры, Ленин (письмо от 19/XII 1908 г.) согласился выбросить «неприличные выражения», а другие смягчить, но сделать это только в отношении большевиков Богданова и Базарова, но не меньшевиков — Юшкевича и Валентинова. Однако мне доподлинно известно, что А. И. Елизарова все-таки сильно смягчила ругательства по адресу и Юшкевича и моему. После «смягчения» я мог в его книге найти «только» то, что я «путаник» и «Ворошилов», читал Дицгена и письма Маркса к Кугельману как «гоголевский Петрушка», протанцевал «публично канкан» по поводу неудачной фразы Плеханова, «хулигански» выругал некоего материалиста Рахметова (позднее стало известно, что он агент охранки), как «младенец» поддался «мистификации Авенариуса», и прочее в том же духе. Ленин в злобе на меня использовал даже опечатки в моей книге. Все, что я в ней писал о Беркли *in esse est percipi*, он называл «бессмысленным набором слов». «Валентинов, смутно сознавая фальшь своей поэзии, постарался замести (?) следы своего родства с Беркли. Валентинов путает, он не умел дать себе ясного отчета о том, почему ему пришлось защищать «вдумчивого аналитика» — идеалиста Беркли от материалиста Дидро. Дидро отчетливо противопоставил основные философские направления. Валентинов путает их и при этом забавно утешает нас: мы не считаем за философское преступление близость Маха к идеалистическим воззрениям Беркли».

Возвращая Ленину его слова, мог бы сказать, что он нанизывает бессвязный набор слов. Беркли я по сей день считаю философом выше Канта, о сравнении с Дидро не может быть и речи, почему мне тогда «заме-

тать» следы своего с ним «родства», тем более что не считаю это за философское преступление?

Ленин придавал своей книге огромное значение. «Поработал я много над махистами и все их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал», — самоуверенно писал он своей сестре Марии. Нужно читать его письма к другой сестре — Анне, чтобы видеть, как его «изнервливает» всякое замедление в выпуске этой им рассчитанной на оглушительный эффект книги.

«Об одном и только об одном я теперь мечтаю и прошу — об ускорении выпуска книги».

То же самое и в другом письме:

«Мне дьявольски важно, чтобы книга вышла скорее».

Как и в других случаях, вся мысль его судорожно направлена на то, чтобы скорее, скорее осуществилось его желание. Он впадает в панику, если запаздывает присылка корректур. Он буквально в отчаянии, когда в Париже, куда он приехал из Женевы, вспыхивает забастовка почтовых служащих, поэтому нет почты из Москвы, нет корректурных листов. С вздохом облегчения и радости он встречает окончание забастовки.

«Наконец! А то хорошее пролетарское дело здорово мешало в литературных наших делах».

Он непременно хочет, чтобы книга вышла к 10 апреля 1909 г. Почему именно к этой дате? Не потому ли, что это день его рождения?

«Прошу, — пишет он сестре, — нанять себе помощника для специальных посещений типографии и подгоняния ее. Обещать ему премию, если книга выйдет к 10 апрелю. Необходимо, помимо издателя, действовать на типографию. Сотни рублей не жалеть на это. Без взятки с российским дубьем не обойтись. Дать 10 рублей метранпажу, если книга выйдет к 10 апрелю».

Нежданное и негаданное появление Ленина в качестве «философа партии» вместо молчащего Плеханова, уклонявшегося вступить в серьезную борьбу с «махистами» и ограничивающегося мелкими отписками, эффекта не произвело. Многие отнеслись к книге — как к курьезу. Главные противники Ленина — Богданов и Базаров — ответили Ленину несколькими страничками, подчеркивая, что уровень понимания им философских

проблем таков, что полемика с ним бесполезна. Несколько больше, но с тем же указанием, ответил Ленину Юшкевич. Я ничего не ответил — мой роман (или флирт?) с философией в 1909 г. кончился и уже не было никакого желания вступать в полемику, снова оживляя отмененные сознанием вопросы. Но для меня было ясно, что книга Ленина свидетельствует о продолжающемся упорном, как в 1904 г., непонимании им ряда гносеологических положений. Например, по поводу указания, что мы можем представить себе время и среду, когда не было человека, но, мысля эту среду, — никак нельзя откинуть себя, эту среду мыслящего, — Ленин со злостью отвечал, что «допущение, будто человек мог быть наблюдателем эпохи до человека — заведомо нелепое». Вместе с тем он утверждал, что у нас есть «объективное знание об этой эпохе, ибо «объективная истина», проявляющаяся в «человеческих представлениях, не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества». Словом, он защищал замечательную гносеологию — познание без того, кто познает. Покорно следуя за Лениным, такую чепуху по сей день продолжает защищать, вернее, принужден защищать, например, Дудель в статье «Познание мира и его закономерности» (см. «Вопросы философии», 1952, № 3, изд. Акад. наук). В своих воззрениях материалистка Ортодокс-Аксельрод стояла на стороне Ленина, и все же и она, наряду с порицанием грубости его полемики, должна была признать, что в аргументации Ленина «мы не видим ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубины философских проблем».

Неприятность шла и со стороны распространения книги. Следуемый за нее гонорар Ленин полностью получил, но расходилась она весьма плохо, гораздо хуже, чем произведения «распроклятых махистов». Ни большого шума, ни большой полемики, ни большого интереса она не возбудила. Ленин этим был несколько обескуражен. Нельзя пройти и мимо следующего обстоятельства. Как ни старался он, пользуясь «бубновым тузом», отпихнуться от прочитанных или «перелистованных» сочинений «философской сволочи» — все-таки кое-что от них в его мозг скакнуло: блохи раздумья! А, в дополнение, насмешливый и презрительный тон отзывов об его книге, вероятно, стал на-

водить Ленина на мысль, что не все благополучно в его воинствующем материализме. Нет ли каких-либо дефектов, делающих его, по позднейшей характеристике Ленина, «не столько сражающимся, сколько сражаемым? Не следует ли кое-что получше обдумать, повисить умение обращаться с философскими проблемами, увеличить вообще свое философское знание?

В 1913 г. опубликовывается переписка Маркса с Энгельсом о диалектике и толкает Ленина на размышления о философских вопросах. В 1914 г. он пишет очерк о мировоззрении Маркса в Энциклопедический словарь Граната и снова наталкивается на те же вопросы. В конце концов, чувствуя, что от них трудно уйти, Ленин, живя в Берне и Цюрихе, отрывает время от других занятий и в 1914—1916 гг., почти накануне революции, впрочем, ее — что можно доказать — он совсем не ожидал, пробует пополнить свое знание, лучше сказать: устранить свое незнание философии. На этот раз он не «перелистовывает» книги, а — как прилежный юноша, «с карандашиком» в руках, так, как в свое время в Кокушкине читал Чернышевского, — делает из прочитанного конспекты: «Метафизики» Аристотеля. «Лекций о сущности религии» Фейербаха, о философии Лейбница и некоторых других. Но главное его внимание отведено «Логике» и «Лекциям по философии истории» Гегеля. Все эти конспекты, выдержки из прочитанного с сопутствующими им замечаниями составляют так называемые «Философские тетради» Ленина, его философский дневник, к печати не предназначенный, но после его смерти частично опубликованный в 1929 г. и полностью в 1933—1936 гг. Это вещь весьма любопытная и малоизвестная. С особой силой пробудившееся у Ленина внимание к Гегелю понятно. Он чувствует, что не может собственными силами поставить крепко на ноги «партийную гносеологию», ему обязательно нужно к кому-нибудь прислониться, но к кому — раз ни одному философу ни в едином слове верить нельзя? В области философских воззрений Ленин доверял Чернышевскому, Марксу, Энгельсу, Плеханову, а все они были гегельянами. Ленин после чтения переписки Маркса и Энгельса о диалектике убедил себя, что «нельзя вполне понять «Капитал» Маркса, и в особенности его первые главы, не протрудившись и не поняв «Логики» Гегеля. По его

убеждению, этого никто (Плеханов, замечает он, не составляет исключения) не сделал — «следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя».

Бедные марксисты, клянутся Марксом, а на поверку оказывается, что никто из них его не понял. Ленин хочет быть первым марксистом, действительно понявшим Маркса, а для этого ему нужно во что бы то ни стало одолеть Гегеля. И он действительно штудирует Гегеля и с великим почтением делает из «Логики» множество выписок. Некоторые из них (в переводе Ленина) замечательны. Например:

«Воспроизводство человека есть их (двух индивидов разного пола) реализованное тождество, есть отрицательное единство рефлектирующего в себя из своего раздвоения рода».

Или другая:

«Становление в сущности, ее рефлектирующее движение, есть движение от ничто к ничто и тем самым к себе самому».

Третья выписка тоже неплоха:

«Камень не мыслит и потому его ограниченность не есть граница для него. Но и камень имеет свои границы, например, окисляемость, если есть способное к окислению основание».

Такими выписками заполнен конспект Ленина, и подобной абракадаброй с самым серьезным видом занимается в 1915—1916 гг. тот самый «Владимир Ильич», в который в 1908 г. при первой же неясной для него фразе, мысли Авенариуса или Маха кричал о «галиматье» и «бессвязном наборе слов». Понимал ли Ленин то, что с таким прилежанием выписывал из Гегеля? На стр. 104 своих тетрадей он пишет:

«Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически, т. е. выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею» и т. д.

Выкинув все это из Гегеля — многое ли и что от него останется? А допустив, что нечто останется, — понятен ли Ленину этот остаток? Для ответа приведем отзывы и замечания, которые, читая Гегеля, он делал на страницах своей тетради: стр. 104 — «ахиней»; стр. 108 — «изложение сугубо темное»; стр. 113 — «почему для себя бытие едино — мне неясно. Гегель сугубо темен», на той же странице — «темная вода»;

стр. 114 — «Это производит впечатление большой натянутости и пустоты»; стр. 116 — «переход из количества в качество (а ведь это один из главнейших пунктов! — Н. В.) до того темен, что ничего не поймешь»; стр. 117 — «все это непонятно», «сугубо темно»; стр. 124 — «переход бытия к сущности изложен сугубо темно»; стр. 133 — «очень темно».

Находя и на следующих страницах «тьму темного», Ленин вспоминает, что Пирсон назвал писания Гегеля «галиматъей», и соглашается:

«Он прав. Это учить нелепо. В известном частичном смысле это на 9/10 шелуха».

Девять десятых — уже не частица, а почти все. Но охота пуще неволи, нельзя ведь понять Маркса, не проштудировав Гегеля, и потому Ленин продолжает копаться в шелухе, сопровождая штудирование такими замечаниями: стр. 152 — «обще и туманно»; стр. 166 — «Гегель уверял, что знание есть знание Бога. Материалист отсылает Бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму»; стр. 169 — «ха-ха!»; стр. 170 — «неясность, недоговоренность, мистика»; стр. 171 — «эти части работы Гегеля должны быть названы: лучшее средство для получения головной боли»; стр. 178 — «чушь»; 180 — «ха-ха!»; стр. 196 — «мистика, мистика».

Штудировав Гегеля, Ленин все более и более приходит в раздражение: стр. 246 — «швах»; стр. 247 — «архипошлый, идеалистический вздор»; стр. 248 — «nil, nil, nil»; стр. 250 — «пошло, мерзко, вонюче»; стр. 258 — «архидлинно, пусто, скучно»; стр. 274 — «слепота, односторонность»; стр. 292 — «болтовня», «попался идеалист»; стр. 294 — «ха-ха», еще раз «ха-ха»; стр. 299 — «вздор, ложь, клевета».

Дойдя до места, где Гегель упрекает Эпикура в игнорировании конечной цели бытия — мудрости творца, Ленин раздражается руганью:

«Бога жалко! Сволочь идеалистическая!»

Если «Логика» Гегеля наполнена «темнотой», «шелухой», «вздором», «мистикой», «пошлостью», «чушью», — кстати, именно такими выражениями хлестал Ленин Маха и Авенариуса! — если отец диалектики Гегель, как в том на стр. 289 его обвиняет Ленин, «не сумел понять (а Ленин понял?) диалектического перехода от материи к движению, от материи к созна-

нию», не сумел показать переход количества в качество, — то на что тогда Гегель Ленину, чему он может у него учиться? Но известно, как насмешливо сказал Белинский, — русские люди издавна, с 40-х годов XIX столетия, «лезут под колпак Егора Федоровича Гегеля. Герцен говорил, что человек, не прошедший... через горн и закал «Феноменологий» Гегеля, неполон и несременен, ибо «Философия Гегеля — алгебра революции». семью десятками позднее нечто вроде этого говорит о гегелевской «Логике» Ленин: «Нельзя понять «Капитал» Маркса, не проштудировав «Логику» Гегеля. Ленин немилосердно ругает Гегеля и в то же время льнет к нему, хотя временами кажется, что он это делает, точно повинувшись какому-то приказу, толчку извне. Ряд выписок из Гегеля Ленин сопровождает восторженной похвалой: «великолепно», «замечательно», «верно и глубоко», «очень умно», «очень верно» и так далее в том же духе. Что замечательного и великолепного находит Ленин в некоторых цитатах из Гегеля — явной абракадабры, — понять невозможно, но Ленин, несомненно, чему-то учился у того, кого элегантно называет «идеалистической сволочью». Влияние на Гегеля сказывается в резком изменении взгляда на Плеханова, в течение многих лет в его глазах — столпа диалектического материализма. «Философские тетради» сводят почти к нулю авторитет Плеханова. Ленин находит, что во всем написанном Плехановым по философии нет «ничего»; «nil» о большой (гегелевской) логике, т. е. собственно о диалектике как философской науке.

«Диалектика, — заявляет Ленин, — есть теория познания Гегеля и марксизма. Вот на какую сторону дела (это не сторона «дела», а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах».

Наряду с этим заявлением, неожиданно делающим идеалистическую и метафизическую теорию познания Гегеля — гносеологией марксизма, очень характерно и другое заявление Ленина:

«Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) с вульгарно-материалистической точки зрения». Sapienti sat! Такое замечание свидетельствует, что прежние взгляды на материализм у Ленина под влиянием Гегеля ломаются, о чем, в подтверждение, можно судить и по фразе на его устах прежде невоз-

можной: «Умный идеалист ближе к умному материализму, чем глупый материализм» («Философские тетради», стр. 282).

Еще совсем недавно, о том говорит вся его книга «Материализм и эмпириокритицизм», Ленин при слове «философский идеализм» приходил в ярость. Для него это была поповщина, фидеизм, «реакционная теология», «принаряженная чертовщина», «игра с боженской», придуманная приказчиками капитализма. В своих тетрадях он уже берет идеализм под свою защиту, говоря, что «философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического». «Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека». «Философский идеализм есть односторонне преувеличенное развитие (раздвоение, распускание) одной из черточек, стороны, граней познания в абсолюте». «У поповщины (философского идеализма), конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна».

Вот такую прогулку в далекие метафизические дебри совершил Владимир Ильич Ленин под руку с Егором Федоровичем Гегелем. О ней, разумеется, запрещено говорить в Москве и во всех подчиненных ей коммунистических столицах.

Из материализма, но уже не плехановского, а того, что не должен быть «грубым, простым, метафизическим», и из «умного идеализма», выжимаемого из «Логики» Гегеля, Ленин в своих «Философских тетрадях» начал фабриковать «партийную гносеологию», новую разновидность метафизики в виде некоей диалектической, с «самодвижением всего сущего», онтологии. Жаль, что до сих пор никто из критиков Ленина не рассмотрел этот этап в его «философии». Для его уразумения крайне интересно проанализировать содержание сделанных им извлечений из Гегеля, особенно тех, что сопровождаются возгласами: «великолепно», «замечательно», «верно», «тонко и глубоко» и т. д. Здесь для этого, конечно, нет места, и все-таки не могу удержаться от того, чтобы, хотя бы мельком, указать, как резко отошел Ленин от главной гносеологической посылки своего материализма.

— Нужно быть идиотом, как ваш Мах, чтобы не

признавать вещей в себе, — мне говорил, вернее, рычал Ленин на *gue du Fouet* в июне 1904 г.

«Вещь в себе», в его глазах, выражаясь словами Разумихина у Достоевского, была «якорем, пристанищем, пупом земли». На вещи в себе, подобно лепесткам на наши органы чувств, вызывает ощущения. Признание вещи в себе для Ленина тождественно с признанием объективного, материального, независимого от нас мира. Материализм — есть «признание объектов в себе, вещей в себе». Поэтому Кант выступает как материалист, когда постулирует вещь в себе, но он выступает как идеалист, объявляя, что вещь в себе непознаваема. Яростно защищая вещь в себе в своей книге, Ленин писал, что эта «вещь в себе настоящая *bête noire* Богданова и Валентинова, Базарова и Чернова, Бермана и Юшкевича. Нет таких крепких слов, которые бы они не посылали по ее адресу, нет таких насмешек, которыми бы не осыпали ее».

Много ли остается от этой вещи в себе в 1915—1916 гг., когда Ленин «перепахал» Гегеля? Ровно ничего. Она отброшена, похоронена. Ленин послушно выписывает все, что о вещи в себе говорит Гегель, и без критики и сопротивления это принимает.

«Вещь в себе пустая и безжизненная абстракция».

«Вещь в себе — простая отвлеченность, не что иное, как ложная, пустая отвлеченность...»

«Вещь в себе — пустое отвлечение от всякой определенности, о коем, конечно, нельзя ничего знать, именно потому, что оно есть отвлеченность от всякой определенности».

«Вещь в себе имеет цвет, лишь будучи поднесена к глазу, имеет запах, будучи поднесена к носу».

Ленин со всем этим соглашается, похваливает, и ему особенно нравится указание, что «вещь в себе превращается в вещь для других». «Это очень глубоко», — замечает он. Еще немного, и он бы понял — *esse est percipi!*

С уничтожением вещи в себе изымается огромная гносеологическая часть материализма. Канта и Юма, после такой у себя произведенной ампутации, с прежней позиции критиковать уже нельзя. И Ленин понимает это: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски и по-

бюхнеровски, чем по-гегелевски». О каких марксистах говорит Ленин? О Плеханове и себе.

Уже при жизни Ленина — правителя России — критика его книги «Материализм и эмпириокритицизм» не скажу, чтобы была запрещена, но стала крайне затрудненной. Чтобы не портить себе карьеры, например, Луначарский, призванный на пост комиссара народного просвещения, сделал вид, что эмпириокритиком никогда не был. То же самое сделал и Берман. В 1920 г. книга Ленина вышла вторым изданием, но он ни одним словечком при ее выпуске не обмолвился («Философские тетради» никому не были известны), что в ряде пунктов он ушел от прежних взглядов. В Кремле в свободные минуты он продолжает читать Гегеля, требует, чтобы ему доставили в русском переводе «Логикку» и «Феноменологию», а в 1922 г. направляет в журнал «Под знаменем марксизма» письмо, являющееся как бы философским завещанием: изучайте Гегеля, его диалектику, его теорию познания. «Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма», — писал Ленин, — должна быть на мой взгляд обществом материалистических друзей гегелевской диалектики. Мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон. Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнить — материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым».

Обратите внимание на слова — материализм останется сражаемым. Форма выражения дипломатическая, однако ясно показывающая, что Ленин в это время считал материализм на том уровне его разработки, в каком он существовал до сих пор, в частности, в работах Плеханова, — философской теорией очень слабой. Ленин стал прекрасно понимать, что слаб и «сражаем» и тот материализм, который с такой яростью и самоуверенностью он проповедовал в своей книге. За годы, прошедшие со дня октябрьской революции, он опрокинул и раздавил большую часть своих прежних взглядов и истин, заменив их эмпирикой, выраженной формулой Наполеона — «On s'engage et puis on voit». И все-таки у Ленина не оказалось смелости открыто сказать, что он выбросил вон, как вещь негодную, весьма существенные части его философии 1908 г.

Что же произошло после смерти Ленина? Его «Материализм и эмпириокритицизм», с тем его содержанием, в котором, по убеждению самого Ленина, была не сражающаяся, а сражаемая, негодная часть,— стал обязательным Кораном не для одних только коммунистов СССР и советских граждан, а для всех коммунистов и граждан, для всей массы людей, подчиненных диктатуре Кремля. Кто в СССР или в сателлитских странах ныне посмеет заявить, что не разделяет философских взглядов книги Ленина? Если бы в июне 1904 г., когда я спорил с Лениным по поводу его меморандума — этой пролегомены будущей книги,— мне кто-нибудь, например Лепешинский, сказал, что превращенный в книгу меморандум будет внедряться как священное откровение в головы десятков миллионов людей России, Восточной Европы, Франции, Италии, Китая, Кореи,— я рассмеялся бы над «Пантейчиком» или, вернее, сказал бы ему, что анекдот его глуповат и даже смеха не возбуждает. И этот глупенький анекдот превратился в мировую быль! Трудно поверить, но это же факт!

В статье «Что такое махизм, эмпириокритицизм?», помещенной в «Правде» в номере от 24 декабря 1938 г., мы читаем:

«Сокрушающий удар по махизму и всем его разновидностям наносит «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», написанная под руководством и при личном участии товарища Сталина. В ней вскрыта связь между политическим и философским ревизионизмом, выяснено всемирно-историческое значение защиты Ленина в борьбе против русских махистов теоретических основ марксистской партии, подчеркнута роль книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в теоретической подготовке партии большевиков».

Достаточно заглянуть в эту знаменитую «Историю», именуемую ныне «гениальным произведением И. В. Сталина» (см. «Правда», № 1, октябрь, 1951 г.), и убедиться, что Сталин, человек с абсолютным незнанием философии, никак не мог сокрушить «русских махистов», а лишь на двух страничках (стр. 98 и 99 издания 1950 г.) пересказывает то, что о них говорил Ленин. И тем не менее, когда грозный палец Сталина указывает на Богданова, Базарова, Луначарского, Бермана,

Юшкевича, Валентинова и их «учителей Авенариуса и Маха», это действительно имеет смертоносное, сокрушающее значение, ибо тогда вопрос о них неминуемо переходит из области философии в ведение ГПУ — НКВД — МГБ. Из перечисленных выше «махистов» — кроме пишущего эти строки — уже никого нет в живых, но борьба с ними, их книгами (это теперь нелегальная, запрещенная литература) имеет «актуальное значение», так как махизм — один из наиболее непримиримых врагов «материализма», представленного в «гениальной книге» Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Коротко говоря, в империи Сталина махизм, эмпириокритицизм официально признаны «вредительством», вредителями, сталкивающимися с коммунистическим строем мысли и чувств, установленными диктатурой. Вредитель — это человек, который, попав в руки НКВД, может быть обвинен (и должен признаться) в самых невообразимых преступлениях — вызывал засуху, убивал скот бактериями чумы, отравлял советские города микробами. Как далеко можно идти на путях наговора — показывают московские процессы 1937—1938 г., где коммунисты Бухарин, Рыков, Каменев — еще недавно, в качестве членов Политбюро, стоявшие во главе управления страной, — были показаны как простые шпионы на службе иностранного капитализма. Во что в этой атмосфере сумасшедшего наговора, отсылающего нас к эпохе сжигания ведьм и казням за сношение с дьяволом, превращается «махизм», можно судить по уже цитированному номеру «Правды».

«Махизм, — заявила она, — пытались сочетать с марксизмом так называемые австромарксисты — О. Бауэр, Фридрих Адлер и др.».

Каков результат этого сочинения?

«Австромарксисты предали рабочий класс Австрии, подготовив вначале победу в Австрии австрийских фашистов, а затем прямую аннексию гитлеровской Германии».

Вот что такое махизм! Вот куда приводят идеи, изложенные венским физиком и естествоиспытателем Э. Махом в его книгах «Учение о теплоте», «Механика в ее историческом развитии», «Анализ ощущений»,

«Познание и заблуждение» и других. Э. Мах в письме ко мне (в 1910-м или 1911-м, хорошо не помню, оно пропало), очевидно узнав, в каком виде его изображал Ленин, писал, что находит непонятным и совершенно странным («unverständlich, ganz sonderbar») тот факт, что в России критика его научных взглядов перенесена на чуждую им политическую почву. Кто бы мог себе представить, что через двадцать два года после смерти Маха — он умер в 1916 г. — кремлевские философы узрят в его научных работах не более и не менее как скрытую «подготовку» аннексии Гитлером Австрии!

Такие же методы применены и для сокрушения вредительского «эмпириомонизма» Богданова, а философские энкаведисты его упорно называют «махистом», несмотря на то что «психоэнергетика» Богданова и ряд других тезисов уводят его от «махизма». В 1913—1917 гг. Богданов написал две книги «Тектологии» — с целью представить в них «всеобщую организацию науки». Он анализирует в них (тут заимствование у Авенариуса) стремление нашего мышления к равновесию, но не статическому, а динамическому, образующемуся в результате кризисов и столкновения различных состояний. Так как Богданов был намечен Лениным во главе листа «распроклятых махистов», не признающих материализма, эпигоны Ленина в желании опозорить имя Богданова и его философию ухватились даже не за теорию равновесия, а за слово «равновесие», чтобы заявить, что за ним скрывается вредительская, саботажная, антисоветская, антикоммунистическая политика.

«Эта лживая «теория равновесия», — настаивала «Правда», — была широко (sie!) использована троцкистами и правыми реставраторами для обоснования их контрреволюционных идей. «Теория равновесия» проповедовала равновесие частнокапиталистического и социалистического секторов народного хозяйства СССР, т. е. отказ от переделки мелкотоварного хозяйства, от ликвидации кулачества как класса. Уничтожающий удар «теории равновесия» нанес товарищ Сталин в декабре 1929 года. Он показал, что «теория равновесия» объективно имеет целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием

в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов».

Читая подобные вещи, это превращение гносеологических идей Маха, Авенариуса, Богданова во вредительское оружие кулацких элементов, в подготовку гитлеровской аннексии Австрии (аннексируется она-то теперь Кремлем!), — испытываешь чувство, будто находишься среди сумасшедших. Хочется думать, что это только кошмарный сон, — увы, это явь. Все обвинения во вредительстве составляются именно таким сумасшедшим способом, и заметим — все они инспирируются сверху, из Кремля, самим «великим Сталиным». Философию махизма, сверх уже ей приписанных вредительских свойств, он повелел объявить теорией шпионажа, поэтому каждого «махиста» считать врагом народа, шпионом на службе у иностранных капиталистических разведок. Если вы этому не верите — прочитайте следующие строки из той же статьи «Что такое махизм и эмпириокритицизм?»

«Махистами были меньшевики Валентинов, Юшкевич, Гельфонд, и к меньшевикам в годы реакции перешел бывший большевик Базаров, осужденный в 1931 г. за вредительство. Был махистом — и всегда оставался на махистских позициях — будущий лидер правых реставраторов капитализма, враг народа, фашистский шпион Бухарин. Его сообщники по гестапо Рыков и Каменев, переходившие в лагерь врагов партии во все трудные моменты борьбы, занимали примиренческую позицию по отношению к махизму».

Политический вывод из всего этого совершенно ясен: лица, заподозренные в «сочувствии» к гносеологии, теории познания, венского ученого Э. Маха и цюрихского философа Р. Авенариуса, подлежат ввержению в подвалы Министерства государственной безопасности или заключению в какой-нибудь концлагерь. В 1938 г. лицо, слышавшее о моих спорах с Лениным в 1904 г., вероятно, рассчитывая меня уколоть, сказало: «А от большевизма вы ушли только из-за разногласия с Лениным по философским вопросам». Положим, что не только из-за этого, но если бы даже это было и так, можно ли, зная, что произошло после 1904 г., считать спор с Лениным каким-то не имеющим важности «только»? От ленинского меморандума к книге «Материализм и эмпириокритицизм» — небольшой шаг, а от

этой книги идет уже прямая, хорошо выглаженная бульдозерами дорога к государственной философии, опирающейся на ГПУ — НКВД — МГБ. Это совсем не «только»!

Иосиф Сталин

О ЛЕНИНЕ

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ КРЕМЛЕВСКИХ КУРСАНТОВ 28 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Товарищи! Мне сказали, что у вас тут устроен вечер воспоминаний о Ленине, а я приглашен на вечер в качестве одного из докладчиков. Я полагаю, что нет необходимости представить связный доклад о деятельности Ленина. Я думаю, что было бы лучше ограничиться сообщением ряда фактов, отмечающих некоторые особенности Ленина как человека и как деятеля. Между этими фактами, может быть, и не будет внутренней связи, но это не может иметь решающего значения для того, чтобы получить общее представление о Ленине. Во всяком случае, я не имею возможности в данном случае дать вам больше того, что обещал выше.

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Впервые я познакомился с Лениным в 1903 г. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири, в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные

нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находящемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 г. — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению.

С этого времени началось мое знакомство с Лениным.

СКРОМНОСТЬ

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека,

ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение,— эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества.

СИЛА ЛОГИКИ

Замечательны были две речи Ленина, произнесенные на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление,— все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всемогущие щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон кле-

щами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

БЕЗ ХНЫКАНЬЯ

Второй раз встретил я Ленина в 1906 г. на Стокгольмском съезде нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я говорю о поражении Ленина. Но какое это было поражение? Надо было поглядеть на противников Ленина, победителей на Стокгольмском съезде — Плеханова, Аксельрода, Мартова и других: они очень мало походили на действительных победителей, ибо Ленин в своей беспощадной критике меньшевизма не оставил на них, как говорится, живого места. Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чем говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

«Не хныкать по случаю поражения» — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему спланировать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию.

БЕЗ КИЧЛИВОСТИ

На следующем съезде, в 1907 г., в Лондоне, большевики оказались победителями. Я впервые видел

тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «Первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит». Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что «отныне с меньшевиками покончено». Ему нетрудно было доказать, что меньшевики все еще имеют корни в рабочем движении, что с ними надо бороться умело, всячески избегая переоценки своих сил и, особенно, недооценки сил противника.

«Не кичиться победой» — это та самая особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взвешивать силы противника и страховать партию от возможных неожиданностей.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство — это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то — как он часто говорил об этом, — что «принципиальная политика есть единственно правильная политика».

Особенно характерны в этом отношении два следующих факта.

Первый факт. Период 1909—1911 гг., когда партия,

разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большею частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддавался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая партийность с небывалым мужеством и с невиданной настойчивостью.

Известно, что в этом споре за партийность Ленин оказался потом победителем.

Второй факт. Период 1914—1917 гг., период разгара империалистской войны, когда все или почти все социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патриотическому угару, отдали себя на услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал склонил свои знамена перед капиталом, когда перед шовинистической волной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гэд и другие. Ленин был тогда единственным или почти единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-пацифизма, разоблачал измену Гэдов и Каутских и клеймил половинчатость межеумочных «революционеров». Ленин понимал, что он имеет за собой незначительное меньшинство, но это не имело для него решающего значения, ибо он знал, что единственно верной политикой, имеющей за собой будущность, является политика последовательного интернационализма, ибо он знал, что принципиальная политика есть единственно правильная политика.

Известно, что и в этом споре за новый Интернационал Ленин оказался победителем.

«Принципиальная политика есть единственно правильная политика», — это та самая формула, при по-

мощи которой Ленин брал приступом новые «неприступные» позиции, завоеывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата.

ВЕРА В МАССЫ

Теоретики и вожди партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некий аристократизм вождей в отношении к массам, не искушенным в истории революций, но призванным ломать старое и строить новое. Боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут «поломать много лишнего», желание разыграть роль мамки, старающейся учить массы по книжкам, но не желающей учиться у масс,— такова основа этого рода аристократизма.

Ленин представлял полную противоположность таким вождям. Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков «хаоса революции» и «вакханалии самочинных действий масс», как Ленин. Помнится, как во время одной беседы, в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться нормальный порядок», Ленин саркастически заметил: «беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции».

Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс.

Вера в творческие силы масс — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции.

ГЕНИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде». Отсюда «поразительная» ясность тактических лозунгов и «головокружительная» смелость революционных замыслов Ленина.

Вспоминаются два особенно характерных факта, отмечающих эту особенность Ленина.

Первый факт. Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия готовили военную диктатуру в интересах «войны до конца»; когда все так называемое «общественное мнение», все так называемые «социалистические партии» стояли против большевиков, третируя их «немецкими шпионами»; когда Керенский пытался загнать в подполье — и отчасти уже успел загнать — партию большевиков; когда все еще могучие дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагавшихся армий, а западно-европейские «социалисты» благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах «войны до полной победы»...

Что значило поднять восстание в такой момент? Поднять восстание в такой обстановке — это значит поставить все на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидным взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восста-

ние в России подготовит конец империалистской войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всем мире.

Известно, что это революционное предвидение Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

Второй факт. Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у проводка лицо Ленина озарилось каким-то необычным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдем на радиостанцию, — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим т. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира, и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию на поворотах революционного движения.

«Правда», № 34, 1924 г.

Виктор Чернов

ЛЕНИН

Ленин умер. Умер второй раз — физически. Духовно и политически он умер уже давно — по меньшей мере год тому назад. Мы уже привыкли давно говорить о нем в прошедшем времени. И потому нам нетрудно теперь писать о нем просто и безгневно. И поскольку в исторически еще не остывших делах человеческих возможно беспристрастие, мы можем, не насилуя себя, пойти навстречу его требованиям, тем более что достоинство истинного революционера требует воздания всякому своему противнику должного, а не оскорбительных выкриков вдогонку его только что снаряженному гробу.

Ленин был большой человек. Он не только был самой крупной фигурой возглавляемого им движения. Он был и головою движения, и его волей, я сказал бы, даже «и его сердцем», если бы и вся его натура, и природа руководимой им партии не ставила бессердечности себе в революционный долг.

Ум у Ленина был энергический, но холодный. Я бы сказал даже — это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум. Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности. А сентиментальностью для него было всякое вмешивание в вопросы политики морального, этического элемента. Все это было для него пустяками, ложью, «светским поповством». В политике есть лишь расчет. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы.

Одна добродетель: воля к власти для осуществле-

ния целиком своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха.

Военные говорят, что «война есть продолжение политики, только иными средствами». Ленин выворотил бы это положение наизнанку: политика есть продолжение войны, только иными средствами, маскирующими войну. В чем сущность войны для обычного «морального сознания?» В том, что война узаконяет, возводит в принцип, в апофеоз то, что в мирное время считается преступлением. Обращение цветущей страны в пустыню война делает естественным тактическим приемом: грабежи — реквизицией, обман — военной хитростью, готовность выкупаться в крови врага — боевым энтузиазмом, бесчувственность к жертвам — самообладанием, беспощадность и бесчеловечность — долгом. В войне «все позволено», в войне всего целесообразнее то, что всего недопустимее в нормальном общении человека с человеком. А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики.

Ленина часто обвиняли в том, что он не хочет или не умеет быть «честным противником». Но для Ленина само понятие «честного противника» было нелепостью, обывательским предрассудком. Им порой можно воспользоваться, немножко по-иезуитски, в собственных интересах, но принять его всерьез глупо. Защитник пролетариата не только вправе, но и обязан по отношению к врагу отбросить всякие scrupules. Ввести его в заблуждение, сознательно обмануть, допустить по отношению к нему заведомое преувеличение, неправду, выставить его в наивозможно худшем виде, возбудить по отношению к нему, во что бы то ни стало, самые отвратительные подозрения — это Ленин считал в порядке вещей и не скрывал, что считает в порядке вещей. Трудно превзойти Ленина в цинической грубости, с какой он развивает все это в особой записке по вопросу о третейском суде с меньшевиками, ныне целиком напечатанной в приложении к последнему тому полного собрания его сочинений. Ленин по совету разрешал себе переноситься «по ту сторону совести» в отношениях ко всем, кого считал врагами своего дела. Отбрасывая или попирая ногами при этом все нормы честности, он оставался «честен с собой».

Ленин, как марксист, был теоретиком классовый

борьбы. Его личным вариантом этой теории было признание, что необходимым апогеем классовой борьбы является гражданская война — можно сказать, что классовая борьба была для него всего лишь недостаточно развернутой, зачаточной, эмбриональной формой гражданской войны. Всякое серьезное партийное, иногда даже фракционное, разногласие он стремился объяснить как рефлекс, как отражение каких-то классовых противоречий. И когда он раскалывал партию, он в процессе этого раскалывания честно совершал самые возмутительные, самые отвратительные вещи. Ведь раскалываемая партия есть незаконное соединение классово-враждебных тенденций, а со всем классово-враждебным надо поступать по правилу: на войне, как на войне.

В расколах, во фракционной борьбе протекала вся жизнь Ленина. В ней и развилась его несравненная мускулатура гладиатора, профессионала-борца, ежедневно практикующегося, ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки. Эта практика выковала в нем изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа и надежду как-нибудь «вывернуться». Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт облегчали ему здесь его внутреннее «*credo, quia absurdum*» * и делали из него какого-то духовного «Ваньку-встаньку». После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже стыда и позора, он умел духовно выпрямиться и «начинать сначала». Его волевой темперамент был как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают. Это был сильный и крепкий партийный и политический боец, как раз такой, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъем духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя, и чтобы одергивать их в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться, выражаясь словами Ленина, в «зазнавшуюся партию»,

* Верю — ибо абсурдно (лат.).

способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности.

В этой необыкновенной целостности натуры заключался и в значительной доле секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам. Его ничем не преоборимый, действенный оптимизм, даже в такие моменты, когда все дело казалось погибшим и все готовы были потерять голову, не раз оправдывался просто потому, что Ленина вовремя спасали ошибки врагов. Это бывал просто слепой дар судьбы, удача; но удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении. Большинство сдается, не дождавшись этого конца — не хочет даром тратить силы, не хочет явно ненужных и бесполезных жертв. И по-своему они правы и благоразумны; только именно их благоразумие часто и не позволяет случайной удаче их выручить. Вот почему есть некое высшее благоразумие в неблагоразумии человека, готового истощить до конца последнюю каплю сопротивляемости вопреки всему, вопреки стихии, логике, судьбе, року. Такого благоразумного неблагоразумия природа отпустила Ленину необыкновенно много — быть может, чересчур много. Зато для окружающих, для друзей, для приверженцев, для массы — факт, что Ленин не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо и, разумеется, приписывался его гениальной прозорливости, то есть как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было. Ленин был прежде всего фехтовальщик. А фехтовальщику не нужно провидений, не нужно слишком сложных идей, может быть, вообще не следует чересчур задумываться, но надо уметь сосредоточить на одном все внимание и все силы, приковать свой взгляд ко всем движениям противника, обладать чисто инстинктивной находчивостью и приспособленностью всех рефлексов, чтобы в должный момент на каждое данное действие врага найти без малейшего промедления самый удачный ответ.

Ум Ленина был не широкий, но интенсивный; не творческий, но изворотливый и в этом смысле изобретательный. Он был большим мастером в оценке наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в «текущем политиче-

ском моменте» все, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое политическое чутье в предвидении ближайших его политических последствий. И с этим тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная беспочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха и всех его программных идей и планов, рассчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху. Составленную им для социал-демократии в начале 900-х годов аграрную программу, которую он вынашивал добрый десяток лет, постиг полнейший провал; после этого он же весьма ловко маневрировал с аграрными лозунгами, наскоро перехваченными у партии социалистов-революционеров, лозунгами, на борьбу с которыми он сам затратил столько сил и темперамента. Конкретный способ действий, который при смене обстоятельств изобретал он в каждый момент для скорейшего захвата власти, отличался необыкновенной практичностью; но грандиозная программа, намеченная на проведение в жизнь после захвата власти и рассчитанная на целый исторический период, оказалась ниже всякой критики и разлетелась вдребезги при первом соприкосновении с действительностью. Это был отличный революционер и государственный деловик, но исторический провидец это был просто никакой. Его «малый политический разум» был блестящ; его «большой политический разум» был перманентным банкротом.

Считаясь с особенностями духовного склада русского революционера, русского интеллигента, Ленин должен был заплатить большую дань делу всяческого теоретизирования и даже философствования. Назвался груздем, полезай в кузов; назвался вождем партии, поставляй ей все потребное, вплоть до собственной патентованной партийной философии. И когда среди русских марксистов пошел философский разброд мыслей и завелись разные эмпириокритические ереси, Ленин, недолго задумываясь, засел в библиотеку, со свойственным ему упорством преодолел труды тех, кто в Европе служил философским прототипом для русских «ересей» и «еретиков», еще тщательнее пересмотрел писания их критиков, а затем смастерил целую книгу, в которой «разделал» всех этих Шуппе, Лаасов, Аве-

нариусов, Петцольдов и им подобных так, как привык разделять у себя в партии непослушных и бунтовщиков; как дураков и мальчишек. В первый и последний раз произвел он эту карательную экспедицию в области философии. Он сделал это не по своей охоте, а из чувства долга, подобно тому генералу, который говорил: «прикажут — акушером буду». Больше делать этого было некому, и Ленин взялся за дело. Was er selbst hat noch gestern gelernt, das musste er heute schon lehren*, как говорят немцы; и неудивительно, что целым рядом грубейших промахов и наивностей он с головой выдал свою абсолютную чуждость этой области мысли и полную неприспособленность к философствованию. Но и в этой книге он тот же, что и везде — уверенный, не подозревающий того, где и в чем он беспомощен, ломающий напролом, исполненный пренебрежения к другим и поставивший себе за правило афишировать это пренебрежение, это презрение еще в большей мере, чем имеет его на деле.

Как человек «с истиной в кармане», он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее — сделать печать, слово, трибуну, даже мысль монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты. Здесь он походил на того древнего мусульманского деспота, который произнес приговор над сокровищами Александрийской библиотеки: если там сказано то же, что и в Коране, то они лишни; а если другое, то они вредны.

Если ум его был абсолютно лишен творческой складки, если он мог быть только искусным, темпераментным и неутомимым толкователем и перетолкователем готовой доктрины, если ему была в высшей степени свойственна узость и однобокость мысли, «граничащая с ограниченностью», то в пределах этой узости, этой ограниченности он достигал большой и своеобразной силы, эта сила сказывалась, главным образом, в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать, прозрачности всех положений. Тут уж он шел неумо-

* Учил других тому, что лишь вчера стало ясно самому (нем).

лимо до политического конца (хоть до абсурда), не оставлял ничего расплывчатого, ничего неопределенного (кроме тех случаев, когда это надо было ему сознательно допустить из соображений дипломатии): все конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного. В связи с этим, быть может, стояла и специфическая особенность Ленина как оратора. Он никогда не был блестящим фейерверком слов и образов. Это не было «красноречие» в собственном смысле: говорил он вовсе не красно. Он бывал и неуклюж, и грубоват, особенно в полемике, он часто повторялся, «одно и то же твердословил». Но в этих повторениях и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжевывания и неуклюже-сильные взмахи, сквозь топорность выходов и вылазок пробивалась живая, неугомонная волевая стихия, твердо шедшая к намеченной цели. Эта стихия, раз захватив, уже не выпускала, не ослабляла своего напора; ее монотонная приподнятость гипнотизировала; несколько разных словесных вариаций одной и той же мысли пробивали себе дорогу в чужое сознание не в той, так в другой форме; как капля, долбящая камень, затверженное втеснялось в ум и навязывало себя памяти. И наконец, Ленин умел ощущать свою аудиторию, умел возвышаться над ней не больше, чем нужно, умел даже вовремя вернуться к ней, даже принизиться к ней так, чтобы не создалось нарушающего гипноз отрыва, так, чтобы произвести в данный момент наибольшее давление на волевое состояние аудитории. И в то же время он лучше, чем кто-либо, знал, что толпа — словно конь, любящий шпоры и узду седока, что толпа любит поработиться, и он умел, когда надо, взять с нею тон властный, требовательный, обличающий, даже бичующий. «Это не оратор, но это, пожалуй, побольше оратора», — сказал про Ленина кто-то, и сказал метко.

Воля Ленина была сильнее его ума. И потому ум его в своих извилинах и зигзагах был уродливо покорен его воле. Вот почему, когда торжество увенчало наконец усилия и труды его долголетней подпольной жизни, Ленин приступил к воплощению своей «Идеи» не как социалистический мыслитель, заранее взвешивающий все элементы созидательной проблемы, имеющий свой творческий синтез и свой «Операционный

план», с полной перспективой последовательных и друг друга дополняющих мер. Нет, и на область чисто конструктивной деятельности он без малейшей процедуры переносил те же руководящие принципы, которые действительны в области борьбы, то есть деятельности деструктивной. Он любил повторять слова Наполеона: «on sengage, et puis on voit» *. Надо в социальном творчестве смело начать с чего-нибудь, а лучше всего сразу с нескольких пунктов, чтобы неудача в одном не остановила дела; а там уж действовать, смотря по обстоятельствам, как подскажут опыт и практика. Надо не бояться ошибок, учиться на ошибках, бросать неудачное, переделывать сызнова и сызнова, действовать где прямо, где обходными путями. Ленина чаще всего воображали слепым упрямым догматиком; но он был догматиком лишь постольку, поскольку отсутствие творческого гения неизбежно приковывало его к какой-либо из готовых теорий; раз взявшись ее защищать, он, конечно, не уступал ни пяди врагам. Но он вовсе не был догматиком по натуре, он влюбился не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной «игры», где надо поймать момент и сорвать банк. И потому он охотно становился эмпириком, экспериментатором, игроком. Отсюда же и его оппортунизм — черта, совершенно не мирящаяся с настоящим догматизмом. Его ум был покладист, и эластичен, и изворотлив. Он послушно становился на запятки воли. Воля же Ленина поистине была из ряда вон выходящей психоэнергетической величиною. Я думаю, что в лице Ленина сошел в могилу самый крупный характер из выдвинутых русской революцией.

Ленина охотно считали честолюбцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органично властен, он не мог не навязать своей воли, потому что был сам «заряжен двойным зарядом» ее и потому что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты — и, как им, естественно светить не своим светом, а отраженным солнечным. Но «почес-

* Главное вязаться, а там посмотрим (фр).

тей» Ленин не любил, и пышность, и парадность не радовали его глаз; плебей по привычкам и натуре, он оставался прост и натурален в своем быту после октябрьского торжества так же, как и до него. Ленина охотно представляли себе бессердечным, фанатичным «сухарем», но его бессердечие было чисто головное, рассудочное, направленное на «дальних», на врагов его дела, его партии. С «ближними» же он был приветлив, добродушно-весел и обходителен, как простой хороший товарищ; и недаром любовно-фамильярное «Ильич» получило такое распространение среди рядовых большевиков. Да, Ленин был добродушен. Но добродушие и доброта — не одно и то же. Подмечено, что все физически очень сильные люди обычно бывают добродушны. Это добродушие есть просто побочный продукт благодушной уверенности, происходящей от сознания силы. Таким же добродушием большого сенбернара по отношению к маленьким дворнягам был полон и Ленин по отношению к своим «ближним». Что же касается настоящей внутренней доброты, то ее Ленин, вероятно, считал одной из ненужных и мешающих людских слабостей. По крайней мере, когда он хотел возможно презрительнее третировать кого-нибудь из своих противников-социалистов, то к его имени он прибавлял эпитет «добренький». Этим было все сказано: значит, мягкотелость, размазня, слякоть.

Он всю жизнь посвятил борьбе за рабочий класс. Любил ли он его? Очевидно, да — хотя струнка любви к конкретному, живому рабочему у него звучала слабее струнки ненависти к конкретному, живому эксплуататору. Пролетариат он любил тою же самовластной, деспотически требовательной, жестокой любовью, которой некогда любил и спасал человечество Торквемада.

Ленин действительно по-своему любил тех, кого ценил как слуг «дела»; он легко им прощал ошибки, даже их измены, хотя порой задавал им хорошие головоломки, чтобы их возвратить «на путь истинный»; злопамятства, злобности в нем не было; но зато враги его дела для него были не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами; он ими не интересовался; они были для него лишь математическими точками приложения силы его ударов, мишенью для постоянного, беспощадного обстрела. За

простую идейную оппозицию партии в критический для нее момент он способен был, не моргнув глазом, обречь на расстрел десятки и сотни людей; а сам он любил беззаботно хохотать с детьми, любовно возиться со щенками и котятами. Аморалистом он был не из-за того, чтобы в его груди жили миллионы страстей, ниспровергающих всякие моральные нормы и переступающих через все заповеди; о, нет, его эмоциональная сторона была однообразна, была скудна, но в этой маниакальной сосредоточенности и опасна; он был профессиональным борцом, он был политическим боксером на арене социальных распрей, и в этом смысле знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой страстью была его профессия, сама борьба, само переливание своей воли в формы политических событий. И аморализм его был простым производным из монопольного владычества над ним этой страсти. Его моноидеизм был его слабостью и его силой, его своеобразной красотой и его уродством.

Говорят, что стиль — это человек. Еще вернее будет сказать, что мысль — это человек. И если Ленин вложил все же нечто «свое» в проповеданную им доктрину классовой борьбы, то это своеобразное толкование диктатуры пролетариата — толкование, всецело носящее на себе печать концентрированного «волюнтаризма» его личности. Социализм — освобождение труда; среди трудящихся пролетариат есть наиболее чистое выражение — крепкий экстракт, или вытяжка, — трудового начала. Но и среди самого пролетариата есть более или менее «чистые» пролетарские слои. Если необходима диктатура пролетариата над массой трудящихся, то на том же основании в самом пролетариате необходима диктатура авангарда его над остальной пролетарской массой. Это — экстракт из экстракта, вытяжка из вытяжки: истинно пролетарская партия. Но и внутри партии по тому же закону необходим режим внутренней диктатуры твердокаменных элементов над расплывчатыми. Это восходящая система диктатур, и фактически ее увенчивал — и не мог не увенчивать — диктатор просто, каким Ленин и был. Его теория диктатуры пролетариата была, таким образом, целой системой диктаториальных кругов — подобно кругам Дантова ада — и в целом являлась универсальной

теорией диктаториального опекунского социализма. А значит, полной противоположностью настоящего социализма — социализма, как системы хозяйственной демократии. Эта излюбленная, интимнейшая — единственная собственно ленинская — идея была *contradictio in adjecto* *. И это внутреннее противоречие не могло не явиться в конце концов источником внутреннего разложения и распада созданной им партии.

Он умер. Его партия, возглавляемая людьми, которых он долго формовал по своему образу и подобию, людьми, которым легко быть его подражателями и столь же трудно — его продолжателями, уже в последнее время повторяла в своей коллективной судьбе его личную судьбу: становилась живым трупом. Ленин больше не сможет гальванизировать его зарядами собственной воли. Он весь израсходовался на нее — без остатка. Она тоже вся внутренне израсходована. На свежей могиле учителя и вождя, умевшего сколотить ее воедино глубоко врезающимися железными обручами, она на момент сплотится теснее и произнесет обеты верности много говорящему в прошлом и ничего не говорящему в настоящем и будущем завещанию учителя. А затем — погрузится в будни и подпадет опять под власть неумолимых законов размагничивания и распада.

* Противоречие в обновлении (лат.).

ТРИПТИХ

*Опустите штыки перед ним,
Пусть он встанет из гроба холодного,
Пусть увидит, куда мы летим—
Гребни рваные моря народного.
Пусть развяжет родимую речь,
Где корнями сплетаются молнии.
Он устал от мелькающих встреч.
Мы у гроба молчим, мы — безмолвие.*

ЮРИИ КУЗНЕЦОВ

К ДЕМОКРАТИИ

Министры-социалисты, выпущенные из Петропавловской крепости Лениным и Троцким, разъехались по домам, оставив своих товарищей Л. В. Бернацкого, А. И. Коновалова, М. И. Терещенко и других во власти людей, не имеющих никакого представления о свободе личности, о правах человека.

Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин.

Конечно, Столыпин и Плеве шли против демократов, против всего живого и честного в России, а за Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его нечаевско-бакунинский анархизм.

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?

Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо.

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшней вождем, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата.

Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат.

Я спрашиваю:

Помнит ли русская демократия — за торжество каких идей она боролась с деспотизмом монархии?

Считает ли она себя способной и ныне продолжать эту борьбу?

Помнит ли она, что, когда жандармы Романовых бросали в тюрьмы и в каторгу ее идейных вождей, — она называла этот прием борьбы подлым?

Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей?

Не так же ли ленинская власть хватается и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих, как это делала власть Романовых?

Почему Бернадский, Коновалов и другие члены коалиционного правительства сидят в крепости, — разве они в чем-то преступнее своих товарищей социалистов, освобожденных Лениным?

Единственным честным ответом на эти вопросы должно быть немедленное требование освободить министров и других, безвинно арестованных, а также восстановить свободу слова во всей ее полноте.

Затем разумные элементы демократии должны сделать дальнейшие выводы, должны решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами нечаевского типа?

ЛЕНИН

(моментальная фотография)

В первый и, вероятно, последний раз за всю мою жизнь я пошел к человеку с единственной целью поглядеть на него, до этого я всегда в интересных знакомствах и встречах полагался на милость случая.

Дело, которое у меня было к самодержцу российскому, не стоило ломаного гроша. Я тогда затевал народную газету — не только беспартийную, но даже такую, в которой не было бы и намек на политику внутреннюю и внешнюю. Горький в Петербурге сочувственно отнесся к моей мысли, но заранее предсказал неудачу. Каменев в Москве убеждал меня, для успеха дела, непременно ввести в газету полемику. «Вы можете хоть ругать нас», — сказал он весело. Но я подумал про себя:

— Спасибо! Мы знаем, что в один прекрасный день эта непринужденная полемика может окончиться дискуссией на Лубянке, в здании ЧК — и отказался от любезного совета.

Я и сам перестал верить в успех моего дикого предприятия, но воспользовался им, как предлогом.

Свидание состоялось необыкновенно легко. Я позвонил по телефону секретарю Ленина, госпоже Фотиевой, прося узнать, когда Владимир Ильич может принять меня. Она справилась и ответила: «Завтра товарищ Ленин будет ждать вас у себя в Кремле к ... часам утра».

Надо было заручиться удостоверением личности от какой-нибудь организации. Мне его охотно дали в комиссии по ликвидации армии Южного фронта (все это происходило в начале 1919 года). С ним я и отправился утром в Кремль. За мной, как за лоцманским судном, увязался один молодой московский поэт*. Он составил какой-то календарь для красноармейского

* Поэт, автор военных брошюр О. Л. Леонидов (Шиманский).

солдата и в этом издании, между прочим, высказал замечательную сентенцию: «Красный воин не должен быть бабой». Жена Ленина, г-жа Крупская, обиделась за женский коллектив, и в «Московской правде» отчитали поэта: «У автора старорежимные представления о женщинах. Те женщины, которых выдвинула в первые красные ряды великая русская революция, ничем не уступают ее самым смелым и пламенным борцам-мужчинам». Поэт испугался и шел оправдываться. Для этого он держал под мышкой целую стопку каких-то прежних брошюрок.

В проходе башни Кутафы мы предъявили наши бумаги солдатскому караулу. Здесь нам сказали, что тов. Ленин живет в комендантском крыле, и указали вход в канцелярию. Оттуда по каменной, грязной, пахнувшей кошками лестнице мы поднялись на третий этаж в приемную — жалкую, пустую, полутемную, с непромытыми окнами, с деревянными скамейками по стенам, с единственным хромым стулом в углу. Из большой двери, обитой черной клеенкой, показалась барышня — бледнолицая, с блекло-голубыми глазами, спросила фамилию и скрылась. Надо сказать, нигде нас не обыскивали.

Ждали мы недолго — минуты три. Та же клеенчатая дверь слегка приоткрылась, и из нее наполовину высунулся рослый серьезный человек, в поношенном пиджаке поверх черной косоворотки. Лицо у него было какого-то жесткого, желтого, дубового вида, черные круглые, упорные глаза без ресниц, маленькие черные усы, холодное, враждебное и лениво-уверенное спокойствие в фигуре и движениях.

Подобного вида внушительных мужчин можно было видеть раньше в качестве ночных швейцаров в самых подозрительных гостиницах на окраинах Киева, Одессы и Варшавы.

— Идите, — сказал он и пропустил нас поочередно, оставляя между собой и дверью такую узкую щель, что я поневоле прикоснулся к нему. Мне кажется, будь у меня в эти минуту с собой револьвер, он сам собою, повинувшись магнитной силе этих черных глаз, выскочил бы из кармана.

— В эту дверь, налево.

Просторный и такой же мрачный и пустой, как и передняя, в темных обоях кабинет. Три черных кожа-

ных кресла и огромный письменный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола поднимается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги, так ходят кривоногие прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое»*, что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольский, белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите.

Он указывает на кресло, просит садиться, спрашивает, в чем дело. Разговор наш очень краток. Я говорю, что мне известно, как ему дорого время, и поэтому не буду утруждать его чтением проспекта будущей газеты; он сам пробежит его на досуге и скажет свое мнение. Но он все-таки наскоро перебрасывает листки рукописи, низко склоняясь к ним головой. Спрашивает — какой я фракции. Никакой, начинаю дело по личному почину. «Так! — говорит он и отодвигает листки. — Я увижусь с Каменевым и поговорю с ним». Все это занимает минуты три-четыре.

Но тут вступает поэт, который давно уже нетерпеливо двигает ногами под креслом. Я очень доволен тем, что остался в роли наблюдателя, и приглядываюсь, не давая этого чувствовать.

Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх, но эти черточки не слишком монгольские; таких лиц очень много среди «русских американцев», расторопных выходцев из Люимовского уезда Ярославской гул. Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличен, как это выходит в фотографических ракурсах. Впрочем, на фотографиях удаются правдоподобно только английские министры, опереточные дивы и лошади.

* Облический — обходный, не фронтальный.

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно-красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

Разговаривая, он делает руками близко к лицу короткие тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся. Другие такие глаза я увидел только раз, гораздо позднее.

От природы они узки, кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнения к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворительно: «Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!» Разница оказывается только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они — точно проколы, сделанные тоненькой иглой, и из них точно выскакивают синие искры.

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который неоценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок — давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности.

Вот, кажется, и все. Самого главного, конечно, не скажешь, это всегда так же трудно, как описывать словами пейзаж, мелодию, запах. Я боялся, что мой поэт никогда не кончит говорить, и потому встал и откланялся. Поэту пришлось последовать моему примеру. Мрачный детина выпустил нас в щелочку. Тут

я заметил, что у него через весь лоб, вплоть до конца правой скулы, идет косою багровый рубец, отчего нижнее веко правого глаза кажется вывороченным. Я подумал: «Этот по одному знаку может, как волкодав, кинуться человеку на грудь и зубами перегрызть горло».

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто бы вошел в него, почувствовал себя им.

«В сущности,— подумал я,— этот человек, такой простой, вежливый и здоровый,— гораздо страшнее Нерона, Тиверия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки люди, доступные капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом — подумайте! — камень в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая непобедимая мысль: падая — уничтожаю.

*Бертран Рассел **

«ОН — ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АРИСТОКРАТ»

Вскоре после моего прибытия в Москву я имел часовую беседу с Лениным на английском языке, которым он прекрасно владеет. Присутствовал переводчик,

* 17 или 18 мая Владимир Ильич нарушил жесткий ритм своего времени, сжатого, казалось бы, до предела, и выкроил час для разговора с выдающимся знатоком математической логики и истории философии — Бертраном Расселом.

Всемирная слава и медаль нобелевского лауреата пришли к Б. Расселу (1872—1970) позже. Но и в 1920 г. к вождю Страны Советов обращался человек, располагающий огромным нравственным авторитетом. В 1916 г. весь мир облетела новость о том, как преподаватель Кембриджского университета, потомок герцогского рода, внук премьер-министра Великобритании Б. Рассел сменил кафедру

но его услуги практически не потребовались. Обстановка кабинета Ленина очень проста: в нем большой рабочий стол, несколько карт на стенах, два книжных шкафа и одно удобное кресло для посетителей в дополнение к двум или трем жестким стульям, очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже комфорту. Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная, кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью или вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости. Он пристально смотрит на своих посетителей, прищурив глаз, что, кажется, усиливает пронизательную силу другого глаза. Он много смеется; поначалу его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно мне стало как-то не по себе. Ленин спокоен и властен, он чужд всякого страха и совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь. Он напоминает профессора желанием сделать свою теорию понятной и яростью по отношению к тем, кто не понимает ее или не согласен с ней, а также своей склонностью к разъяснениям. У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и что он — интеллектуальный аристократ.

Первый вопрос, который я ему задал, касался того, насколько он осведомлен об особенностях экономического и политического положения Англии. Мне хотелось узнать, является ли согласие с концепцией насильственной революции непременным условием вступления в Третий Интернационал, хотя я и не спросил об этом прямо потому, что другие задавали ему такой вопрос официально. Его ответ не удовлетворил меня. Он согласился, что сейчас революция в Англии мало-

на одиночную камеру в течение шести месяцев за выступления против мировой войны. Он не изменил своей жизненной позиции и впоследствии. Вместе с Альбертом Эйнштейном и Нильсом Бором в 50-х годах Б. Рассел стал инициатором Пагуошского движения. Его участники (ученые из стран с различным общественным строем) более трех десятилетий в неофициальной обстановке обсуждали пути прекращения «холодной войны» и ликвидации угрозы глобальной катастрофы. В наши дни продукция этой «творческой лаборатории» нашла отражение и в международных правовых актах.

вероятна и что рабочий человек еще не проникся отвращением к парламентской форме правления. Но он надеется, что этого результата добьется правительство лейбористов. Он думает, например, что если господин Гендерсон (лидер лейбористов.— *Ред.*) станет премьер-министром, то ничего существенного сделано не будет. Тогда, он надеется и верит, организованное рабочее движение перейдет к революционным методам. На этом основании он желает своим единомышленникам в Англии сделать все, что в их силах, для обеспечения лейбористского большинства в парламенте; он не настаивает на уклонении от парламентской борьбы, а считает, что участие в ней дискредитирует парламент. Причины, по которым попытки совершить насильственную революцию в Англии большинству из нас кажутся невероятными и нежелательными, он не принимает всерьез, считая их лишь буржуазными предрассудками. Когда я предположил, что всего возможного в Англии можно достичь без кровопролития, он отмахнулся от этого предложения как от фантастического. У меня не сложилось впечатления, что он много знает о Великобритании или психологически понимает ее проблемы. Действительно, для всей марксистской тенденции характерно пренебрежение к психологизму, поскольку все в политике марксисты объясняют чисто материальными причинами.

Затем я спросил его, считает ли он возможным установить коммунизм прочно и полностью в стране, в которой большая часть населения — крестьяне. Он согласился с тем, что это трудно, посмеялся над тем, что крестьянин принужден менять продукты питания на «бумажки»; в обесценивании русских бумажных денег он находит комическую сторону. Но он сказал — и это, без сомнения, истина,— что все придет в норму, как только появятся товары, которые можно будет предложить крестьянину. Он полагает, что отчасти это будет достигнуто путем осуществления электрификации промышленности. Электрификация, по его словам, является технической необходимостью в России, но для ее реализации потребуется десять лет. Он с воодушевлением, которое всем им присуще, рассказывал о грандиозном плане выработки электроэнергии из торфа. Конечно, он рассматривает снятие блокады как единственное радикальное средство; но он не очень

надеется, что этого удастся добиться полностью и надолго, если не произойдет революция в других странах...

Последний вопрос, который я ему задал, был о том, не создаст ли возобновление торговли с капиталистическими странами, если таковое состоится, центры капиталистического влияния и не затруднит ли это сохранение коммунизма? Мне показалось, что большая часть ревностных коммунистов опасается коммерческих контактов с внешним миром как ведущих к проникновению инакомыслия и могущих расшатать существующую систему. Я хотел выяснить, нет ли у него такого же чувства. Он признал, что торговля создаст некоторые трудности, но они будут меньшими, чем тяготы войны. Он сказал, что два года тому назад ни он, ни его соратники не рассчитывали выжить в окружении враждебного мира. Они выжили благодаря раздорам и расхождению интересов различных капиталистических стран; сыграла свою роль также сила большевистской пропаганды. Он сказал, что немцы смеялись, когда большевики предложили бороться с пушками при помощи листовок, но ход событий доказал, что листовки не менее мощное оружие. Я не думаю, что он сознает, какую роль сыграли в этом рабочие и социалистические партии. Он, кажется, не знает, что британские лейбористы сделали многое, чтобы не допустить развертывания крупных боевых действий против России...

Я думаю, что если бы встретил его, не зная, кто он такой, то не догадался бы, что он великий человек; он произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, несгибаемого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом. Он так же мало любит свободу, как христиане, пострадавшие во время правления Диоклетиана и отомстившие, когда они получили власть. Может быть, любовь к свободе несовместима с искренней верой в существование панацеи от всех человеческих бед. Если это так, то я не могу не порадоваться скептицизму западного мира. Я приехал в Россию коммунистом; но общение с теми, у кого нет сомнений, ты-

сячекратно усилило мои собственные сомнения — не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету...

Я утверждаю не то, что капитализм менее плох, чем думают большевики, — а то, что социализм недостаточно хорош — не в лучших его образцах, а именно в той форме, которая, похоже, может осуществляться лишь через войну. Зло войны, особенно гражданской, очевидно и очень велико; результат, который приносит победа, весьма сомнителен. В ходе беспощадной борьбы может оказаться утраченным наследие цивилизации, а вот ненависть, подозрительность и жестокость сделаются нормой в отношениях между людьми. Для того чтобы победить в войне, необходима концентрация власти — а из концентрации власти вытекают те же самые бедствия, что и из капиталистической концентрации богатства. Именно вследствие этих причин я не могу поддержать любое движение, целью которого является мировая революция...

Мне кажется, что в большевистской теории допускается ошибка, когда внимание концентрируется на одном из зол, то есть на имущественном неравенстве, которое, как предполагается, лежит в основе всех остальных. Я считаю, что нельзя так выделять какое-либо одно зло, но если бы мне пришлось выбирать одно из величайших политических зол, то я выбрал бы неравенство власти. И я отрицаю, что от этого зла можно избавиться при помощи войны и диктатуры Коммунистической партии. Только мир и длительный период постепенного улучшения могут привести к его исчезновению...

Возможно, что российский коммунизм потерпит неудачу и погибнет, но коммунизм как таковой не умрет. И если надежда, больше, чем ненависть, воодушевит его защитников, он может быть осуществлен без всеобщего катаклизма, предсказываемого Москвой. Война и ее последствия подтвердили разрушительную суть капитализма. Будем надеяться, что следующая эпоха не продемонстрирует еще большей разрушительности коммунизма, а, напротив, покажет, что в его власти излечить те раны, что нанесла человеческому духу старая порочная система...

Для нового общества естественно искать исторические параллели. Худшие стороны современного российского правительства наиболее близки французской Директории, лучшие имеют тесные аналогии с правлением Кромвеля. Искренние коммунисты (а у старых членов партии искренность подтверждена годами преследований) весьма недалеки от пуританских воинов по своей суровой морали и политической решительности. И обращение Кромвеля с парламентом не так уже не похоже на обращение Ленина с Учредительным собранием.

Герберт Уэллс

КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Основной целью моей поездки из Петрограда в Москву была встреча с Лениным. Мне было интересно повидаться с ним, и я должен сказать, что был предубежден против него. На самом деле я встретился с личностью, совершенно непохожей на то, что я себе представлял.

Ленин — не человек пера; его опубликованные труды не дают правильного представления о нем. Написанные в резком тоне брошюры и памфлеты, выходящие в Москве за его подписью, полные ложных концепций о психологии рабочих Запада и упорно отстаивающие абсурдное утверждение, что в России произошла именно предсказанная Марксом социальная революция, вряд ли отражают даже частицу подлинного ленинского ума, в котором я убедился во время нашей беседы. В этих работах порой встречаются проблески вдохновенной пронизательности, но в целом они лишь повторяют раз навсегда установленные положения и формулировки ортодоксального марксизма. Быть может, это необходимо. Пожалуй, это единственно понятный коммунистам язык; переход к новой фразео-

логии сбил бы с толку и вызвал полную растерянность. Левый коммунизм можно назвать позвоночным столбом сегодняшней России; к сожалению, это неподвижный позвоночник, сгибающийся с огромным трудом и только в ответ на почтительную лесть... <...>

Особняк для гостей правительства, где мы жили вместе с г. Вандерлипом и предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву, чтобы лепить бюсты Ленина и Троцкого, — большое, хорошо обставленное здание на Софийской набережной (№ 17), расположенное напротив высокой кремлевской стены, за которой виднеются купола и башни этой крепости русских царей. Мы чувствовали себя здесь не так непринужденно, более изолированно, чем в Петрограде. Часовые, стоявшие у ворот, оберегали нас от случайных посетителей, в то время как в Петрограде ко мне мог зайти поговорить кто хотел. Г. Вандерлип, по-видимому, жил там уже несколько недель и собирался пробыть еще столько же. С ним не было ни слуги, ни секретаря, ни переводчика. Он не обсуждал со мной свои дела и лишь два осторожно заметил, что они носят строго финансовый, экономический и отнюдь не политический характер. Мне говорили, что он привез рекомендательное письмо к Ленину от сенатора Хардинга, но я не любопытен по природе и не пытался ни проверить это, ни соваться в дела г. Вандерлипа. Я даже не спрашивал его, как вообще можно в коммунистическом государстве вести коммерческие переговоры и финансовые операции с кем бы то ни было, кроме самого правительства, и как можно иметь дело с правительством, совершенно не касаясь политики. Должен признаться, что все эти таинственные вещи выше моего понимания. Но мы вместе ели, курили, пили кофе и беседовали, соблюдая полнейшую сдержанность. Благодаря тому что мы избегали упоминать о «миссии» г. Вандерлипа, она раздулась в нашем сознании до огромных размеров, и мысль о ней стала неотвязной.

Формальности, связанные с подготовкой моей встречи с Лениным, были утомительно длинны и вызвали раздражение, но вот наконец я отправился в Кремль в сопровождении г. Ротштейна, в прошлом видного работника коммунистической партии в Лондоне, и американского «товарища» с большим фотоаппа-

ратом, который, как я понял, тоже был сотрудником Наркоминдела.

Я помню Кремль в 1914 году, когда в него можно было пройти так же беспрепятственно, как в Виндзорский замок; по нему бродили тогда небольшие группы богомольцев и туристов. Но теперь свободный вход в Кремль отменен, и попасть туда очень трудно. Уже в воротах нас ожидала возня с пропусками и разрешениями. Прежде чем мы попали к Ленину, нам пришлось пройти через пять или шесть комнат, где наши документы проверяли часовые и сотрудники Кремля. Возможно, что это и необходимо для личной безопасности Ленина, но это затрудняет живую связь России с ним и — что еще важнее с точки зрения эффективности руководства — затрудняет его живую связь с Россией. Если то, что доходит до него, пропускается через некий фильтр, то так же фильтруется и все, что исходит от него, и во время этого процесса могут произойти весьма значительные искажения.

Наконец мы попали в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь; Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Я сел справа от стола, и невысокий человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг. Он превосходно говорил по-английски, но г. Ротштейн следил за нашей беседой, вставляя замечания и пояснения, и это показалось мне весьма характерным для теперешнего положения вещей в России. Тем временем американец взялся за свой фотоаппарат и, стараясь не мешать, начал усердно снимать нас. Беседа была настолько интересной, что все это шелканье и хождение не вызывало досады.

Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха. Линии его лба напомнили мне кого-то, я никак не мог вспомнить, кого именно, пока на днях не увидел г. Артура Бальфура, сидевшего возле затененной лампы. У него в точности

такой же высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением; живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежащими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

Через весь наш разговор проходили две — как бы их назвать — основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунизм?» Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?» А это, в свою очередь, приводило к второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»

До 1918 года все марксисты рассматривали социальную революцию как конечную цель. Пролетарии всех стран должны были соединиться, сбросить капитализм и обрести вечное блаженство. Но в 1918 году коммунисты, к своему собственному удивлению, оказались у власти в России, и им надлежало наглядно доказать, что они могут осуществить свой золотой век. Коммунисты справедливо ссылаются на условия военного времени, блокаду и тому подобное, как на причины, задерживающие создание нового и лучшего социального строя, но тем не менее совершенно очевидно, что они начинают понимать, что марксистский образ мышления не дает никакой подготовки к практической деятельности. Есть множество вещей — я упоминал некоторые из них, — за которые они не знают, как взяться... Но рядовой коммунист начинает негодовать, если вы осмелитесь усомниться в том, что при новом

режиме все делается самым лучшим и самым разумным способом. Он ведет себя, как обидчивая хозяйка, которая хочет, чтобы ее похвалили за образцовый порядок в доме, хотя все перевернуто вверх дном из-за переезда на новую квартиру. Такой коммунист напоминает забытых теперь суфражисток, обещавших рай на земле, как только удастся освободиться от тирании «установленных мужчиной законов». Но Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрерывных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока наконец они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам, писал он недавно.

Мы начали беседу с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навеял мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше, — подтвердил Ленин. — И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает — снос существующих городов и возведение новых потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храма Пестума. Огромная часть современного города исчезнет. Ленин охотно согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново...

А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный

марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, от него зависящее, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасла торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения.

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас,— сказал Ленин,— у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед...

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в

целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о крестьянах, Ленин склонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские — индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отозвался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело.

— Но все это только наброски, первые шаги,— сказал я.

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время,— ответил он.

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все-таки может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуне. Коммунисты уничтожали торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему, вместо того чтобы использовать ее, и т. д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию — разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли

социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожить одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т. д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать все, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул новую книгу Кьюнца Монея «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

— Вот видите, как только у вас появляется хорошая действенная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты.

Он постучал пальцем по книге.

— Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придал значения.

Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один аме-

риконец собирался поразить Москву. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят шесть лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии? Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин,— это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он прямая противоположность коллективным действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

— Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России,— сказал я.— Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи...

Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным; на обратном пути у меня и моего спутника снова неоднократно проверяли пропуска, как и при входе в Кремль.

— Изумительный человек,— сказал г. Ротштейн.— Но было неосторожно с его стороны...

У меня не было настроения разговаривать; мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлевского рва, мимо деревьев, листва которых золотилась по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал.

Он все уговаривал меня не упоминать г. Вандерлипу об этом проекте русско-американского сближения, хотя я с самого начала заверил его, что достаточно уважаю сдержанность г. Вандерлипа, чтобы нарушить ее каким-нибудь неосторожным словом.

И вот — снова дом на Софийской набережной, поздний завтрак с г. Вандерлипом и молодым скульптором из Лондона. Подавая на стол, старик слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Ка-

рузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы. Г-н Вандерлип предлагал нам днем познакомиться с московским рынком, а вечером смотреть балет, но мы с сыном решили в тот же вечер уехать обратно в Петроград, а оттуда — в Ревель, чтобы не опоздать на пароход, уходивший на Стокгольм.

ТРИПТИХ

*Хотя страна давно его отпела
На все свои стальные голоса,
Но мать-земля не принимает тела,
А душу отвергают небеса.
Два раза в год его душа томится,
В трибуну превращается гробница.
Самозабвенно движется поток,
Его портреты мимо проплывают.
Но людям на трибуне невдомек,
Чей прах они ногами попирают.*

ЮРИИ КУЗНЕЦОВ

VENI, CREATOR!

Гремите, военные оркестры! Вывешивайте флаги! Из красных полотнищ стройте триумфальные арки! Громче и веселее кричи, праздничный народ: в твой мрачный город вступает завоеватель! По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, великий триумфатор — громче приветствуй его, русский народ! Вот он, серый в сером автомобиле: как прост и вместе величав его державный лик, сколько силы в каждом движении его благородной руки: одним мгновением она приводит в движение пулеметы и воздвигает стихии на голову непокорных! Что так грозно шумит позади триумфатора? Это море шумит и предостерегает. Это целые флоты, выкинув красные флаги, готовят громы и грозы. Вот он, твой победитель, русский народ, — громче же, громче и почтительнее приветствуй его! Склонись ниц! Пади долу перед великим завоевателем, со славою вступающим в твой державный Петроград!

Прими и мой привет, победитель. Мне так жаль, что я только писатель, словесник, а не целый матросский оркестр, не иерихонская труба, не стозевно орущая глотка, не хор шестикрылых серафимов: как простым словом сумею выразить весь мой восторг и преклонение? Ты так велик, ты так божественно прекрасен, необыкновенный победитель, раздавивший отечество, вставший над законами, смело презревший всякого другого Бога, кроме тебя. Ты почти Бог, Ленин, — ты знаешь это?

Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала. Они плачут, — твои глаза сухи. Они молят и проклинают, но ты их не слышишь. Что тебе земное? Ты выше слез, выше проклятий, выше презрения, — ты сам есть великое презрение, ставшее над землею.

Гряди, победитель!

О каком-то отечестве плачут они. Зовут Россию. Земные и жалкие, они любят какую-то родину. Им мила их земля, им мило их небо, их реки и леса, их поля и убогие деревни. Они хотят дышать этим воздухом и задыхаются в другом, будто не всякий воздух одинаково пригоден для дыхания. Земные дети, они цепляются руками за игрушки и самую любимую из всех зовут отечеством, каким-то отечеством. Но что тебе до земного? Как некий Бог, ты поднялся над их земным и ничтожным — и презрительной ногою встал на их отечество, легким пинком отбросил и растоптал смешную игрушку. Разве для Бога существует география? границы? свои и чужие земли? — Россия и Германия?

Гряди, победитель! Еще недавно ты был никто, — ныне ты почти Бог, Ленин... ты знаешь это?

Как обвороженный, смотрю я в твои глаза, еще недавно отражавшие Германию в своем зрачке. Что в них — насмешка или злоба? Нет, это не насмешка и не злоба. Это — Великое Презрение. Кого же ты презираешь, победитель?

Ах, я догадался: ты презираешь Закон. Тот нелепый и бессильный закон, что тебя, великого, привлек к какому-то суду, тебя хотел заключить в какую-то тюрьму, где сидят мошенники и провокаторы, убийцы и воры... тебя, Великого! Ты презираешь эту нелепую и бессильную власть, которая тебя хотела подчинить своим велениям и приказам, когда ты — сам власть и приказ. Не так ли? Да, ты прав, великий, и я так же, как и ты, презираю эту власть; жалкая и слепая, она хотела арестовать Ленина! Народного избранника! Полубога, властвующего над стихиями! Знай свое дело, глупая власть: забирай воришек, лови маленьких провокаторов и помесячных предателей, играй в отмену и примену смертной казни, наводи страх на дурака-обывателя, но не касайся помазанника моего, не тронь его, на ком почиет печать народного избранничества, кто ныне на осляти вступает в свой Иерусалим! Теперь ты видишь, как ты была неосторожна, глупая власть, теперь ты поумнела?

Гряди спокойно, победитель!

Но я вижу, что здесь еще не конец твоему Великому Презрению. Кого еще ты презираешь, победитель?

Твой рот презрительно шевелится: на чью же голову ты готовишь свой ядовитый плевок? Кого же ищешь глазами? — здесь нет никого, кроме русского народа, и он приветствует себя!

Не его ли ты презираешь?

Это было бы слишком жестоко, Великий. И несправедливо! Не он ли расступился перед тобой? Не он ли, стомиллионный великий русский народ, имеющий Толстых и Герценов, Каляевых и Петров Великих, покорно склонил перед тобою свою выю и ныне венчает тебя? Смотри, как низко стелется перед тобою вся народная нива! Ни один колос не стоит прямо, все согнулись и кланяются, как Иосифу. Смотри, как по мере приближения твоего затихают проклятия, ложь и судебная клевета, пятнавшие твое чистейшее имя. Благоговееет сын персти и в благоговейном молчании встречает тебя и твои пулеметы, великий завоеватель! Ты победил русский народ. Единый — ты встал над миллионами. Маленький и даже щуплый, ты осуществил то, что не удалось и Наполеону: завоевал Россию, под ноzi свои бросил всякого врага и супостата. Разве ты не слышишь, как воют приветственные трубы и гремят фанфары? Чем же ты недоволен, Великий? Улыбнись, взгляни ласково на твоих слуг и рабов, иначе... мы умрем от страха!

— Горе побежденным.

Это ты говоришь?

— Горе побежденным!

Страшные слова, и непонятно, о ком ты говоришь. Если о нас, побежденных тобою, то в чем же наше горе? Не хлеб ли и мир ты сулишь нам, вступая, а мы так хотим мира и хлеба, мы скоро детей продадим за кусок хлеба и день хоть позорного, но сладкого мира. В чем же наше горе? Но ты суров, Ленин, ты даже страшен, Великий. Смотрю на тебя и вижу, как растет вширь и в высоту твое маленькое тело. Вот ты уже выше старой Александровской колонны. Вот ты уже над городом, как дымное облако пожара. Вот ты уже, как черная туча, простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище. Уже нет человеческих черт в твоём лице; как хаос, клубится твой дикий образ, и что-то указывает позади дико откинутаая черная рука.

Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же

еще идет за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое дымное и бурное лицо?

Густится мрак, и во мраке я слышу голос:

— Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем, и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым. Идущий за мною сильнее меня.

Густится мрак, клубятся свирепые тучи, разъяряемые вихрем, и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ: царской короны на царской огромной голове. Кто этот страшный царь? Он худ и злобен — не Царь-Голод ли это? Он весь в огне и крови — не царь ли это Вильгельм? Он с веревочной петлей поверх короны — не царь ли Николай это? Сгущается тьма. Мне страшно!

Сгущается бездонная тьма, крошечный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса — безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой мечусь я в темноте и ищу Россию:

— Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!

Ищу и не нахожу. Кричу и плачу в темноте. И мне страшно, о Господи! Где моя Россия? Сердце не хочет биться, кровь не хочет течь, жизнь не хочет жить.

— Отдайте Россию!

...Или это только галлюцинация, бредни писателя, который не может спать? А наяву все так спокойно и просто. Вон улица и красные флаги. Вон милиция. Вон министры. И все вообще ждут Ленина.

Гряди же, победитель! Гряди спокойно.

Венедикт Ерофеев

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ЛЕНИНИАНА

Для начала — два вполне пристойных дамских эпиграфа.

Надежда Крупская — Марии Ильиничне Ульяно-

вой: «Все же мне жалко, что я не мужчина, а то бы я в десять раз больше шлялась» (1899).

Инесса Арманд (1907): «Меня хотели послать еще на сто верст к северу, в деревню Койду. Но, во-первых, там совсем нет политиков, а во-вторых, там, говорят, вся деревня заражена сифилисом, а мне это не очень улыбается».

Впрочем, можно следом пустить еще два дамских эпиграфа, но только уже не вполне пристойных:

Галина Серебрякова о ночах Карла Маркса и Женни фон Вестфален: «Окружив его заботой, Женни терпеливо писала под диктовку Карла. А Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Это были счастливые минуты полного единения. Случалось, до рассвета они работали вместе. Но только люди, жившие за стеной, жаловались на то, что у них ночами «не прекращаются разговоры и скрип ломких перьев» (в серии «Жизнь замечательных людей»).

Инесса Арманд — Кларе Цеткин: «Сегодня я сама выстирала свои жабо и кружевные воротнички. Вы будете бранить меня за мое легкомыслие, но прачки так портят, а у меня красивые кружева, которые я не хотела бы видеть изорванными. Я все это выстирала сегодня утром, а теперь мне надо их гладить. Ах, счастливый друг, я уверена, что Вы никогда не занимаетесь хозяйством, и даже подозреваю, что Вы не умеете гладить. А скажите откровенно, Клара, умеете Вы гладить? Будьте чистосердечны и в вашем следующем письме признайтесь, что Вы совсем не умеете гладить!» (январь 1915).

Ну а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича с того времени, как он научился писать, и до того (1922) времени, как он писать разучился.

В 1895 году он еще гуляет по Тиргартену, купается в Шпрее. Посетив Францию, сообщает: «Париж — город громадный, изрядно раскинутый».

Но уже в 96-м году Ильич помещен на всякий случай в дом предварительного заключения в Санкт-Петербурге.

«Литературные занятия заключенным разрешаются. Я нарочно справлялся об этом у прокурора. Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет».

Оттуда же он пишет сестрице:

«Получил вчера припасы от тебя, <...> много снеди <...> чаем, например, я мог бы с успехом открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции со здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной.

Все необходимое у меня теперь имеется и даже сверх необходимого. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу».

Одна только просьба: «Хорошо бы получить стоящую у меня в ящике платяного шкафа овальную коробку с клистирной трубкой» (1896).

А дальше, разумеется, Шушенское.

«В Сибири вообще в деревне очень и очень трудно найти прислугу, а летом просто невозможно» (1897).

«Я еще в Красноярске стал сочинять стихи

В Шуше, у подножия Саяна...

но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил».

Младший братец его, Дмитрий Ульянов, тоже угодил в тюрьму, и вот какие советы из Шушенского дает ему старший брат:

«А Митя? Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-вторых, занимается ли он гимнастикой? То же, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту знаю и скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже».

Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов» (1898).

И, сверх того, ожидание невесты Надежды Константиновны и будущей тещи Елизаветы Васильевны. Наконец приезжают. Вот как он сообщает об этом приезде своей матушке:

«Я нашел, что Надежда Конст—на выглядит неудовлетворительно. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» — отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо» (1898).

«Мы с Надей начали купаться».

А когда закончились купальные сезоны — «катаюсь на коньках с превеликим усердием и пристрастием к этому Надю» (1898).

Европа после Шушенского, само собой, дерьмо собачье. «Глупый народ — чехи и немчура» (Мюнхен, 1900). «Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве. Гнусная дыра, но ничего не поделаешь» (1908). «Париж — дыра скверная» (1910).

Блистательные сентенции вроде: «Я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого» (1909).

«Мы все ездим с Надей на велосипедах кататься» (1909). «Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним через адвоката. <...> Надеюсь выиграть» (Париж, 1910).

«Погода стоит такая хорошая, что я надеюсь взяться снова за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля» (Париж, 1910). «Я не верю, что будет война» (Краков, 1912). «А насчет женского органа напишет Надежда Конст—на» (Краков, 1914).

«Собираемся взять прислугу, чтобы не было возни большой с хозяйством и можно было бы уходить на далекие прогулки» (Краков, 1914).

«Сегодня Володя ездил на велосипеде довольно далеко, только шина у него лопнула» (Краков, лето 1914).

О своем друге Максиме Горьком Ильич помнит неизменно: «Горький изнервничался и раскис» (1910). «Горький всегда был архибесхарактерным человеком». Или: «Бедняга Горький! Как жаль, что он осрамился!» И несколько позднее: «И это Горький! О, теленок!»

Однако началась война. Бегство из Кракова. И, «сидючи» в нейтральной Швейцарии, тов. Шляпникову: «Лозунг мира — это обывательский, поповский лозунг» (17 октября 1914 г.).

А милой Инессе Арманд: «...Даже мимолетная связь и страсть поэтичнее, чем поцелуи без любви пошлых и пошленьких супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре.

Логично ли противопоставление? Поцелуи без люб-

ви у пошлых супругов грязны. Согласен. Им надо противопоставить... что?.. Казалось бы, поцелуи с любовью? А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не любовь?). Выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским.

Странно. Но не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский брак без любви «пролетарскому браку с любовью» (24 января 1915).

И ей же: «Требование «свободы любви» советую вовсе выкинуть. Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование. Дело не в том, что Вы хотите субъективно понимать под этим. Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви» (17 января 1915).

И опять ей: «Если уж непременно хотите, то мимолетная связь — страсть может быть и грязная, может быть и чистая» (24 января 1915 г.). «У нас опять дожди. Надеюсь, небесная канцелярия выльет всю лишнюю воду к Вашему приезду, и тогда будет хорошая погода» (4 июня 1915). «Крепко, крепко, крепко жму руку, мой дорогой друг».

И необходимость постоянно печатать свои очередные брошюры с очередными тезисами. Спустя два с лишним года, уже будучи вождем большевистского правительства, он будет давать такие распоряжения: «Реквизировать 30 тысяч ведер вина и спирта в винных складах. Есть ли бумажка от Военно-Революционного Комитета, чтобы спирт и вино не выливались, а тотчас же были проданы в Скандинавию? Написать ее тотчас» (9 ноября 1917).

А пока он не вождь, тов. Карпинскому:

«Дорогой товарищ! Мы ужасно обеспокоены отсутствием от Вас вестей и корректур (моей брошюры). Неужели наборщик опять запил?» (20 февраля 1915).

Тов Зиновьеву: «Не помните ли фамилию Кобы? Привет. Ульянов» (23 августа 1915).

Тов. Карпинскому: «Большая просьба: узнайте фамилию Кобы» (9 ноября 1915).

Все. Февральский переворот в России. Ленин: «Нервы взвинчены сугубо. Нужно скакать, скакать». «Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся». «Нужен отдельный вагон для революцио-

неров». «Я могу одеть парик». «Хорошо бы попробовать у немцев пропуска — вагон до Копенгагена». «Почему бы и нет? Я не могу этого сделать. А Трояновский и Рубакин и К^о — могут. О если бы я мог научить эту сволочь!» (март 1917).

Инесе Арманд: «Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут». «Нет ли в Женеве дураков для этой цели?» (19 марта 1917).

«Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Привет. Ульянов!» (14 апреля 1917).

В письмах послезалповских, послеавроровских — нет ничего триумфального. Напротив того: «Республика» в опасности. Необходимы срочные меры. Например, такие:

«Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко. Он должен называться просто тов. Овсеенко» (14 марта 1918).

«Аресты, которые должны быть произведены по указанию тов. Петерса, имеют исключительно большую важность и должны быть произведены с большой энергией».

Тов. Зиновьеву в Петроград:

«Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотят ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы их удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Надо поощрить энергию и массовидность террора!» (26 ноября 1918).

Тов. Сталину в Царицын:

«Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». «Повсюду надо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов» (7 июля 1918).

Тов. Сокольникову:

«Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применив строгости. Но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для

свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте» (24 сентября 1918).

В Пензенский губисполком:

«Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении» (9 августа 1918).

Тов. Федорову, председателю Нижегородского губисполкома»:

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления» (9 августа 1918).

Не совсем понятно, кого же убивать. Проституток, спаивающих солдат и бывших офицеров? Или проституток, спаивающих солдат, а уже отдельно — бывших офицеров? И кого стрелять, а кого вывозить? Или вывозить уже после расстрела? И что значит «и т. п.»?

«...Будьте образцово-беспощадны».

Тов. Шляпникову, в Астрахань:

«Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских взяточников и спекулянтов. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили» (12 декабря 1918).

Телеграмма в Саратов, тов. Пайкесу:

«Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» (22 августа 1918).

Тов. Сталину, в Петроград:

«Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предположить наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить нападение (Юденича) со сравнительно незначительными силами, стремительное продвижение вперед.

Просьба обратить внимание на это обстоятельство, принять экстренные меры для раскрытия заговоров» (27 мая 1919).

«Предупреждаю, за это председателей губисполкомов буду арестовывать и добиваться расстрела их» (20 мая 1919).

Тов. Зиновьеву: «Вы меня зарезали!» (7 августа 1919).

В отдел топлива Московского Совдепа :

«Дорогие товарищи! Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из леса достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину).

Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в ЦК не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпимы бездеятельность и халатность.

С коммунистическим приветом, *Ленин*» (18 июня 1920).

В президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов :

«Дорогие товарищи! Вынужден по совести сказать, что ваше постановление так политически безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. Так поступают только капризные барышни и глупенькие русские интеллигенты.

Простите за откровенное выражение своего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что вас прочтат тюрьмой за бездействие» (12 октября 1918).

Глебу М. Кржижановскому :

«Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-матем. факультеты и пр. Обязанность: в неделю не менее 2-х лекций, обучить не менее 10-и (50-и) человек электричеству. Исполнить — премия. А не исполнить — тюрьма» (декабрь 1920).

Тов. Чичерину :

«Пусть Сталин поговорит начистоту с турецкой делегацией».

Получает донос на врачей, комиссующих раненых красных солдат, когда те еще «вполне способны воевать» :

«...организовать тайный надзор и слежку за поведением этих врачей, чтобы изобличить их, собрав свидетелей и документы, а потом предать суду» (20 ноября 1918).

В ответ на жалобу М. Ф. Андреевой относительно арестов интеллигенции :

«Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей этой околкадетской публики. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни ин-

теллигентов посидели деньки и недельки. Ей-ей, лучше» (18 сентября 1919).

Максиму Горькому о том же:

«Короленко ведь почти меньшевик. Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками». «Нет, таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме». «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» (15 сентября 1919).

Тов. Крестинскому:

«Брошюра напечатана на слишком роскошной бумаге. По-моему, надо отдать за эту трату роскошной бумаги и типографских средств под суд, прогнать со службы и арестовать кого следует (12 сентября 1920). Неумный человек или саботажник редактировал ее?»

Тов. Сталину в Харьков:

«Пригрозите расстрелом этому неряхе, который, заведая связью, не умеет дать Вам хорошего усилителя и добиться полной исправности телефонной связи со мной» (16 февраля 1920).

Тов. Каменеву:

«По-моему, нужен секретный циркуляр против клеветников, бросающих клеветнические обвинения под видом «критики» (5 марта 1921).

Смольный, Зиновьеву:

«Знаменитый физиолог Павлов просится за границу. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как он и раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против советской власти и коммунизма в России.

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, представить ему сверхнормальный паек» (25 июня 1920).

Каменеву и Сталину:

«Опасность что с сибирскими крестьянами мы не сумеем поладить, чрезвычайно велика и грозна, а т. Чупкаев несомненно слаб, при всех его хороших качествах,— он совершенно незнаком с военным делом» (9 марта 1921).

Шмидту, Троцкому, Цюрупе, Шляпникову, Рыжову, Томскому:

«Прошу вас собрать совещание наркомов — об оздоровлении фабрик и заводов путем сокращения количества едоков» (2 апреля 1921).

В Совет труда и обороны:

«Перетряхнуть Московский гарнизон, уменьшив количество и повысить качество».

Тов. Серебровскому:

«Если у вас в Баку есть еще следы (хотя бы даже малые) вредных взглядов и предрассудков (среди рабочих и среди интеллигентов), пишите мне тотчас. Беретесь ли Вы сами разбить эти предрассудки и добиться лояльности или нужна помощь?» (2 апреля 1921).

Тов. Брюханову:

«Сейчас же начать кампанию беспощадных арестов за нерадение <...> НКпрод должен установить по губерниям и уездам ответственных лиц, чтобы знать, кого сажать» (25 мая 1921).

Тов. Преображенскому:

«Что он реакционер, охотно допускаю. Но их надо иначе изобличать. Изобличи на точном факте, поступке, заявлении. Тогда посадим.

Надо выработать приемы ловли спецов и наказания их» (19 апреля 1921).

Очень мило. В. Молотову:

«Предлагаю уволить Абрамовича тотчас.

Федоровскому представить объяснения, как он смог принять на службу Абрамовича.

Федоровского за это наказать примерно» (10 июня 1921).

И шуточки: «Тов. Цюрупа! Не захватите ли в Германию Елену Федоровну Размирович? Крыленко очень обеспокоен ее болезнью. Здесь вылечиться трудно, а немцы выправят. По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в германский санаторий. Привет! Ленин» (7 апреля 1921).

И без шуток: «Если после выхода советской книги ее нет в библиотеке, надо, чтобы Вы (и мы) с абсолютной точностью знали, кого посадить» (Тов. Литкенсу, 17 мая 1921).

Тов. Горбунову:

«Ведь есть ряд постановлений СТО об ударности Гидроторфа. Явно, они забыты. Это безобразие! Надо

найти виновных и отдать их под суд» (10 февраля 1922).

Тов. Каменеву:

«Почему это задержалось? (имеется в виду печатание ленинских «Тезисов о внешней торговле»). Ведь я давал 2—3 дня! Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-нибудь!.. *Ваш Ленин*» (11 февраля 1922).

«Наши дома загажены подло. <...> Надо в 10 раз точнее и полнее указать ответственных лиц и сажать в тюрьму беспощадно» (8 августа 1921).

«От Центропечати требуйте быстрой рассылки «Наказа СТО», иначе я их посажу».

«Позвоните Беленькому и скажите, что я зол».

А Брюханову и Потяеву: «Если еще раз поссоритесь, обоим прогоним и посадим» (август 1921).

«Медленно оформляли заказ на водные турбины! В коих у нас страшный недостаток! Это верх безобразия и бесстыдства! Обязательно найдите виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме» (13 сентября 1921).

«Из новых книг я получил из Госиздата: С. Маслов, «Крестьянское хозяйство». Из просмотра видно, что насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая «ученой» ложью.

Либо дурак, либо саботажник злостный мог только пропустить эту книгу.

Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц» (7 августа 1921).

О Прокоповиче и Кусковой:

«Газетам дадим на сотню ладов и изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев».

Наркому почт и телефонов: «Обращаю ваше серьезное внимание на безобразии с моим телефоном из деревни Горки.

Посылаемые вами лица мудрят, ставят ни к чему какие-то особенные приборы. Либо они совсем дураки, либо очень умные саботажники».

Бедняга профессор Тихвинский, управляющий петроградскими лабораториями Главного нефтяного комитета. Одной фразы Ильича было достаточно: «Тихвинский не случайно арестован: химия и контрреволюция

не исключают друг друга» (сентябрь 1921). Расстрелян в 1921 году.

В Главное управление угольной промышленности:

«Имеются некоторые сомнения в целесообразности применения врубовых машин. Тот производственный эффект, который ожидает от применения врубовых машин тов. Пятаков, явно преувеличен. Киркой лучше и дешевле» (август 1921).

В комиссию Киселева:

«Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно и должно делать из торфа. Надо это производство спирта из торфа развить» (11 сентября 1921).

Это напоминает нам деловую записку от 26 августа 1919 г.:

«Сообщите в Научно-пищевой институт, что через три месяца они должны предоставить точные и полные данные о практических успехах выработки сахара из опилок».

Ну, это ладно. Воображаю, как вытягивались мордасы у наркома просвещения Анатолия Луначарского, когда он получал от вождя такие депеши:

«Все театры советую положить в гроб» (26 августа 1921).

Или телеграммы: «Какие вопросы Вы признаете важнейшими, а какие — ударными! Прошу краткого ответа» (8 апреля 1921).

Для Политбюро ЦК РКП(б): «Узнал от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой Оперы и балета» (12 января 1922).

Раздражение еще вызывают поэт Маяковский и народный комиссар юстиции.

Тов. Богданову:

«Мы еще не умеем гласно судить за поганую волокиту; за это весь Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что всех нас когда-нибудь за это поделом повесят» (23 декабря 1921).

Тов. Сокольникову:

«Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая

политика требует новых способов, новой жестокости кар. С коммунистическим приветом. *Ленин*» (11 февраля 1922).

Начинается изгнание профессуры.

Каменеву и Сталину:

«Уволить из МВТУ 20—40 профессоров. Они нас дурачат» (21 февраля 1922).

Ф. Э. Дзержинскому:

«К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров. Надо это подготовить тщательнее. Обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг. Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручите все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Не все сотрудники «Новой России» — кандидаты на высылку за границу. Другое дело питерский журнал «Экономист». Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 напечатан на обложке список сотрудников. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее шпионов, слуг, растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих вредителей изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не разглашая, членам Политбюро с возвратом. Вам и мне» (19 мая 1922).

А тов. Кржижановский, которому было поручено 10—50 человек обучить электричеству, надорвался и тоже захотел в Европу.

Тов. Сталину:

«Прошу немедленно поручить НКИнделу запросить визу для въезда в Германию Глеба Максимилиановича Кржижановского и его жены Зинаиды Павловны Кржижановской.

Речь идет о лечении грыжи.

С коммунистическим приветом. *Ленин*» (25 апреля 1922).

А тов. Иоффе обязан лечить в Европе свой невротический недуг, который заключается вот в чем.

Тов. Иоффе:

«Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что ЦК — это я. Такое можно писать только в со-

стоянии большого нервного раздражения и переутомления.

Зачем же так нервничать, что писать совершенно невозможную фразу, будто ЦК — это я? Это переутомление. Отдохните серьезно. Обдумайте, не лучше ли за границей. Надо вылечиться вполне» (17 марта 1921).

И тут же следом — Г. М. Кржижановскому:

«Я должен носом тыкать в мою книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может» (5 апреля 1921).

А тов. Чичерин вовсе и не просил о лечении, но получилось так, что Чичерин представлял нашу державу на Генуэзской конференции с только недавно опубликованным напутствием Ленина:

«Ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции следует составить в самом наглom и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину. Действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью. <...> Нельзя упускать случая» (25 февраля 1922).

В. Молотову:

«Сейчас получил 2 письма от Чичерина. Он ставит вопрос о том, нельзя ли на Генуэзской конференции за приличную компенсацию (продовольственная помощь и пр.) согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство других партий в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо лечить, немедленно отправить в санаторий» (23 января 1922).

И через день тому же Молотову:

«Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен, и сильно болен. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий» (24 января 1922).

И в заключение — два негромких аккорда. Первый из них вызывает слезы, второй — тоже.

Тов. Уншлихту:

«Гласность ревтрибуналов (уже) не обязательна. Состав их усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь с ВЧК, усилить быстроту и силу их репрессий. Поговорите со Сталиным, покажите ему это письмо» (31 января 1922).

Тов. Каменеву :

«Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?» (24 апреля 1921).

Владимир Солоухин

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Сколько раз в разных официальных кабинетах, у главного редактора журнала, скажем, у секретаря райкома, в облисполкоме, в застекленных шкафах я видел ровные, темно-бордовые и темно-синие ряды книг, к которым и подходить близко было не нужно, чтобы сразу отметить — Ленин. Знали уж собрания его сочинений, узнавали издавека по внешнему виду безошибочно, как, взглянув на тот же Мавзолей на Красной площади, никто не спутает его с каким-нибудь другим зданием. Держать собрание сочинений Ленина каждому большому начальнику (директору завода, генералу какому-нибудь) считается не то чтобы обязательно... но как-то солидно и внушительно: письменный стол с телефонами, а около боковой стены застекленный шкаф с томами Ленина. Много их стоит у разных людей, в разных кабинетах, но не многие Ленина читали. Если же кружки по изучению первоисточников, партучеба и семинары, то как-то так получается, что начинают все время с ранних работ: «Материализм и эмпириокритицизм», «Что делать», «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Пока обучающиеся продерутся сквозь философские дебри этих работ, пока конспектируют, глядь, а семинарский год уже кончился, так что ни на одном семинаре, ни на одной партучебе никогда дело не доходит до поздних его томов, до того времени, когда кончается философия и начинается практическая деятельность.

Взглядывая на эти тома в кабинете кого-нибудь из своих достигших официальных высот друзей, я бывало ловил себя на мысли, что не читал Владимира Ильича и теперь уж, слава Богу, пожалуй, никто и никогда не сможет меня заставить прочитать эти книги.

То ли от этого «эмпириокритицизма» осталось, что напичканы эти тома сухой, схоластической, неудобовоспринимаемой материей, но, помню, я всегда удивлялся, если видел человека, читающего Ленина.

— А ты почитай,— скажет иной такой человек.— Ты почитай, знаешь, как интересно!

Но часто бывает, что маленький, незначительный эпизод вдруг заставит взглянуть на вещи по-новому, другими глазами, когда вдруг увидишь, чего не видел раньше, и станет интересным, даже жгуче интересным то, что казалось скучным.

Один читатель, пытаясь внушить мне в своем письме какую-то (не помню уж теперь) мысль о первых днях революции, написал: «А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269 и прочитайте, что там написано».

Нельзя сказать, чтобы я тотчас бросился открывать том, да и не было его у меня под руками, потому что дома я никогда Ленина не держал. Однако том и страница запомнились, и однажды на заседании редколлегии в одном журнале я оказался около шкафа с книгами. Пока говорились там умные речи и обсуждались планы, я вспомнил про наущение читателя и, потихоньку приоткрыв дверцу шкафа, достал нужный том. Наверное, еще подумали мои коллеги, что я собираюсь выступать с речью и хочу вооружиться необходимой цитатой, а я сразу, сразу на стр. 269. Строчки ведь указаны не были, так что мне пришлось прочитать всю страницу, и я сразу понял, о каких именно строчках шла речь в письме.

«Я перейду наконец к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и речь. Попало здесь особенно лозунгу «Грабь награбленное»,— лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное... Если мы употребляем слова «экспроприация экспроприаторов», то — почему же нельзя обойтись без латинских слов?» (Аплодисменты).

Я и раньше слышал, будто существовал такой лозунг в первые же дни революции и что будто бы он принадлежал лично Владимиру Ильичу. Но тогда я думал, что он существовал по смыслу, по сути, а не в

обнаженном словесном оформлении, и теперь, должен признаться, меня немного покорила откровенная обнаженность этого лозунга. Прочитанные строки были взяты из заключительного слова по докладу «Об очередных задачах советской власти». Времени было еще много, заседание редколлегии еще только началось, я стал листать оказавшийся в моих руках том и очень скоро понял, что листанием тут не обойдешься, что надо его внимательно прочитать.

Теперь я хочу сделать для возможного читателя моих записок извлечения из этого тома, как я делал извлечения, скажем, из Метерлинка или Тимирязева, когда писал о траве. Извлечения на свой вкус, разумеется. Другой, возможно, выписал бы другие места, другие мысли... Впрочем, нет, мысли не другие, ибо и те и другие мысли были бы ленинскими. А известно, насколько единым, целостным и целеустремленным был Владимир Ильич в своих мыслях.

Почему именно из этого тома? Только ли потому, что он первым случайно оказался у меня в руках? Не только. Я, если и не прочитал от строки до строки, то просмотрел потом многие тома. Но очень уж интересный и острый период — с марта по июль 1918 года, то есть с пятого по десятый месяц нахождения у власти, с пятого по десятый месяц управления Россией, столь неожиданно для них самих оказавшейся в руках большевиков. Нет, полной неожиданности, конечно, не было. Теоретически они готовились к этой власти и к этому управлению. В статье «Сумеют ли большевики удержать власть», написанной еще до Октябрьского переворота, были Владимиром Ильичом Лениным заранее предопределены многие действия и акции, которые в обозреваемый нами период стали осуществляться практически. Выпишем из той, еще предреволюционной, статьи главный ленинский тезис, главную мысль.

Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду сильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламычала активное сопротивление, нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всеилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках.

И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность».

Значит, схема ясна. Сосредоточить в своих руках весь хлеб, все продукты (учет), а затем распределять эти продукты так, чтобы за хлебную карточку человек, оголодавший и униженный голодом, пошел бы работать на советскую власть и вообще делал все, что прикажут. Гениально и просто, как все у Ленина. Разница с последующей статьей «Очередные задачи советской власти» состоит в том, что в первом случае (до взятия власти, когда только еще мечталось) делался упор на то, что путем голода (путем учета и распределения) будут принуждать работать богатых, чье сопротивление якобы надо сломить, а во втором случае, когда власть уже была взята, зазвучали иные нотки.

«От трудовой повинности в применении к богатым власть должна будет перейти, а вернее одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов (то есть трудовая повинность и принуждение.— В. С.) к большинству трудящихся рабочих и крестьян» (т. 36, с. 144).

Так что же осуществилось в стране: власть рабочих и крестьян или всеобщая трудовая повинность для рабочих и крестьян? А если это так, то чья же власть? Дальнейший абзац о трудовом народе в связи с трудовой повинностью для него поразил меня своим откровением.

«Для нас не представляется безусловной необходимостью в том, чтобы регистрировать всех представителей трудового народа, чтобы уследить (!) за их запасами денежных знаков или за их потреблением (кто сколько из них съест.— В. С.), потому что все условия

жизни обрекают громадное большинство этих разрядов населения (почему бы не сказать классов, а, Владимир Ильич? В том числе и класса, осуществляющего диктатуру? — В. С.) на необходимость трудиться и на невозможность скопить какие бы то ни было запасы, кроме самых скудных. Поэтому задача восстановления трудовой повинности в этих областях превращается в задачу установления трудовой дисциплины».

Значит, действительно с рабочими проще, чем с богатыми. У богатых сначала надо отнять запасы, а потом уж можно их морить голодом. У трудящихся же никаких запасов нет, отсиживаться им не с чем, надо идти трудиться, исполнять трудовую повинность, хотя и oprичь души, потому что подчеркнутый насильственный характер будущего труда при советской власти рабочие почувствовали с первых дней. Признает это и Владимир Ильич.

«Целый ряд случаев полного упадка настроения и полного упадка всякой организованности был совершенно неизбежен. Требовать в этом отношении быстрого перехода или надеяться на то, что перемены в этом отношении можно достигнуть несколькими декретами, было бы столь же нелепо, как если бы призывами пытались придать бодрость духа и трудоспособность человеку, которого избили до полусмерти» (с. 145).

Не правда ли — откровенно! Значит, призывами трудоспособность не вернешь. А чем же?

«Для учета производительности и для соблюдения учета необходимо устроить промышленные суды».

Это уже что-то новое! Этого не знали, конечно, при проклятом царском режиме. Если бы при царе ввели вдруг на заводах промышленные суды, представляю себе, на каких фальцетах завопили бы об этом друзья пролетариата и все вообще революционеры. А как бы завопили они, если бы, ну, Столыпин, скажем, выступил со следующей тирадой... Но выступил с ней, увы, не Столыпин, а Ленин, когда власть находилась уже у него в руках. Читайте.

«Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже.

Необходимо карать вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление и за это должна быть наложена определенная кара».

Вот так. Там, где при царе-батюшке можно просто уволить (а сколько воплей, а то и забастовок было по этому поводу), теперь одного увольнения мало. Теперь — тюрьма. Что и наблюдали мы в исполнении ленинских заветов, особенно в предвоенные годы, когда за двадцатиминутное опоздание на работу люди уходили в лагеря и там гибли.

Но в стране вроде диктатура пролетариата. Как же сочетать, с одной стороны, его диктатуру, а с другой стороны, диктаторство над ним, причем уже не класса, не партии даже, но уже единой воли. А что речь шла о подчинении единому диктатору и единой воле, читаем недвусмысленные ленинские слова.

«Это подчинение может при идеальной сознательности и дисциплине (то есть при полной покорности. — В. С.) участников общей работы напоминать больше мягкое руководство дирижера (имеющего право сажать в тюрьму. — В. С.). Оно может принимать формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности. Так или иначе беспрекословное подчинение единой воле безусловно необходимо» (с. 200).

«Вся наша задача партии коммунистов встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы (а как же революционная активность масс? — В. С.), повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора во время работы».

Ах, как хорошо: помитинговали, пошумели, проявили свою пролетарскую гегемонию, потешили душу — щелкает бич диктатору: по местам!

«Надо научиться соединять вместе бурный, бю-

щий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица — советского руководителя».

Точнее про класс-гегемон, осуществляющий якобы в стране свою диктатуру, уже не скажешь. И вообще, словечко «принудительное» является едва ли не самым любимым словечком вождя в тот период.

«Подчинение, и притом беспрекословное, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями...»

«Меры перехода к принудительным текущим счетам или принудительному держанию денег в банках...»

«Осуществление строжайшего и повседневного учета и контроля производства и распределения продуктов...»

«Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз...»

«Принудительное объединение населения в потребительские общества...»

«Через продовольственные отделы советов, через органы снабжения при советах мы объединили бы население (принудительно, как только что мы прочитали.— В. С.) в единый пролетарски руководимый кооператив».

В деле принуждения пролетариата (хотя и строился вроде бы социализм) Владимир Ильич Ленин не брезговал обращаться к самым жестоким и драконовским достижениям капитализма.

«Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Учиться работать — эту задачу советская власть должна поставить во всем объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении — система Тейлора... Осуществление социализма определяется именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления (беспрекословного подчинения диктатору, как мы недавно читали.— В. С.) с новейшим прогрессом капитализма».

И вообще, капитализм, оказывается, не такое уж страшное слово и понятие.

«Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой».

«Что такое государственный капитализм при советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм — это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, которые капиталистические классы проводили в жизнь».

«Государственный капитализм для нас спасение... Государственный капитализм был бы для нас спасением. Тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и общественное, а нам-то как раз этого и не хватает, потому что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран, но не сочувствует учету, обобществлению и контролю».

«Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет.

К государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную инстанцию, называемую «народный учет и контроль за производством и распределением продуктов».

«Государственный монопольный капитализм — есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Вот так раз! При такой постановке вопроса нет ничего удивительного, что, сколько бы мы ни листали Ленина, сколько бы ни штудировали, нигде мы не можем вычитать: а собственно говоря, что же такое социализм, который собирались построить? «Социализм — это учет?» «Социализм без почты и телеграфа

есть пустейшая фраза?» «Кто не работает, тот не есть?» «От каждого по способностям, каждому по труду?» Вот это все и есть пустейшие фразы. И если между государственным капитализмом и социализмом нет ни одной промежуточной ступени, то чем же все-таки отличается социализм от государственного капитализма? Неужели ничем? А если чем, то все-таки чем? Прямых вопросов на этот вопрос у Ленина не встречаем.

Про себя же они понимали дело четко и просто. Осуществить полный учет и контроль над каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению держать в подчинении и в трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовно население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть, по их мнению, социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства.

Но для того, чтобы миллионы людей оказались в материальной, имущественной, хлебной зависимости, надо их сначала лишить тех некоторых запасов, которые они, может быть, накопили и которые дадут им возможность чувствовать себя независимыми от пайка, от хлебной карточки, от зарплаты. Поэтому, взяв власть, с первых шагов большевики начали стремиться прибирать к рукам каждый рубль, каждую копейку, каждый грамм хлеба.

Крупную буржуазию, фабрикантов и банкиров удалось уничтожить легко. Да их и было немного, можно пересчитать, взять на учет и ограбить. А вот что делать с мелким собственником? Их же десятки миллионов. Мелкие собственники вызывали у Ленина бóльшую ненависть, чем крупные капиталисты, и он об этом откровенно пишет и говорит. Ведь мелкие собственники — это все самодеятельное население России, самодеятельное и поэтому самостоятельное. А как раз и надо было лишить его самостоятельности, подчинить и превратить в механизм, послушный единой воле.

«Не видят мелкобуржуазной стихии как главного врага социализма у нас».

Итак, главный враг социализма — это самодеятельные и самостоятельные люди. Кто же они? Ответ Ленина недвусмыслен.

«Большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители».

«Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных «правдами» и особенно «неправдами»...»

Не дают покоя деньжонки в чужих карманах. Ну, а «неправдами» — это, конечно, ввернуто для красного словца. Какими неправдами могло копить деньжонки «громадное большинство земледельцев»? И не мог же он сказать — «все земледельцы», а имел-то в виду всех, ибо что же еще может означать выражение «громадное большинство». К людям, накопившим деньжонку, можно было бы отнести и различных там валял, златошвеек, кружевниц, шорников, овчинников, кожемьяк, сапожников, воскобоев, столяров, плотников, краснодеревщиков, чеканщиков, извозчиков, иконописцев, офень, пильщиков, угольщиков, стеклодувов, кровельщиков, печников — короче говоря, все самодеятельное население России. И все это объединялось общим названием — мелкобуржуазная стихия. Словечко с окраской. Назови «земледелец» — и уже не то.

«Деньги — это свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный (!) слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, прячет его от государства, ни в какой социализм и коммунизм не веря».

«Мелкий буржуа, хранящий тышчонки, враг государственного капитализма, и эти тышчонки он желает реализовать непременно для себя».

Вот ведь какие подлецы, какая темнота и несознательность! Вместо того чтобы просто отдать денюжки государству, прячут и норовят израсходовать на себя. Не выйдет, господа мелкие собственники! Отберем. Где силой, а где лишив товаров и посадив на сухой хлеб. Через торгсины, не мытьем, так катаньем, но отберем!

Тут и встала перед большевиками главная, главнейшая задача — сосредоточить в своих руках весь хлеб. Это главное средство воздействия, подавления и поощ-

рения, а проще говоря — власти. Началась одна из самых кошмарных и кровавых страниц русской истории под названием — продовольственная диктатура.

Для себя Владимир Ильич твердо знал, что он осуществляет хлебную монополию, то есть сосредоточивает весь хлеб, имеющийся в России, в своих руках. Но для общественного мнения был выкинут жупел, словечко, против которого невозможно, кажется, возразить, коротенькое словечко — голод.

Было сделано так, что два главных города, Петроград и Москва, посадили на голодный паек. Сто граммов хлеба в день. Дикие очереди за этими ста граммами. Ну, а раз голод, значит, надо объявить поход за хлебом, борьбу за хлеб, изъятие хлеба ради голодающих. Дело благородное и чистое, как слеза.

Но голод в Москве и Петербурге был инспирирован. Именно в это время Лариса Рейснер, скажем, жила, занимая особняк с прислугой, принимая ванны из шампанского и устраивая званые вечера. Именно в эти годы Зиновьев, приехавший в дни революции из-за границы тощим как пес, разжирел и отъелся так, что его стали звать за глаза «ромовой бабой». Да и как могут голодать два города, если они не блокированы неприятелем, когда во всей остальной стране полно хлеба. Разреши, и тотчас же на всех базарах появятся горы хлеба и разных других продуктов. О том, что голода фактически нет, не раз в эти годы говорил и сам Ленин.

«Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицу, но он весь запрятан кулаками».

«Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем по расчетам осторожных специалистов еще теперь до 10 млн. пудов избытка хлеба».

Нет уж, Владимир Ильич, либо голод, либо избыток хлеба, что-нибудь одно. Большевики в это время очень боялись, как бы хлеб стихийно не проник или даже не хлынул в голодные столицы и не сорвал им задуманное мероприятие. Для этого были учреждены на железных дорогах заградительные отряды, которые следили,

чтобы ни один мешок хлеба не проник ни в Москву, ни в Петроград.

Заставив рабочих и прочее население этих двух городов изрядно наголодаться, Ленин объявил поход за хлебом, который фактически был нужен не для того, чтобы накормить два города, а чтобы осуществить хлебную монополию.

«Необходим военный (!) поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей монополию».

Проговорка вождя. Для чего же нужен хлеб: накормить Москву с Петроградом или ради монополии? Выпускается декрет о продовольственной диктатуре.

«Вести и провести беспощадную террористическую (!) борьбу и войну (!) против крестьянской и иной (?) буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба.

Точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьму на срок не ниже десяти лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины».

«Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат.

Мобилизовать армию, выделив ее здоровые части, и призвать девятнадцатилетних для систематических военных действий (!) по завоеванию, сбору и свозу хлеба.

Вести расстрел за недисциплину.

Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба».

«Задачей борьбы с голодом является не только выкачивание (!) хлеба из хлебородных местностей, но ссыпка и сбор в государственные запасы всех до конца излишков хлеба, а равно и всяких продовольственных продуктов вообще. Не добившись этого, нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований».

Вот зачем понадобился российский хлебушек, а вовсе не для того, чтобы ликвидировать голод в Москве и Петрограде. И сдается мне, что кроме главной задачи — сосредоточить в своих руках все продукты,

чтобы управлять и властвовать, продовольственная диктатура имела и побочную цель.

Ведь советская власть только еще начинала действовать, и положение ее было весьма и весьма неустойчиво. Об этом свидетельствует сам Владимир Ильич Ленин. Судите сами. Вся мелкая буржуазия, как мы недавно читали, то есть все самостоятельное, самодеятельное население России против социализма. В речи перед группой передовых учителей Ленин сделал и другое откровенное заявление.

«Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широких учительских массах только еще начинается».

Но если мелкие собственники, интеллигенты и даже широкие массы учителей — все против, то кто же за?

«Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих. Остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйства против нас», — признается Владимир Ильич на стр. 369 и десятью строками ниже уточняет:

«Мы знаем, как невелики в России слои передовых и сознательных рабочих».

Предельная ясность. Захватившие власть опирались на явное меньшинство, на одураченных рабочих, которых называли сознательными. Но ведь и эта небольшая часть сознательных рабочих могла одуматься через месяц-другой*.

* Да, кажется, уже и одумывались. Вот воззвание петроградского исполкома от 5 января 1918 года «Ко всему населению Петрограда»:

«Враги народа, контрреволюционеры и саботажники распространяют слухи о том, что в день 5 января революционные рабочие (?) и солдаты расстреливали мирные демонстрации рабочих.

Делается это с одной целью: посеять смуту и тревогу в рядах трудовых масс, вызвать их на эксцессы и под шум произвести те покушения на вождей революции, которыми они давно грозятся.

Уже установлено, что имели место провокационные выстрелы в рабочих, солдат и матросов, охранявших порядок в столице.

Исполнительным Комитетом Петроградского Совета Рабочих и

Действительно, вдруг одумаются да соединятся с крестьянами, как они соединены в фиктивной формуле о рабоче-крестьянской власти? Совсем нелишне было бы озлобить их друг против друга, столкнуть и разобщить. Инспирированный голод и крестовый поход за хлебом мог бы решить и эту проблему.

«Нужен крестовый поход рабочих (выделено нами. — В. С.) против дезорганизаторов и против укрывателей хлеба».

Значит, регулярной армии уже мало? Наряду с армией были брошены продотряды, составленные из рабочих Москвы и Петрограда. Не в том могло быть дело, что одной армии мало, а в том, чтобы вот именно столкнуть рабочих и крестьян. Это более вероятно. Надо представить себе все это, как приходят к рабочим агитаторы в кожаных куртках и внушают им, что голодают рабочие (и их семьи, детишки) исключительно по вине крестьян, прячущих хлеб. Какой ненавистью разгораются сердца рабочих. С какой яростью идут они в продотряды, чтобы насильно отнимать хлеб (а там тоже детишки), и какую ненависть со стороны крестьян вызывали эти насильственные действия.

«Каждая фабрика дает по одному человеку на каждые двадцать пять рабочих: запись изъявивших желание поступить в продовольственную армию производится фабрично-заводским комитетом, который составляет поименный список мобилизованных в двух экземплярах... Реквизиция хлеба у кулаков — не грабеж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими (?) массами, борющимися за социализм».

«Сознательным отрядам СНК будет оказывать самую широкую помощь как деньгами, так и оружием».

Солдатских Депутатов предпринято самое строгое расследование событий 5 января. Все виновные в пролитии крови рабочих и солдат, где таковые имеются, будут привлечены к ответственности».

Значит, были, были такие события.

Более четкие сведения находим у А. Солженицына.

«Расстреливали из пулеметов рабочие толпы на заводских дворах, которые требовали выбора независимых фабрично-заводских комитетов. Я напому — это был март восемнадцатого года. Сейчас уже редко кто может восстановить в памяти: и подавление Петроградской забастовки рабочих в 1921 году и Колпинский расстрел двадцать первого года».

Измученные испирированным голодом и науськаные на мужиков, рабочие действовали с озверением, вызывающим встречное озверение. Не отставали и проинструктированные соответствующим образом отряды красноармейцев, преимущественно латышских стрелков.

«Мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр. И этот хлеб нужно взять. Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями (?), но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства».

Это отряды-то красноармейцев? Регулярные воинские части с комиссарами во главе? По-видимому, на пьянство надо было свалить те дикие зверства, которые совершали протряды тогда в деревне. Дальше, не отказываясь от этого зверства и так и называя его своим именем, Владимир Ильич пытается оправдать его в глазах общественного мнения.

«В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила людей в окопы и заставила их, озверев, избивать друг друга. Озверение это наблюдается во всех странах (?). Пройдут годы, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ» (с. 428).

Но жутью на меня повеяло даже не от этих слов об очевидных зверствах, которые нельзя было не признать даже вождю, а от одного ленинского пунктика из «Тезисов по текущему моменту». Это пунктик одиннадцатый.

«В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе частые, возвращать, то есть сменять «заболевшие» отряды через месяц на место, откуда они будут направлены для отчета и «лечения».

Понимаете ли вы, мой читатель, о каком заболевании и о каком лечении тут идет речь?

А речь тут идет о том, что не каждое русское сердце могло все же выдержать, глядя на бесчинства и кровавые зверства, которые прокатились тогда по деревням всей России. Видимо, некоторые люди в протрядах проникались сочувствием к ограбленным и об-

рекаемым на голод крестьянам. Отряды, в которых заводились такие люди, и считались «заболевшими». И отправлялись, откуда были посланы, «для отчета и лечения». Нетрудно догадаться о методах лечения и о лекарствах, которые их ждали.

Теперь остается сказать главное о продовольственной диктатуре, а именно сказать о том, на кого она распространялась. Владимир Ильич все время апеллирует понятиями «кулаки», «деревенская буржуазия», но в одном месте он все же проговорился и таким образом поставил все точки над «і». Речь пойдет о русском крестьянине, которому никто никогда не отказывал ни в уме, ни в смекалке, ни в живости характера, ни в чувстве собственного достоинства. Это о нем говорил аристократ Пушкин: «Посмотрите на русских крестьян, разве они похожи на рабов?» Это о русской крестьянке говорит Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях... Посмотрит — рублем подарит... Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Какие же слова нашел о русском крестьянине великий вождь всех трудящихся? Нам важно сейчас и это, но главным образом то, что Владимир Ильич откровенно, наконец-то, единственный раз проговорился, против кого была направлена диктатура. Никаких кулаков, никакой деревенской буржуазии, все четко и ясно названо своим именем.

«Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству. Это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина (а кто это решает? — В. С.), не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен для посева, — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен.

Откуда взять крестьянину сознание, которого сотни лет отупляли, которого грабили (но так еще никогда! — В. С.), заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта (а вот теперь решили накормить! — В. С.), — откуда ему взять сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может взяться у десятков миллионов людей (не в кулаках, значит, дело! — В. С.), которых до сих пор пи-

тало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом (да все же не бросало против него регулярных продовольственных армий! — В. С.), откуда взять понятие того, что такое рабоче-крестьянская власть! (да уж! — В. С.), что хлеб, который является избыточным (и который во всем мире продается. — В. С.) и не перешедшим в руки государства, если он остается в руках владельца, так тот, кто его удерживает, — разбойник, эксплуататор, виновник мучительного голода рабочих Питера и Москвы? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продавать хлеб, откуда ему взять это сознание?!

...Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что может быть, что если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по шесть рублей, а дороже, такой крестьянин превращается в эксплуататора, хуже разбойника».

Вот теперь все по-ленински ясно. Все крестьяне, которые трудом вырастили хлеб и хотели бы его продавать, а не отдавать бесплатно — все они разбойники. Не те разбойники, оказывается, кто с оружием в руках пришел в деревню отнимать хлеб, а те разбойники, кто не хочет его бесплатно отдать.

Но самое страшное во всей истории то, что продовольственная диктатура, как бы жестока и бесчеловечна она ни была, все же не являлась самоцелью, но являлась лишь изощренным средством к более отдаленным и более обширным целям держать в руках весь хлеб и распределять его по своему усмотрению.

«Потому что, распределяя его, мы будем господствовать над всеми областями труда» (с. 449).

Точнее и короче, чем это сказал Ленин, сказать ничего нельзя.

И вот я думаю, ради чего, ради каких конечных целей, ради каких конечных звеньев, если размотать всю цепочку, это все делалось? Большевики завоевали Россию. Сошлемся опять на Ленина.

«Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы и только теперь, по истечении более чем четырех месяцев со времени октябрьской революции приходящие к концу. В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления в России окончена в своих главных чертах. РОССИЯ ЗАВОЕВАНА БОЛЬШЕВИКАМИ».

Когда одна страна завоевывает другую, когда и Российская империя завоевывала Среднюю Азию, как там ее ни осуждай, ясна была цель, которой не скрывали и сами завоеватели. Многие манифесты (или какие там воззвания) так и начинались: «Стремясь к дальнейшему расширению пределов Российской империи...»

Итак, когда одна страна завоевывает другую и устанавливает там жестокий оккупационный режим, дабы подавить сопротивление населения и удержать эту завоеванную страну под своей властью, там преследуется хоть и неблагоприятная, но понятная цель: присоединить к метрополии завоеванную страну.

Но вот Россию завоевала группа, кучка людей. Это люди тотчас ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять все и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть нескольких десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы. Всеобщий учет и контроль производимых продуктов, государственную монополию на все виды товаров и их распределение по своему усмотрению. И это было бы полбеды. Но из углубленного прочтения Ленина узнаем, что эти учет и распределение в свою очередь являются средством, а не целью. Средством к тому, чтобы осуществить всеобщую тру-

довую повинность в стране, то есть заставить людей принудительно трудиться, заставить их подчиняться воле одного человека — руководителя, диктатора, то есть средством к тому, чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм.

«Организация учета, превращение всего государственного механизма в единую крупную машину, в хозяйственную организацию, работающую так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легка на наши плечи».

Но тогда возникает вопрос — зачем? Хорошо, допустим, что у Ленина это объяснено.

«Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах и в конце концов, какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, всемирная социалистическая революция придет».

«Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран».

«А пока там на западе революция зреет, хотя она зреет теперь быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости должны делать все, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях, остаться на своем посту как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

«Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, и когда она начнется, нас не будут мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие» (с. 1).

Итак, допустим, что с недели на неделю ждали

мировую революцию и тогда надеялись триумфальным шествием пройти по всему миру, хотя это предположение говорит больше не о гениальности, а о слепоте и фанатизме. Но опять возникает вопрос — ради чего, зачем и что принести всем народам? Да то же самое: всеобщий учет, контроль за распределением продуктов. Всеобщую трудовую повинность. Подчинение миллионов (а тогда уже миллиардов бы) людей единому плану, единой воле, единому руководителю с диктаторскими полномочиями. Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самостоятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатием одной кнопки?

Допустим, что — банальная идея мирового господства, осуществленная не путем походов Юлия Цезаря, Александра Македонского или Наполеона, но путем хитрой отмычки так называемой классовой борьбы и натравливания в каждой стране одной части населения на другую. («Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой». — *Ленин*). Допустим, что банальная идея мирового господства. Но для кого? Чье господство? Желание римского императора господствовать над миром чудовищно, но понятно так же, как любой другой могущественный нации. Но здесь-то чье господство? Неужели только свое? Или своей группы? Но ведь остается пять-шесть лет жизни... Ну пусть Сталин потом господствовал тридцать лет, но все равно, неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поэзии труда и его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью. Труд есть труд. Всякий труд тяжек и связан с потом. Но все же, когда он — трудовая повинность, он тяжек стократ.

А еще удивляюсь, как им, если бы даже и с благими (как им, может, казалось) целями, как им не жалко было пускаться на распыл, а фактически убить и сожрать на перепутье к своим высоким всемирным целям такую страну, какой была Россия, и такой народ, каким был русский народ? Может быть, и можно

потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выеденных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только еще приходил в движение, только еще начинал раскрывать свои резервы, только еще расцветал. Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян. Чем больше будет проходить времени, тем больше будет сказываться на отечественной культуре зияющая брешь, эти перерубленные национальные корни, тем сильнее будет зарастать и захламляться отечественная нива чуждыми растениями, мелкотравчатой шушерой вместо поднебесных гигантов, о возможном росте и характере которых мы теперь не можем и гадать, потому что они не прорастут и не вырастут никогда, они погублены даже и не в зародышах, а в поколениях, которые бы еще только предшествовали им. Но вот не будут предшествовать, ибо убиты, расстреляны, уморены голодом, закопаны в землю.

Гены уходят в землю, и через два-три десятилетия не рождаются и не формируются новые Толстые, Мурсоргские, Пушкины, Гоголи, Тургеневы, Аксаковы, Крыловы, Тютчевы, Феты, Пироговы, Некрасовы, Бородины, Римские-Корсаковы, Гумилевы, Цветаевы, Рахманиновы, Неждановы, Вернадские, Суриковы, Третьяковы, Нахимовы, Яблочкины, Тимирязевы, Докучаевы, Поленовы, Лобачевские, Станиславские и десятки и сотни им подобных. Списки можете продолжать сами...

Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном. Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской социалистической революцией.

БЛУД НА КРОВИ

(письмо драматургу Шатрову)

Михаил Филиппович!

Двадцать четвертого июля 1990 года я у себя дома, в Иерусалиме, по первому каналу ЦТ СССР смотрела и слушала Ваше выступление в программе «Слово». Так уж получилось, что мы с Вами работаем над сходной тематикой: Октябрьская революция, советская и партийная история, Ленин. Для меня это очень существенные этапы более широких исследований, для Вас — магистральные сюжеты драматургического творчества. В 1930—1940 годах посадили и частью уничтожили большинство Ваших близких — не большинство, но многих. Я и сама успела отсидеть в ранней молодости почти четыре года. Впрочем, об основных обстоятельствах моей жизни, о моих профессиональных интересах и взглядах Вы можете при желании узнать из моих книг и статей, поскольку Вы бываете за границей. Письмо свое делаю открытым потому, что обращаюсь не только к Вам, но и к Вашей аудитории. Правда, без особой надежды быть услышанной, но мне, к сожалению, к этому не привыкать.

Больше всего в том, что я увидела и услышала 24 июля 1990 года, меня заинтересовало следующее: каково Ваше личное, истинное отношение к Ленину?

Преобладающая часть зрителей вряд ли в полном объеме читала его труды. Невозможно ожидать от непрофессионалов изучения этих поистине несметных томов. Последнее относится и к высокообразованным в своей области интересам людям. Как Ленин и все с ним связанное ни судьбоносны для сотен миллионов людей, по-настоящему его знают немногие. Любой нравственно здоровый человек, прочитай он Ленина от корки до корки, со всеми этими бесчисленными «конфискуя все имущество восставших кулаков и весь их хлеб», «конфисковать весь хлеб», «расстреливать на месте беспощадно за каждую сокрытую винтовку»,

«расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» (Ленин, ПСС, т. 50, с. 143—144; 324; 165), — тотчас же перестал бы думать, что страшной Лигачева зверя нет. Но многие, очень многие, независимо от их профессионального и общекультурного уровня и нравственных принципов, относятся к Ленину апологетически. И это легко объяснимо: невозможно знать обо всем все. Мнение нередко возникает случайно, вне связи со знанием.

Ну, а Вы? В каком действительном отношении к печатному наследию Ленина, его учителей, соратников, оппонентов, преемников находитесь Вы — профессионал в большевистской теме? Не читали, но беретесь ставить диагнозы, делать выводы и заводить «малых сих» еще глубже в тупик? Читали, но ничего не поняли? Или читали, поняли, но сознательно и подсознательно лжете?

На мой взгляд, оправданием тому, что Вы пишете и говорите о Ленине, мог бы служить только второй вариант: читали, но ничего не поняли (чего Бог не дал, в аптеке не купишь). Но этот ответ, к сожалению, наименее вероятен: то, как Вы обходили в своем выступлении рискованные моменты, как вырывали из контекста и интонировали ленинские слова, какой придавали им подтекст и смысл, не позволяет надеяться, что Вы избыточно простодушны. К примеру: обстоятельная полемика с иными, чем Ваша, трактовками Ленина не входила в план Вашего выступления.

Но из зала спросили о книге Солоухина «Читая Ленина», и Вы сумели в двух-трех предложениях показать, что ее не следует принимать всерьез. Между тем отмахиваться от этой книги не стоит. Да, Солоухин был (как обстоит дело сегодня — не знаю) преуспевающим членом КПСС, в дни своей молодости он стоял на часах у дверей кремлевского кабинета Сталина; всегда много печатался; если и фрондировал, то достаточно безопасно; совершал конъюнктурные поступки, в которых не каялся; всерьез в «первоисточники» не входил и Ленина до седьмого десятка лет своих по-настоящему не читал. Сдавал на всяческих экзаменах и семинарах бездумно, как почти вся советская интеллигенция. И вдруг случайно удосужился прочитать один том (не из самых страшных) для себя. И ужас-

нул. И не промолчал, а изложил все, что понял и прочувствовал, с предельной четкостью и в книге, и в выступлениях. У меня с Солоухиным решительное и непримиримое расхождение: отринув поветрие марксистско-ленинское, он впал в одно из соблазнительных и агрессивных поветрий националистических. Прямо о жидо-масонской версии большевизма он, насколько я знаю, не пишет, но весьма выразительно клонится к ней в ряде высказываний.

Я же вижу истоки драмы в идеологии всех социалистических утопий, включая марксистскую, а не в чьей бы то ни было национальной агрессии. Но ежели Солоухин сумел непредвзято, без уловок и подтасовок, прочитать некий цикл работ Ленина и не промолчал о своих истинных впечатлениях, то, может быть, он осмыслит и грозную опасность всех национально-ксенофобических пережестов? Ведь осмысливать весь мир и себя никогда не поздно, лишь бы честно. Вспомните евангельского разбойника на Голгофе. Солоухин прочел всего один том, но увидел в нем Ленина правильно. Вы же, не споря с ним по существу его мыслей — якобы именно потому, что он не прочел всех пятидесяти пяти томов, — ставите очередной заслон между вашей аудиторией и настоящим, а не мифическим Лениным. Такая тактика о простодушии не свидетельствует.

Вы коснулись еще одного имени — Солженицына (как и в случае с Солоухиным, по воле слушателей, а не своей). И, произнеся Солженицыну панегирик за то, что он первым отринул «сталинщину», посетовали на одно принципиальное Ваше с ним расхождение: Вы коммунист — он антикоммунист.

Вы не сказали, почему и в чем Вы коммунист, что Вы видите за словом «коммунизм», какими аргументами и средствами готовы отстаивать — ЧТО? Некий общественный строй? Некое мировоззрение? Некий этический идеал? Идеологический комплекс? В чем состоят эти «некое» и «некий»? И уж вовсе немислимым было бы для Вас привести антикоммунистическую аргументацию Солженицына, чтобы ее разбить. Между тем Солженицын не был первым в неприятии ни «сталинщины» (для него не существует такого понятия), ни марксизма-ленинизма и социализма как таковых. Он был и остается наиболее мощно талантлив

вым, наиболее масштабно мыслящим и наиболее широко услышанным из неприемлющих. И поскольку он, как бесчисленно многие, в юности и молодости был (по фразеологической инерции эпохи) человеком советским, то ему пришлось, отвратясь ст советской реальности, проделать поистине титанический труд. Чтобы судить ответственно, он посвятил годы изучению первоисточников своего юношеского миропонимания (уж он-то подменой знания мнением не грешит). А затем он занялся неподъемным для слабых умов и характеров трудом по выработке и обоснованию своего зрелого миропонимания (он и сегодня его вершит). Весь процесс этих публицистических и художественных исследований Солженицын открывал и открывает читателям, следуя логике своей внутренней жизни, своей духовной работы, при мало-мальски физической возможности это сделать. Если его и сдерживала внешняя опасность, то опасность не завершить или угробить работу, а не себя.

Вы говорили очень проникновенно, что всю свою жизнь вынуждены срывать со своего рта глушащую Ваш голос чужую руку и будете так поступать всегда. Но держать написанное двадцать — двадцать пять лет в столе или воевать за него с «инстанциями» (за самое главное в самые трудные времена ведь и не повоюешь: запрут, а то и убьют) — это не значит срывать со рта глушащую крик руку. Срывать — это значит выходить в Самиздат с его риском даже для псевдонимов и смехотворными тиражами. Это значит печататься за границей, надеясь, что даже в случае «разоблачения» и кары написанное сперва просочится, а потом и вернется на Родину. Это значит к тому же еще и понимать, что российско-советский опыт бесценен для человечества и что если сегодня физически невозможно говорить со своими соотечественниками, то надо пытаться говорить с остальным миром.

Ваша же героическая поза бескомпромиссного борца с цензурой чем-то напоминает «смелого старика» — персонажа одной из замечательных пьес Евгения Шварца. Помните, как бесстрашно и нелицеприятно, прямо в глаза «смелый старик» восхвалял тирана? «Он режет правду-матку, и режет без ножа», как сказано, кажется, о Фирсове одним из советских пародистов (кем — не могу припомнить). Вы хоть единожды

посягнули на святая святых Системы: на фундаментальные догмы идеологии, на советскую версию российской и советской истории, на партию, на Ленина? Вы апологет, а не оппонент — всего-навсего более монархист, чем король. Глупых королей это раздражает, вот они чинят Вам кое-какие препятствия.

Вам из зала подали весьма показательную записку: попросили объяснить, почему одни «цитаты Ленина» противоречат другим его «цитатам».

В ответ на этот наивный вопрос Вы принялись с интонацией доверительной, раздумчивой искренности громоздить ложь на ложь. Вы сказали, что комментаторы якобы противоречащих друг другу цитат не учитывают хронологии высказываний Ленина, а следовательно, их историко-политической обусловленности; что они, эти поверхностные комментаторы, не отличают вынужденно жесткого курса Ленина времен гражданской войны от ленинского органического демократизма и либерализма времен нэпа. Я не могу процитировать Вас дословно, но за смысл Вашего ответа ручаюсь. Поэтому позволю себе напомнить Вам несколько ленинских документов и указать Вашим слушателям, где их найти. А там, глядишь, и заинтересуются, и прочтут побольше. Итак, несколько характерных примеров.

1. Письмо народному комиссару юстиции Курскому с требованием беспредельной расширительности и максимальной расплывчатости формулировок уничтожительной статьи 50-10-11 УК РСФСР, с одиозными образцами желательных для Ленина формулировок, фактически позволяющих осудить кого угодно за что угодно. В этом же письме — и предложение ввести дополнительно в добрый десяток статей УК смертную казнь (Ленин, ПСС, т. 45, с. 189—191).

2. Секретное письмо Уншлихту (с просьбой показать его Сталину) об ужесточении деятельности революционных трибуналов («ревтрибов»), об увеличении «быстроты» и «силы» (подчн. Лениным) репрессий. В письме весьма характерная для Ленина фраза: «Гласность ревтрибуналов — не всегда» (там же, т. 54, с. 144).

3. Письмо Каменеву, где сказано: «...величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы

еще вернемся к террору и к террору экономическому» (там же, т. 44, с. 428).

4. Свирепое письмо Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики», где расширяются требования жесточайшего, включая расстрел, террора за убыточность, за ложь в отчетности — против руководителей трестов, государственных и смешанных» (там же, т. 44, с. 396—400).

5. Смертоносное, циничное сверхсекретное письмо (с анонимной цитатой из Макиавелли) Молотову и всем членам Политбюро об изъятии под предлогом — именно под предлогом — помощи голодающим церковных ценностей, об истреблении священства и активных верующих-мирян «с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Письмо это было издано по-русски на Западе трижды, последний раз — в 1989 году, и лишь недавно опубликовано и признано подлинным в СССР (в архиве имеет шифр ЦПА ИМЭЛ, ф. 2 единицы хранения 22354. На письмо есть ссылка в ПСС, т. 45, с. 666—667, 19 марта 1922 г.).

Все это и еще многое такого же рода написано и приведено в исполнение «либеральным» Лениным 1922 года, а не во времена жестокого «военного коммунизма».

Ленин прекрасно знал, что с позиций демонстративно им отвергаемой «вечной», «надклассовой» нравственности (Ленин, ПСС, т. 41, с. 298—318) он выглядит монстром. Поэтому карательные его директивы обычно бывали строго секретными и опубликованы лишь посмертно. Так, одно из наиболее террористических и аморальных писем 1922 года он кончает следующей припиской: «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть кто хочет, выступает за своей подписью, не упоминая меня, и побольше конкретных данных!» (Там же, т. 44, с. 399—400).

Право же, иногда чудится, что составители Собраний сочинений Ленина, всех пяти, втайне более всего заботились о его разоблачении перед потомками.

Вы, надеюсь, помните, что в письме об изъятии церковных ценностей Ленин просит исполнителей поспешить, потому что «после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного

духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны». Ложные опасения: западных симпатизантов большевизму «реакционной» кровью не прошибешь.

Так кто же передергивает и лжет в цитатной дуэли: хулители Владимира Ильича или защитники? Уже одного Вашего деления ленинского наследия на авторитарный и демократический периоды достаточно, чтобы потерять к Вам доверие. Но Вы ведь и не обращаетесь к специалистам. Вы, повторяю, сбиваете с толку «малых сих». А потому — продолжим.

Говоря о гражданской войне, Вы свели ее к противоборству «красных» и «белых», поддержанных интервентами, и уравнили обе стороны в жестокости: на войне как на войне. Сославшись на реплику перешедшего к большевикам ген. Брусилова, Вы сказали, что большевики сражались за целостность России, чем привлекли и часть царского офицерства, а «белые» готовились расплатиться с интервентами за военную помощь отечественными территориями. Вслед за этим Вы заверили свою аудиторию, что Ленин и не мыслил о сохранении целостности бывшей империи иначе, как методами чисто экономическими и добровольными. Вы упомянули в связи с этим позицию Ленина в финском вопросе. Все это снова ложь и тенденциозная подтасовка фактов.

Так называемая интервенция была половинчатой, кратковременной, малочисленной, и никто из интервентов, кроме разве что японцев на Дальнем Востоке, не претендовал на российские земли. Союзные прежней России державы Запада лишь весьма нерешительно, против воли своих же солдат, утомленных войной, попытались помочь антибольшевистским силам.

«Красные» же сражались не только против, условно говоря, «белых» и демократов-февралистов разного толка, но и против все более масштабных и непримиримых рабочих, крестьянских и матросского восстаний. И дольше всего — против национально-освободительных движений в нерусских регионах бывшей империи, пуская в ход все средства, чтобы эти движения одолеть, — Ленин отступал только перед неизбежным поражением, перед заведомой непосильностью задачи, а при первой же возможности опять наступал, оккупируя только что созданные независимые государства

(Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, Бухара и пр.), несмотря на то что имел с многими из них договоры о признании их самостоятельности. Отказы от Польши, стран Прибалтики, Финляндии, Бессарабии были для Ленина, одержимого идеей мировой социалистической революции, сугубо вынужденными и, как он надеялся, тоже временными (реализовал эти его надежды Сталин, которому не повезло лишь с Финляндией).

Одним из крупнейших отступлений Ленина был Брестский мир. Тогда он с превеликим трудом и искусством добился от большевистской верхушки согласия на огромные территориальные уступки немцам и их союзникам-туркам, чтобы спасти для большевиков самое необходимое жизненное пространство и возможность сражаться с противниками по гражданской войне.

А пораженческая пропаганда 1917 года, которую Ленин вел на немецкие деньги? Это же документально доказанный мировой исторической наукой факт!

«Интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» (Ленин. Соч., изд. III, т. 23, с. 14. Более развернуто: ПСС, т. 35, с. 352) — такова категорическая установка Ленина, и он никогда ей не изменял. Вряд ли имеет смысл именовать эту исконную марксистско-ленинскую установку «доктриной Брежнева». В зависимости от интересов социализма, то есть от выживательных интересов диктатуры партии, Ленин или манипулировал «уважением» к национальному суверенитету, или пренебрегал им в подходящей для данного момента тактической пропорции и фразеологии, не отличаясь в этом ни от кого из своих преемников.

В ответах на вопросы из зала Вы допустили еще одну фальсификацию: Вы представили Ленина решительным сторонником внутрипартийной демократии, в частности, выборов на партийные съезды и голосования на них по «платформам». Как всякий умелый фальсификатор, Вы оставляете в бочке лжи чайную ложку правды. Но зачем? Широкая аудитория не станет пересчитывать многостраничную стенограмму X съезда РКП(б), и Вас до поры до времени во лжи не уличат. Но к этой аудитории все больший доступ получают

честные художники, ученые и публицисты, а им, как и Вам, эта стенограмма известна. Вы просто не можете не знать, что именно на X съезде РКП(б), по настоятельной инициативе Ленина, при упорном сопротивлении самых активных делегатов, была принята резолюция «О единстве партии», написанная Лениным. Она решительно запрещала всякую фракционную деятельность в РКП(б) и в этом вопросе соответствовала Уставу Марковского Союза коммунистов середины прошлого века.

Вы, вероятно, помните, как хитроумный и вероломный Карл Радек, голосуя за ленинскую резолюцию, предсказал, что она же всех голосующих за нее и погубит. А о «голосовании по платформам» Ленин обмолвился лишь в том смысле, что если единства добиться уж никак не удастся, то, возможно, когда-нибудь и придется голосовать «по платформам». А на XI съезде РКП(б) (1922 г.) он уже грозил «за оказательство меньшевизма» — «стенкой», раскольникам же внутри партии, полусушутя, — пулеметом (см. по стенограмме XI съезда РКП(б) полемику между Лениным и главой «рабочей оппозиции» Шляпниковым). И, болея, пока еще не отказывало мышление, больше всего боялся раскола старобольшевицкой гвардии.

Ленин не был склонен к запечатленной на бумаге интимности, к душевным излияниям, к фиксированию какой бы то ни было своей рефлексии. Вы говорите о трагизме его судьбы. Но судьба могла быть субъективно трагичной лишь в одном случае: если он на самом деле хотел добра людям и если он понял, что изначально служил злокачественной идее, в добре — утопической, во зле — чудовищно мощной. В наследии Ленина нет и следа подобного понимания. Самое большее, до чего он дошел, — это сомнение в неких конкретных путях и приемах построения социализма. И, конечно же, им владела горечь бессилия, горечь от подлого отступничества соратников, которым он стал не нужен. Но ведь и у Вас нет и намека на понимание трагической тупиковости всей доктрины (понимания не Лениным — Вами).

Разве Сталин (как Вы утверждаете, в этом и усматривая трагедию Ленина) явился неким абсолютным отрицанием освободительной Октябрьской революции и великого гуманиста Ленина? Это Ленин, бесчеловечными средствами пытаясь осуществить неосуществимое,

раскрепостил в себе Сталина и создал Систему, которую иначе, как сталинской «технологией власти» (термин А. Авторханова) утвердить на десятилетия не смог бы никто.

Здесь мне придется сделать отступление и обобщить некое весьма характерное для нынешнего СССР явление. В стране появилось множество разнообразных, но чем-то друг с другом сходных охотников беседовать с широкой аудиторией. К так называемой «митинговой демократии» они, как и Вы, никакого отношения не имеют. Все это, казалось бы, вполне пристойные люди, с современной или почти современной фразеологией, ни в коем случае не ретрограды, даже скорее обличители, но — чего? Чьи?

Вот буквально на днях стоял на останкинской сцене генерал-полковник — историк и писатель, определивший свою позицию так: «слева от центра». Он не только разоблачал Сталина, но и представил Троцкого, о котором пишет книгу, не Сатаной, а вторым после Ленина большевиком в партии, пламенным, хоть и беспощадно жестоким революционным идеалистом. Да и Ленина объявил не «человекобогом», а всего только величайшим революционером, со своими ошибками и заблуждениями, которыми он мучился (трагическая фигура, как и у Вас). В российской монархии XIX века генерал не нашел ничего общего с тоталитаризмом и назвал ее полулиберальной, к тому же развивавшейся весьма прогрессивно. И так прямо и рубанул, что, будь он в марте 1917 года царским офицером, ни за что не изменил бы присяге. Солженицын, правда, писал, что это братья Романовы изменили верному присяге офицерству, без борьбы отрекшись от престола (Николай — еще и за сына).

В общем, много всякого было сказано, больше, чем Вами, для генералов советских — неординарного. И записки из зала летели доверчиво, как белые голуби, а несколько оголтелых ретроградов задавали свои вопросы весьма осуждающе. И все-таки то и дело в ответах благодушного генерала возникали до боли знакомые нотки. И марксизм в «сталинщине» нисколько не виноват: марксизм вообще не политическая программа, а научно-философская доктрина, не ответственная за своих практических интерпретаторов (неужели ученый-генерал, автор почти тридцати книг, не читал даже

«Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, не говоря уже об уставах Союза коммунистов 1847—1850 годов?). И Ленин был, по мнению генерала, социал-демократом (кто же тогда расколол надвое РСДРП, а после большевистского переворота постепенно либо истребил, либо выгнал из страны, либо загнал в подполье и в тюрьмы социалистов? Кто начал это истребление, которое завершил Сталин?). И Октябрьская революция не ошибка. И многие социальные завоевания эти семьдесят три года дали (кому и какие, правда, так и не было сказано). И у социализма «средние века» почти позади, а «ренессанс» еще впереди» (значит, все тот же «социалистический выбор»?) И Солженицын хоть и великий русский писатель, но политически крайне наивен; ни социализм, ни капитализм ему не нравятся — все за крестьянскую общину ратует (а куда же девалась приверженность Солженицына к буржуазным реформам Столыпина?). И на Западе генералу попадают сплошь советологи-социалисты. Других, с их доводами, он не цитирует. Ну и так далее. И сперва обрадовавшись генералу-демократу, ты постепенно начинаешь видеть все более четко, что стоит этот прогрессист всего-навсего несколько «слева от центра» КПСС, так сказать, по левую руку генсека!

Справедливости ради заметим, что и на советском печатном поле таких выступлений появляются целые рои. Классический пример — «Зубр» Даниила Гранина. Правда, Гранин, судя по тому, какую он сыграл роль в недавней ленинградской операции с обществом «Милосердие» (см. отчаянное письмо бывшей его помощницы по этому обществу Н. Дьяченко в «Новом Русском Слове» от 15 июня 1990 года, Нью-Йорк), стал, по-видимому, человеком окончательно нерукопожатным. А я обращаюсь к тем, кто так манипулировать собой, как Гранин, скорее всего не разрешит.

Господа! Генералы и штатские, а также и генералы в штатском! Нельзя же так! Все это уже стоило слишком много крови. Не наращивайте неразбериху в умах людей. Диктатура, террор, тоталитаризм при попытках осуществления социализма, то есть научно-планового управления экономикой при уничтожении частной собственности и конкурентного рынка, — это не случайность и не извращение сути самого мирного социалистического учения, не говоря уже об изначально агрес-

сивном марксизме, а сама его суть. Хорошо управлять национализированным хозяйством нельзя, а управлять обществом плохо без тотального насилия невозможно. Но и самое страшное насилие исчерпаемо. Ужас, однако, в том, что если терпеть насилие слишком долго, то его резервы исчерпываются вместе с резервами общества и природы. Поэтому перестаньте же наконец блудсловить!

«Действительно жить — это значит жить, располагая правильной информацией», — сказал Норберт Винер. Превращая правду и ложь в каких-то сиамских близнецов-оборотней, Вы лишаете общество в самые критические его минуты возможности жить действительно.

Вам был задан вопрос и о том, как Вы относитесь к убийству царской семьи. Разумеется, сегодня разве что прокурор Шеховцов осмелился бы публично повторить Владимира Маяковского: «Корону можно у нас получить. Но только вместе с шахтой!». Вы же после глубокомысленной паузы настоятельно попросили понять Вас правильно. Попробую это сделать. Вы несколько раз подчеркнули, что не оправдываете случившегося. Вы отказались оправдать бессудное убийство не только царя и его семьи, но и четы Чаушеску. Вы все время нажимали на определение «бессудное» — так, что само убийство как-то за этим нажимом размывалось, становилось нечетким негативом.

И тут же Вы несколько раз повторили, что, ни в коем случае не оправдывая бессудных убийств, не можете не понять народного гнева и негодования, вызвавших эти убийства. В состоянии коллективного революционного аффекта, так, видимо, следует Вас понимать? Романовых и чету Чаушеску растерзала, по Вашему, народная толпа, как в 1789 году прикончили коменданта почти пустой Бастилии де-Лоне парижане, охмелевшие в разгуле бунта?

Так передергивать крапленные кровью карты не к лицу корифею изящной словесности, даже советской. Тем более в эпоху «гласности». Прежде всего, постыдно уравнивать в каком бы то ни было контексте Чаушеску и семью Романовых. Далее, супругов Чаушеску расчетливо и хладнокровно убили их однопартийцы и сопреступники. Прикончили руками солдат, разыграв перед этим почти на бегу бесстыдное и безгра-

мотное судилище, чтобы обезопасить себя и свою партийную банду от разоблачения на настоящем суде. Подозреваю, что при этом облегченно вздохнули и Ваши партийные руководители, вплоть до генсека, и лидеры Запада, которые незадолго до этого принимали уголовника Чаушеску с большим пиететом.

Расправа же над царской семьей учинена была местными большевистскими руководителями тайно, по приказу из Центра, причем директива Свердлова, вне всяких сомнений, имела предварительную санкцию Ленина. Ни народного гнева, ни возмездия не было и в помине, а был ледяной расчет: лишить монархистов знамени, и династию — главы и наследника. Убили вообще всех Романовых, до кого смогли дотянуться.

Троцкий в своих дневниках упоминает и о том, кто решал (Ленин, Свердлов), и о том, из каких побуждений («Московские новости» от 22 июля 1990 г., с. 16). Он возвращался к этому событию в своих дневниках несколько раз и в конечном счете вину возложил на «династический принцип», сделавший и детей опасными для революции. Кроме того, Троцкий утверждал, что в решении Ленина отразилось исключительное умение последнего чувствовать настроение народных масс, жаждавших, так надо понимать, расправы над царской семьей. В тех же дневниках, в другом месте, есть не попавшее в «Московские новости» пикантное признание: расправа над царской семьей вязала, по мнению Троцкого, всех участников революции одной цепью, так что дороги назад уже не оставалось.

Решив отнять у «реакции» знамя, тогдашние вершители судеб российских, а в своих мечтаниях и мировых, не учли, что знаменами со временем становятся и убитые, а мученичество привлекает под эти знамена и прежних противников. Вам это тоже, по-видимому, непонятно, иначе Вы бы не эксплуатировали публично большевистской версии о цареубийстве как о возмездии и о свершении народного гнева. Многим ли это честней, чем эксплуатации черносотенцами жидо-массонской версии большевизма и цареубийства?

История России XX века глубоко трагична. Но, чтобы быть, имея несомненное дарование, драматургом и не драмателем от партийной фронды, надо прежде всего не лгать. Вы же, как показало Ваше выступление, искажаете даже то, что Вам, несомненно, из-

вестно (отношение Ленина к единству партии, его «либерализм» в годы нэпа и пр.). А потом остаетесь все-го-навсего лицемерным соавтором партийного макета российско-советской истории.

Владимир Еременко

МЕССИЯ

СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ люди в нашей стране рождались, жили и умирали под лукавым прищуром вождя мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина. Его пристальный взор каждый ощущает на себе сотни и тысячи раз на дню. Где бы мы ни были — всюду присутствует его изображение. Значки, открытки, газетные и журнальные фотографии, портреты в театрах, дворцах культуры, клубах, начальственных кабинетах, цехах, красных уголках, полевых станах, квартирах, школах, учебных аудиториях и детских садах; в тех же помещениях — бюсты и статуэтки, статуи и барельефы, головы в профиль и анфас. На улицах многометровые портреты и многотонные памятники. Да еще про запас, на случай народного ликования, праздничных манифестаций, в темных чуланах учреждений — бесчисленное количество изображений, насаженных на древки, в ангарах — фигуры, выполненные из облегченного материала и водруженные на самоходные платформы. Ежели вдруг случайно перед глазами не окажется привычного силуэта, то в сознании и подсознании твердо закреплено, что мы — ленинградцы, ульяновцы, ильичевцы, жители улиц, проспектов, площадей и районов Ленина, Ульянова, Ильича, колхозов, совхозов и просто населенных пунктов с тем же названием. Если случилось, что место нашего жительства осталось не осененным его именем, то все равно нам не миновать высокого покровительства. С первых шагов в школе мы официально получаем статус внучат Ленина — в октябрята принимают всех без исключения, далее нам опять практически всем гарантировано место в пионерской организации имени Ленина, затем идет Ленинский комсомол, куда принимают не

всех, но многих, и наконец КПСС — ленинская гвардия, отбирающая в свои ряды только сознательных; некоторые могут даже и отказаться от предложенной им чести, но вставших в ленинский строй все равно многие миллионы. Остались ли еще не охваченные именем Ленина? Возможно, где-то в глухой тайге или высокогорном ауле на Памире редкое дитя природы сохранило отрешенность от этого имени. Но и над ним, как над всей страной, возвышается пик Ленина, а живительную воду, которую он пьет, источает ледник все того же имени. Нет сомнений, что кто-то сознательно противился влиянию образа великого вождя, но и он, голубчик, невзирая на все внутренние протесты, должен был каждый день спускаться в метрополитен его имени, просиживать в одноименных библиотеках, работать на станках имени его, жевать хлеб и пить молоко, изготовленное на заводах имени его же. Нет такой сферы жизнедеятельности в нашей стране, где нас не поджидала бы встреча с именем или образом Владимира Ильича.

За семь десятилетий мы развенчали и облили грязью всех руководителей Советского государства. Взяв курс в семнадцатом году на ломку традиций, мы сразу перевернули с ног на голову извечное правило приличия — о покойниках плохо не говорят. В своих новациях официальное судилище не знало компромиссов. Живым вождям — только фимиам, мертвым — проклятия. Народ с удовольствием участвовал в этой игре. Его можно понять. Почему бы не облегчить душу, не излить досаду на постылую жизнь. Пусть без пользы, но зато и без опаски, что посадят. Можно во всех бедах обвинить одного, а можно и скопом — от Сталина до Черненко, короче, включая того, кто уже умер на момент потребности в душевной разрядке. Нельзя беспокоить только светлую память о Ленине.

Нельзя беспокоить и сегодня. Об этом в августе сего года попытался напомнить народу Секретариат ЦК КПСС. Но ниспровергатели не останавливаются. Надписи, поносящие имя основателя нашего государства, появляются на Камчатке и Закавказье, в северных и южных пределах нашего государства. В бывших социалистических странах с поклонением памяти Ленина тоже неблагополучно. По всем пределам, где господ-

ствовали доселе ленинские идеи, мы кто с горечью и болью, кто со злорадством или торжеством, а кто равнодушно наблюдаем, как стихийно или с соблюдением законности убираются с площадей памятники вождю мирового пролетариата, улицам и проспектам его имени возвращаются старые названия.

ЗОДЧИЙ НОВОЙ ЭПОХИ

Почему мы сравнительно легко и в короткий срок делали «поворот все вдруг», как говорят на флоте, в отношении любого из наших почивших лидеров и миновала чаша сия лишь основоположника нашего государства? Почему только сейчас авторитет его, как мессии XX века, начинают подвергать сомнению? Причин тут может быть по крайней мере две.

Первая — потому что основоположник. Кто из властей предержавших будет ломать фундамент, на котором стоит его кресло? Отсюда и правило. Цезарь-основатель вне подозрений, цезарь на престоле — продолжатель его дела. Все цезари между ними — козлы отпущения, клапаны для выхода эмоций обманутого народа. Эти промежуточные цезари, естественно, извратители ленинских идей и нравственные перерожденцы. Поблажек не допускается.

Основоположников не трогали и в братских социалистических странах. Краеугольными камнями государственного фундамента становились Г. Димитров, В. Пик, Хо Ши Мин, Сухэ-Батор, Че Гевара, Тито и другие пионеры новой эры. В тех странах, где идеалы социализма начинают меркнуть и где власть уже не в силах удержать сограждан от крамолы, лики этих революционеров начинают мазать черной краской, памятники — демонтировать, а останки под благовидными предложениями выносить из мавзолеев. Там же, где власть еще в силе, — все маяки светлого будущего на своих местах, но надо быть слепым, чтобы не увидеть: и там нарыв зреет и вот-вот прорвется. Процесс начался, захватил весь социалистический мир. Им можно управлять, контролировать, задержать на время, но остановить, а тем более повернуть вспять никому не под силу.

В суде есть правило: незнание закона не освобождает от ответственности. Но в данном случае это пра-

вило неприменимо. И рядовые коммунисты, и беспартийные в нашей стране знали законы нравственности, но от них умело скрывалась правда. Черное выдавалось за белое. Поэтому с такой болью переживают мои современники каждую публикацию, открывающую все новые и новые круги ада нашей истории. Поэтому мне, автору этой статьи, члену партии, так мучительно трудно произносить вслух, казалось бы, очевидные вещи и соединять в единую картину разбросанные по страницам печати факты.

Наивно было бы думать, что в сохранении незапятнанного образа вождя заинтересованы только власти предрержащие. Все мы прекрасно понимаем, что уход от ленинского курса означает почти что полное признание бессмысленности семидесятилетнего пути к коммунистическим вершинам, миллионов жертв и неизмеримого моря народных страданий. И может быть, самое страшное, что нас ждет с бесславным завершением дела Ленина,— прощание с мечтой о всеобщем рае на земле, что пусть уж не мы, но наши дети или хоть внуки попадут на праздник всеобщего равенства и благоденствия.

Когда пожилая, изможденная непосильным трудом и неустроенным бытом женщина в исступленном отчаянии кричит в микрофон: «Вы отнимаете у нас последнюю святыню — Ленина!» — я твердо знаю, что у нее отнимают мечту — последнюю надежду хоть одним глазком заглянуть в светлое будущее, удостовериться, что жизнь ее загублена не напрасно.

Формула «Ленин — основатель нашего государства» для советского человека все семьдесят лет означала, что от Ленина пошло современное летосчисление. Он отделил свет от тьмы. Но ведь даже не надо вдумываться в эту формулу, достаточно стряхнуть легкий туман всеобщего гипноза, чтобы заметить: формула гораздо конкретнее. В. И. Ленин создал первое в мире социалистическое государство — Союз Советских Социалистических Республик. Сегодня все эти слова, составляющие название государства, подвергаются критике, сомнению в своей правомочности. Союз уже не тот, Советы — еще не те (впрочем, «теми» они никогда и не были). Социализма — одни партии говорят, что еще не было, другие — что уже не будет. Остаются республики, но им вольно называться и по-другому:

Россия, Армения, Грузия и т. д., как, допустим, Франция, Испания, Аргентина.., которые никуда не входят и ничьими республиками не являются.

Тае, трансформируется, дробится и меняет курс государство, основанное В. И. Лениным,— подвергается сомнению и авторитет основателя.

Можно, конечно, при помощи специалистов из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС попытаться вывести ленинский образ из-под огня критики старым проверенным способом. Мол, все, что было до сих пор в стране,— это извращение ленинских идей и вот только сейчас мы вступаем на курс, указанный мудрым вождем. Тем паче — многотомье и многогранность высказываний В. И. Ленина позволяют найти цитаты, благоволящие нарастающим в стране социальным процессам. Эти изыскания мы постоянно встречаем в трудах политиков, экономистов и культурологов перестроечной формации. Но вольно было объяснять подобным образом все происходящее в стране, когда КПСС — ленинская гвардия — безраздельно управляла государством. Сегодня появилась возможность принародно подвергать сомнению коммунистические идеи. В этих условиях КПСС обязана вести дискуссию с противниками ленинского курса. И аргументами в этом споре уже не могут быть окрики и лагеря.

Коммунисты с надеждой смотрят на идеологов партии, ученых-обществоведов, наших членов-корреспондентов и академиков, возглавлявших ведущие партийные органы печати и идеологические институты, всех, кто достиг своего положения в обществе трудами, близкими к теме «Новая общность людей — советский народ».

Тщетно. Возьмите любой посвященный теоретическим изысканиям партийный орган печати. Полная сумятица в рядах наших теоретиков. Одни по инерции стремятся объяснить социальные подвижки в стране с точки зрения марксизма-ленинизма. Другие отбросили приличия, поставили крест на прежних своих трудах и перелопачивают идеи буржуазных политологов и экономистов. Растерялась советская обществоведческая наука. Какой партократии служить? Нарождающейся или той, с которой так комфортно шествовалось к сияющим вершинам? А была ли наука? Были, конечно, искренние попытки осмыслить происходящее с со-

ветским народом, но заканчивались они не в академических креслах, а на лесоповалах.

Случайно ли получалось, что советские обществоведы в привилегированной своей массе представляли и представляют собой подвид ученых из пород «чего изволите?». Нет. Каждый, кто посетил вводную в философию лекцию, знает, что философия — основа всех наук. Вспомним, с каким азартом громил в своих статьях В. И. Ленин представителей этой науки. Так и трещали чубы у кантов, шопенгауэров, богдановых, махов и авенариусов. Всегда мы называли ленинскую манеру спорить «полемическим задором», а если вчитаться, то нетрудно приметить в этом задоре наклеивание ярлыков, ругань. Мы по праву восхищаемся знанием В. И. Лениным литературы, но посмотрите, как он в большинстве случаев им пользовался: «иудушки головлевы», «премудрые пескари», «унтер-офицерские вдовы», «ноздревы», «недоросли» — вся мудрость мировой литературы направлена на уничтожение идеологических противников. Сплошь и рядом в споре В. И. Ленин пользовался, что называется, крепким словом. Сам Гегель, эстетические изыскания которого советская наука вынуждена была переписать и выдать за свои, так как не смогла придумать ничего убедительнее, удостоился у В. И. Ленина определения: «идеалистическая сволочь». В этих заметках нет места для спора по поводу вклада в философию самого В. И. Ленина. Сегодня руки у советских философов развязаны, и они не минуют этой темы. Думается, и сам В. И. Ленин не претендовал на звание классика философии. Он был марксист, и его задача состояла в охране этого учения от всяческих нападков и сомнений. Поэтому не случайно за пределы страны победившими большевиками были выброшены в первую очередь философы. Инакомыслия В. И. Ленин не допускал. В последующем с мыслителями так не церемонились, их давили на месте. Результат — полное отсутствие официального инакомыслия в стране, а следовательно, и философии как науки. Кто с этим спорит, пусть просмотрит журнал «Вопросы философии» периода перестройки. Самые яркие теоретические работы — иностранных философов и русских, выдворенных из России после победы Октября.

СОВЕТСКИЙ СВЯТОЙ

Оставим в покое коммунизм. Первая попытка воплотить ленинскую мечту в жизнь не удалась. Будут ли последующие — сегодня трудно загадывать. Нет сомнений, что В. И. Ленин искренне хотел благоденствия для трудящихся. Сколько выдающихся религиозных проповедников знало человечество! Их идеи тоже не воплотились повсеместно и повседушно, но они почитаемы, их причисляют к ликам святых за гуманизм и праведную жизнь.

Ленин — канонизированный советский святой. Мы поклонялись и поклоняемся не столько человеку, сколько созданному, выкристаллизованному и рафинированному образу вождя. Возьмите его официальную биографию. Она составлена по законам житий строже, нежели сами жития святых. Все выверено, взвешено и процежено через мельчайшее сито партийной цензуры. Впоследствии по этому образцу создавались жития вождей Китая, Кореи, Румынии и др. Помните вездесущие репродукции картины В. Прагера «Юность Ленина?» По зеленому лугу высокого берега Волги идет, прижав к груди книги, молоденький Ульянов. В 70-е годы, просматривая журнал «Китай», я наткнулся на репродукцию этой картины. Только вместо Ильича по высокому берегу, надо думать, Янцзы или Хуанхе шел, прижав к груди книжки, молоденький Мао Цзэ-Дун.

Ни к одному автору наследники так не относились бережно, как к В. И. Ленину. Пятьдесят пять томов — последнее Собрание сочинений, выпущенное в нашей стране. Каждый взмах его пера зафиксирован, бережно сохранен. И перед выпуском в свет одобрен в инстанциях. Но только в последние годы стали известны: ленинское письмо Сталину, где он потребует извинения за оскорбление Крупской (оно успело войти в Полное собрание сочинений, которое и теперь видится далеко не полным), ленинское завещание партии, секретное письмо т. Молотову с подробным планом расправы над духовенством и другие. Все эти новые для рядового читателя работы позволяют более широко оценить саму натуру вождя.

Когда знакомишься с официальной биографией, то создается впечатление, что каждый его шаг донесен до бумаги и остался закрепленным в памяти человечества. Но когда начинаешь задумываться, то, при потрясающей подробности его жизнеописания, находишь просто зияющие пустоты. Причем для этого не надо быть исследователем.

Помню, как на уроке истории учительница объясняла, что В. И. Ульянов взял свой псевдоним в память о Ленском расстреле. Ее ничуть не смущало, что расстреляли рабочих в 1912 году, а подпись «Ленин» под статьями появилась в 1901 году. На учительницу грех обижаться. Много версий ходит по этому поводу в народе — какой придерживаться, Институт марксизма-ленинизма указания не дал.

Годами выковывался образ вождя, постепенно все дальше и дальше уходя от живого прототипа. Кто много путешествовал по нашей стране, возможно, заметил сходство Ленина на портретах с типами лиц коренных жителей республик. В Закавказье он типичный горец — чернобородый, нос с горбинкой. В Средней Азии преобладают черты монголоида. Это не отклонение от стандарта. Портреты одни и те же. Это своего рода приближение ленинского облика к народным массам.

В нашей стране тысячи памятников В. И. Ленину. Есть хорошие, есть неудачные, но, что удивительно, ни одного выдающегося. Царям создавались величайшие памятники. Вспомним взметнувшуюся фигуру Петра Великого Фальконе или Александра III, восседающего на битюге, крепко вросшем копытами в российскую землю, работы Трубецкого.

По своему историческому значению В. И. Ленин не уступал упомянутым самодержцам, да и как человек, думается, был не менее интересен, но так и не появилось гениального отображения образа вождя в материале. Причина здесь в том, что отправной точкой для художников была не личность, а рафинированный, прошедший партийную цензуру образ. Отсюда и безликое тиражирование. Каноны были настолько жесткими, что ленинская тема для подлинного искусства оказалась недоступной, зато пышно расцвела в

массовом, сделалась предметом ширпотреба. Социальный, а вернее, партийный, заказ на воплощение образа вождя в камне, красках, на сцене, в кино, в литературе обеспечивал художнику безбедную жизнь, наполненную официальным признанием — высокими премиями, званиями и регалиями.

Не каждому доверялась работа над образом. Но уж кто удостаивался — получал от властей сполна. Они и сейчас процветают, заложив в годы застоя в фундамент своего благополучия ленинскую тему.

В литературе вспоминаются проникнутые светом ленинских идей «Братская ГЭС» Е. Евтушенко, «Лонжюмо» А. Вознесенского, его истеричный крик «Убере Ленина с денег!». В публицистике целый цикл книг, своеобразную официальную Лениниану, создал сегодняшний застрельщик неodemократов Егор Яковлев — редактор «Московских новостей».

Все эти ваятели великого образа были обласканы и отмечены в застойные годы, еще больших высот достигли они сегодня. Только вот об Ильиче с прежним придыханием уже не пишут. И уж кому, как не им, заслонить своей залауреаченной грудью попираемый хулителями лик?

Достойной в этом видится позиция нового министра культуры Н. Губенко. Имевший в застойные годы отношение к сценической Лениниане, он и сейчас, с присущей ему твердостью, защищает имя вождя. Единственное что вызывает недоумение в его речах, высказанных в телепередаче «Позиция», — это обвинение церкви в том, что она не заступает за подвергаемые нападкам псевдо-демократической толпы изваяния Ильича. Мол, церковь сама все годы Советской власти была бита и поэтому должна особенно остро воспринимать боль за унижение образа вождя мирового коммунизма. Министр культуры перепутал толстовство с православием. Христианское смирение и всепрощение — это не одно и то же. Символ России, противостоящей врагам, — монахи-ратники Ослябя и Пересвет. Любая религия — это достаточно консервативный и жесткий институт. Министр культуры, видимо, запаматовал, что Л. Н. Толстой был отлучен от церкви всего лишь за идеологическую ересь. Между тем как В. И. Ленин был авто-

ром секретного приказа, предполагающего физическое уничтожение православия, и церковью может восприниматься только как антихрист (анти-Христос, противник веры Христа).

Подтверждением этой позиции Русской Православной Церкви сегодня может служить причисление к лику святых Патриарха Тихона, загнанного в угол и фактически уничтоженного ленинским секретным планом борьбы с духовенством.

Запомню, видимо, министр и о знаменитом ленинском плане монументальной пропаганды, по велению которого были уничтожены тысячи памятников в стране. Декрет, принятый 12 апреля 1918 года Советом Народных Комиссаров, «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» обрекал на уничтожение практически все монументы, воздвигнутые в империи, так как увековечивалась, естественно, память только о преданных царю и отечеству гражданах. Одним из первых подвергся поруганию монумент любимцу России, освободителю Болгарии М. Д. Скобелеву. На его месте был сооружен «Памятник Свободе».

Новые власти рачительно относились к постаментам. В Костроме скульптура Ленина венчает остов памятника, воздвигнутого в честь 300-летия дома Романовых, в Новочеркасске Ленин заменил героя Отечественной войны 1812 года атамана Платова. В этом был большой смысл. На привычных, святых для народа местах появились новые герои. Особенно это заметно на станциях метрополитена, где скульптуры «новых богов» помещены как бы в алтарные ниши, и это архитектурное решение явно повторяет сакральную символику христианской базилики.

Не надо забывать, что уже при жизни В. И. Ленина активно шла замена старых названий. Появились города Троцк, Урицк... Рогожская застава была переименована в площадь Ильича при самом Ильиче. Конечно, все это делалось по желанию рабочего класса, как впоследствии по его же желанию эти города переименовывались вновь.

РЕВОЛЮЦИОНЕР № 1

Десятилетиями в стране вылепливался образ доброго, лучезарного, жизнерадостного, предельно искреннего вождя — для детей «дедушки Ленина», для взрослых «самого человеческого человека». Но нет-нет, да и столкнешься с фактами биографии В. И. Ленина, никак не укладывающимися в эти понятия.

Вспомним голод 1921—1922 годов, спровоцированный политикой военного коммунизма, объявленной правительством большевиков под руководством В. И. Ленина. В шесть миллионов жизней обошлось это решение нашему народу. И вот сейчас становится известно, что В. И. Ленин очень умело использовал в борьбе с идеологическими врагами народную трагедию. «Именно теперь и только теперь, — писал он в секретном письме от 19 марта 1922 года, — когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления».

Нетрудно заметить, что мысли В. И. Ленина заняты не столько помощью умирающему народу, сколько борьбой с церковью. Это подтверждает и тот факт, что за полгода до написания секретного письма постановлением Президиума ВЦИК от 27 августа 1921 года был ликвидирован Всероссийский комитет помощи голодающим. В вину вменялось обращение к патриарху Тихону и воззвание к верующим России и зарубежья. Все члены комитета были арестованы. «Кукиши», — презрительно называл их В. И. Ленин.

Наивные люди, они искренне думали, что погибающие от голода миллионы — главная забота молодого Советского правительства. Через пять дней после опубликования Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей патриарх Тихон обратился к верующим с посланием: «Желая усилить возможную помощь умирающему от голода населению Поволжья, мы нашли возможность разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драго-

ценные церковные украшения и предметы». Нет, батенька, карающий революционный меч уже занесен над церковью, революционерам не до сантиментов.

Надо отметить, что Ленин осознавал тяжесть репрессий, направляемых против народа. «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут», — пишет в своем секретном письме великий гуманист.

Надо отдать должное и ленинской прозорливости, с которой он составил план проведения кампании против духовенства. «Официально с какими бы то ни было мероприятиями должен выступать только тов. Калинин, — никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий». Естественно, православный люд экзекуцию от русского человека встретит с большим пониманием...

Знал толк Владимир Ильич и в двойной игре: «Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна...».

Еще один полезный для размышления отрывок есть в этом письме: «В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК...», «...чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей». Это пишет человек с юридическим образованием. Такого российское судопроизводство не знало. Приговор выносится до ареста: необходимо, чтобы процесс «...был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по

возможности также не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров».

Всего было уничтожено по этому делу более 8 тысяч человек. Легко заметить, что именно по этой ленинской модели проводились все дальнейшие репрессии в нашей стране. Чтобы расправа над духовенством не показалась случайной в практике ленинского правительства, можно вспомнить и секретные предписания Ленина по организации «образцовых процессов» над эсерами и меньшевиками. От судей юрист Ленин требовал «считаться не только с буквой, но и с духом». Советское судопроизводство все семьдесят последующих лет считалось в основном с «духом». «Телефонное право» — метко окрестил народ подобный суд.

Основы новой нравственности закладывались в молодом Советском государстве. «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно», — пишет В. И. Ленин комиссару юстиции Курскому и инструктирует его, как проводить судебные процессы. Подобные приказы есть и в цитируемом ранее письме т. Молотову и других документах. Сколько еще не преданных гласности ленинских распоряжений! Недавно Д. Волкогонов в телевизионной передаче объявил, что у него есть телеграмма Ленина Троцкому, в которой он приказывает после взятия Казани организовать показательный террор. Нет сомнений, что, когда подобные документы окажутся достоянием не только генералов, но и простых людей, фигура В. И. Ленина станет более понятной. Более понятной будет и логика исторического развития нашего государства. Станет ясно, почему всегда существовало две правды — одна для избранных, другая для народа. Мы поймем, почему в нашей печати часто вместо аргументов и фактов в споре используются ярлыки и оскорбления. Узнав всю правду о первых шагах молодого Советского правительства, мы увидим закономерности, движущие сегодняшним днем. Не будем, к примеру, удивляться, почему города Москва и Ленинград, где к власти пришли недемократические Советы, находятся на грани голода. Голод всегда был могучим оружием революционеров. В 1917 году большевики использовали продовольственную блокаду Петрограда и благодаря воз-

мущению доведенных до отчаяния масс свергли Временное правительство. Далее политика продналога помогла задушить голодной смертью сопротивление контрреволюционно настроенного крестьянства и части рабочих, а заодно расправиться, как уже писалось, с духовенством. Уже после смерти В. И. Ленина голод в тридцатых годах помог задавить поднявшее голову за времена нэпа крестьянство.

Сегодня кое-где пытается представить это народу как цепь трагических ошибок. Но не надо забывать, что Ленин был необычайно последователен в стратегии революционной борьбы. Кто интересуется фактами, может обратиться к номеру девятому журнала «Вопросы философии» за этот год.

В страшный 1891 год, когда по всей стране создавались комитеты помощи голодающим Поволжья, молодой Ленин был единственным интеллигентом в Самаре, открыто выступающим против спасения обреченной бедноты. «Владимир Ильич,— рассказывает друг Ленина по Самаре,— имел мужество открыто заявить, что последствия голода — народное рождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя,— явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции и облегчит победу революции».

Будущий лидер коммунистического движения предлагал радикальную форму диалога с членами комитета: «рукой за горло и коленкой на грудь». Пятидесятилетний глава государства не изменил себе — двадцатилетнему помощнику присяжного поверенного.

В наши дни, блокировав Москву и Ленинград, новые революционеры пытаются свергнуть Советское правительство, с которым уже не по пути.

Сегодня ни для кого не секрет, что, придя к власти, большевики придушили всяческое проявление свободы. Они уничтожили все партии, с которыми шли к побе-

де Октября, установили полный контроль над средствами массовой информации. Принялись изолировать, расстреливать и высылать инакомыслящих. Во главу процветания новой власти был поставлен лозунг — «Грабь награбленное». Причем самое трагическое то, что в эти реалии новой жизни народ был вовлечен совершенно противоположными лозунгами.

Подобное мы наблюдаем и сегодня. Прорываясь к власти, недемократы ратовали за отмену прописки — могучего института подавления свободы передвижения населения. Там, где они победили, поголовно введены визитные карточки — человек теперь под страхом голада будет сидеть, прикованный к собственному жилью. Думается, что жесткость контроля этой системы мы еще не до конца осознали.

Двадцатый век внес в мораль и нравственность свои коррективы. Большевики тащили народ к светлому будущему упрямо и бесстрашно, ломая все устоявшиеся понятия о патриотизме, долге, чести. «Ныне известно, что во время 1-й мировой войны немцы потратили значительные суммы денег на подрывную деятельность в России и что часть этих денег была выделена специально большевикам, — пишет А. Рабинович в книге «Большевики приходят к власти» (показательно, что никто до сих пор аргументированно не возразил этому автору). — Хотя сам Ленин, видимо, знал о «немецких деньгах», нет никаких свидетельств того, что эти деньги как-либо повлияли на его позиции или политику партии». Подобное откровение свидетельствует о том, что воюющую с Россией Германию устраивали и ленинская позиция, и политика партии. Рачительные немцы по-пустому сорить деньгами не будут.

Большевики не принимали присяги быть верными своей Родине. Но сегодня мы уже наблюдаем, как в средствах массовой информации все более настойчиво звучат призывы пересмотреть деятельность генерала Власова, перешедшего во время второй мировой войны на сторону гитлеровской Германии. Кадрового офицера, нарушившего присягу, пытаются представить не изменником Родины, а политическим борцом против сталинизма.

Все становится с ног на голову. «Брестский мир» мы называем гениальным тактическим компромиссом Ленина, позволившим спасти социализм в России благодаря отданным в жертву кайзеровской Германии исконным российским территориям со всеми проживающими народами.

Сегодня на страницах печати стала появляться информация, что Сталин искал возможности в 1941 году, когда враг подходил к Москве, заключить подобную сделку с Гитлером и любой ценой спасти Советский Союз. С праведным гневом мы воспринимаем известие об этих тайных ходах Сталина, забывая, что он был одним из немногих, поддержавших В. И. Ленина в 1918 году.

Ленин любил цитировать слова Наполеона: «Сначала нужно ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Победа любой ценой. Ленинское правительство ввело систему заложников, открыло первые концентрационные лагеря и многое другое (в одной статье всего не перечислишь), что могло подстегнуть человечество на пути к светлому будущему. Для достижения цели хороши любые средства. Мы помним, с какой настойчивостью требовал В. И. Ленин от своих соратников диалектического понимания исторических процессов. Но, на удивление, резиновой выходила эта диалектика в руках властей предрежащих. А ведь этому способствовали жесткая партийная дисциплина и предельная централизация, за которые так боролся лидер большевиков. Ни один монарх не знал подобной неограниченной власти, какую имел в нашей стране Генеральный секретарь. Народ настолько свыкся с этим, что и сейчас по привычке требует от Президента решительных и даже жестоких мер, забывая, что за окном иное время.

В этих заметках я не ставил задачу открыть что-либо новое в ленинской теме, мне хотелось поразмышлять о том, что сегодня известно многим. В средствах массовой информации мы все чаще сталкиваемся с попытками перечеркнуть значение Ленина. Мы опять идем по потерянному пути. Видимо, следует ждать, что упоминать имя Ленина будет неприято ни в официальных документах, ни на страницах печати, ни в разговорах. Наверняка можно предположить, что у нас развернется кампания по выносу тела из Мавзолея.

И под благовидным предлогом предания тела земле, как это сделали с Димитровым болгары, кампания эта закончится успешно. Но давайте хоть сейчас подчиним свои чувства холодному рассудку. Пройдет несколько лет, жизнь в стране упорядочится, образ Ленина займет подобающее место в истории, и, вполне вероятно, число желающих прийти в Мавзолей не уменьшится. Об этом свидетельствует неиссякающая вереница людей на Красной площади. Для одних Мавзолей останется местом поклонения святым мощам вождя, для других станет обычным историческим музеем. Впрочем, подобная ситуация существовала в стране всегда, только об этом не говорили вслух.

Трудно даже представить себе, какой интерес вызвала бы сейчас фигура Сталина. И враги, и ученики его стояли бы в одной колоссальной очереди, и терпения их, возможно бы, хватило не только на долгий путь к телу, но и на примирение.

Давайте учиться писать, а не переписывать историю. Раз судьба распорядилась так, что тела этих выдающихся революционеров не были преданы земле, — значит, в этом был высший смысл. Раз революционеры хоронили друг друга на «красных», центральных площадях наших городов, — значит, и в этом было провидение. Это наша история, это явление, которое было в двадцатом веке, и, как бы ни оценивалось оно с точки зрения общечеловеческой морали, предавать забвению эти страницы нельзя.

Не вызывает сомнения то, что личность В. И. Ленина, его дело во многом определяли судьбу человечества в XX веке. Для приверженцев коммунистической идеи Ленин всегда будет гениальным вождем и великим человеком, для людей иного мировоззрения он останется в истории революционером № 1. Благодаря его уму, тактической изощренности большевики не только пришли к власти, но и могли ею пользоваться безраздельно семь десятилетий в России. За это время влияние коммунистических идей распространилось по всему миру, в их осуществлении участвовали десятки стран, более миллиарда жителей планеты. Сегодня не только наша страна, но и вся мировая цивилизация вступает в новый этап своего развития. Поэтому наивными выглядят попытки как зачеркнуть обретенный на этом пути опыт, так и оставить его без осмысления.

ЛЕНИН В СУДЬБАХ РОССИИ

Главы из книги

Власть — все, идеи — ничто

Великие демократические революции против абсолютизма в Европе, в том числе и русская Февральская революция, происходили не по рецептам каких-либо книг, а в силу насущных потребностей жизни каждой нации. Октябрьская революция была искусственно организованной революцией — по книгам и рецептам как предшественников Ленина, так и его самого. Успешной она оказалась не в силу потребностей России, а в силу исторической конъюнктуры: страна переживала величайший государственный и общенациональный кризис из-за беспрецедентной в истории войны на два фронта, одинаково страшных: на внешнем фронте она воевала против блока Германии и ее союзников, а на внутреннем — против большевиков с их стратегией поражения России в войне методами дезорганизации армии и тыла. Ленин знал, что нормальным путем он никогда не придет к власти в России. Поэтому не законы детерминированности исторического развития из позднего марксизма («К критике политической экономии», «Капитал»), а волюнтаристский тезис раннего марксизма, что коммунисты «могут достигнуть своей цели лишь путем насильственного низвержения всего существующего строя» («Коммунистический манифест»), делается стержнем ленинизма. Но в одном глубоко верующий «детерминист» и Ленин: он знает, что без общенационального кризиса в стране невозможна и насильственная революция. Такой кризис вероятен, а революция еще более вероятна только в результате поражения собственной страны в войне с внешним врагом. Война — та ось, вокруг которой вращается вся революционная стратегия Ленина. Однако Ленин отлично знает и другое: кто путем насилия пришел к власти, тот может удержать ее тоже только путем насилия. Отсюда Ленин заимствует мимоходом и в другом

смысле выдвинутую Марксом формулу о «диктатуре пролетариата». Впервые она появилась в одном частном письме Маркса к его единомышленнику, а потом он упомянул эту формулу в двух строках на полях одного закрытого партийного документа. На этом стоит остановиться, тем более что Ленин и его наследники объявили это замечание Маркса основой основ его учения о пролетарском государстве, хотя сам Маркс о «диктатуре пролетариата» не писал ни книг, ни даже статей. Да, Маркс употребил слова «диктатура пролетариата» в письме к Вейдемейеру в 1852 году: «Классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата». Через двадцать с лишним лет Маркс повторяет эту формулу на полях проекта Готской программы, причем оба раза эти замечания Маркса не подлежали публикации. Этой одной или двум строчкам Ленин посвятил целую книгу «Государство и революция», а вот другому фундаментальному замечанию Маркса на полях того же проекта — что в странах, где существует всеобщее избирательное право и отсутствует военщина (а именно в Англии и Америке), к социализму можно прийти демократическими путями — Ленин посвятил только одну фразу, объявив это положение Маркса устаревшим в «эпоху империализма». Все марксистские лидеры социалистических партий и Интернационала, которых поддерживал Энгельс после смерти Маркса, встали на позицию Маркса о демократии, прокладывая путь к социализму мирными методами, то есть путем завоевания парламентского большинства.

Интересна сама история замечаний Маркса, которую избегают излагать советские марксоведы. В конце мая 1877 года марксистская партия Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля («эйзенахцы») и лассальянская партия «Всеобщее германское рабочее объединение» решили объединиться в одну общую социал-демократическую партию Германии в городе Гота, где была принята ее первая программа, получившая название Готской программы. Ее проект, составленный совместно марксистами и лассальянцами, был послан на ознакомление Марксу. Вот на полях этого проекта Маркс и записал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответ-

ствуется и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным кроме как революционной диктатурой пролетариата». Когда Маркс писал эти слова, перед его глазами был, как он указывает, режим абсолютизма и «военный деспотизм» в прусской Германской империи, но Маркс подчеркнул исключал из этого замечания страны демократии — США и Англию.

Был и ряд других замечаний, мелких и придирчивых, в адрес последователей более популярного, чем Маркс, лидера германского рабочего движения — покойного Фердинанда Лассалья. Все эти замечания были названы самим Марксом замечаниями на полях (Randlosse) и посланы лично Либкнехту, Бебелю и Ауэру с требованием вернуть их обратно после прочтения. Интересно, что они были опубликованы Энгельсом только через восемь лет после смерти Маркса — в 1891 году. Важно привести здесь комментарии Энгельса к ним, которые, может быть, отсутствуют в советских изданиях (я не имею возможности проверить это и располагаю только немецким текстом). Вот что пишет Энгельс: «Можно себе представить, что старое общество может перерасти мирно в новое — в странах, где власть сосредоточена в руках народного представительства, которое на основе конституции может сделать, что надо, поскольку имеет за собою большинство народа, — в демократических республиках, как Франция и Америка, и в монархиях, как Англия... Если это так, то наша партия и рабочий класс могут прийти к власти только под формой демократической республики. Она даже и есть специфическая форма диктатуры пролетариата, как показала Великая французская революция... Что, на мой взгляд, надо включить (в новую Эрфуртскую программу. — А. А.) — это требование концентрации всей политической власти в руках народного представительства (Karl Marx. Kritik des Gothaer Programms. «Diets Verlag», 1965, 88—89). В письме к Зорге Энгельс писал, что новая Эрфуртская программа вполне марксистская, ибо в ней учтены все замечания Маркса к Готской программе. Что касается формулы «диктатура пролетариата», то, как известно, Маркс не настаивал, чтобы ее включили в Готскую программу, а Энгельс не предлагал включить эту фор-

мулу и в Эрфуртскую программу 1891 года. Здесь нужно сослаться и на очень существенное замечание Каутского, что, говоря о диктатуре пролетариата, Маркс имел в виду не форму правительства, а его «состояние», тем более что он исключил отсюда Англию и Америку (Kautsky gegen Lenin, Berlin, 1981). Однако коммунистический издатель из цитированной книги претендует на лучшее знание марксизма, чем сами Маркс и Энгельс, когда пишет: «Главный недостаток программы состоит в том, что она не говорит о диктатуре пролетариата как о предпосылке к социалистической перестройке общества» (там же, с. 183).

Энгельс расширил круг государств, в которых социал-демократы могут прийти к власти через парламенты, но исключил из этого круга Россию как государство абсолютной монархии. Произошла Февральская революция, свержшая монархию и установившая режим неограниченной демократии. Вне всякого сомнения, что Энгельс включил бы демократическую Россию в число держав, где социал-демократы к власти могут прийти мирным путем.

Что же делает Ленин? Ленин пишет, ссылаясь на Маркса и Энгельса, целую книгу за два месяца до большевистского переворота, доказывая, почему надо уничтожить демократию в России, чтобы построить социализм, — книгу «Государство и революция». «Государство и революция» носит подзаголовок «Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». На первый взгляд можно подумать, что перед вами академический трактат на указанную тему, на деле — классический памфлет с апологией диктатуры и анафемой демократии. Ленин готовится к уничтожению русской демократии и провозглашению в России «диктатуры пролетариата». Для этой цели ему важно поставить к себе на идеологическую службу Маркса и Энгельса. Для этой же цели он вынужден произвести над ними небольшую хирургическую операцию, исключая из марксизма все, что не укладывается в концепцию ленинизма, объявляя все, что внесли в марксизм марксистские теоретики западной социал-демократии, антимарксистскими творениями. Поскольку ни Маркс, ни тем более Энгельс не могут оказать Ленину при подобной операции прямую помощь, Ленину приходится прибегать к методам не только антинаучным, но и пре-

досудительным. Во-первых, он пользуется не трудами Маркса, предназначенными к публикации или опубликованными, а его частными письмами, которые не подлежали огласке; во-вторых, он манипулирует цитатами Маркса, допуская передержки и фокусы по классическому методу софистов; в-третьих, он намеренно игнорирует все то, что не укладывается в рамки поставленной им цели, или даже опровергает эту цель. При всем этом Ленин совершенно резонно рассчитывает на низкую культуру и марксистское невежество русского пролетариата, а что скажут о его операциях над Марксом и Энгельсом европейские марксисты и русские меньшевики, ему абсолютно безразлично, к тому же он заранее застраховал себя от их ударов, объявив их всех ренегатами марксизма и изменниками пролетариата. Кроме того, Ленин отличался редким талантом вкладывать в уста своих учителей мысли, до которых они сами не доходили, но которые давали ему повод делать это самому от их имени. Вот такими методами Ленину удается то, что в Москве называется дальнейшим развитием марксизма. Яркими образцами такого рода манипуляций и изобилует книга Ленина «Государство и революция», которую он писал в подполье в августе — сентябре 1917 года, но опубликовал после своего переворота — в 1918 году. Вот некоторые примеры:

1. Мысль об «отмирании государства», когда к власти приходит рабочий класс, принадлежит Марксу. Конкретизация этой мысли — Энгельсу в его «Анти-Дюринге», в котором он утверждал, что после национализации средств производства государство отмирает, подчеркивая, что «государство не «отменяется» (это выпад против анархистов.— А. А.), оно отмирает». Ленину страшно не нравится такое мирное «отмирание» при отсутствии «скачков... бурь... революции...» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 33, с. 17)*. Ленин говорит, что так толкуют Энгельса все оппортунисты и ренегаты. Ленин приписывает Энгельсу то, чего он никогда не писал и не говорил. Например: «На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства буржуазии, тог-

* В дальнейшем при ссылке на это издание в скобках указывается том и страница.

да как слова об отмирании относятся к остаткам пролетарской государственности после социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство» (т. 33, с. 18). В явном противоречии с Энгельсом Ленин делает вывод: «Смена буржуазного государства (то есть демократической республики.— А. А.) пролетарским невозможна без насильственной революции» (т. 33, с. 22). Только после ленинской «пролетарской революции» это полугосударство, собственно, превратилось, по его же словам, в «новый тип государства» — в полное тоталитарное государство беспрецедентной в истории концентрации, централизации и абсолютизации власти. Получилось все наоборот. Энгельс писал: «Вместо управления людьми будет управление вещами». Вот уже восьмое десятилетие ленинское «полугосударство» тотально распоряжается и людьми и «вещами». Такое управление сегодня в Советском Союзе называют на убогом жаргоне канцеляристов административно-командной системой и приписывают ее рождение тоже не Ленину, а Сталину. Но ведь административно-командный стиль — атрибут и привилегия любой бюрократии в любом государстве, так что ни Ленин, ни Сталин тут не были оригинальны. Оригинален их тоталитаризм.

2. Ленин утверждает, что «учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» (т. 33, с. 26). Если таково учение Маркса, то почему надо доказывать это на десяти страницах, вместо того чтобы привести хотя бы одну цитату из самого Маркса? Потому что таких цитат о власти, «не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу», у Маркса нет.

3. Еще грубее поступает Ленин с Марксом, когда прибегает к цитатам из его работы «18-е брюмера Луи Бонапарта». Ленин пишет, что «все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основ-

ное в учении марксизма о государстве» (т. 33, с. 28). У Маркса речь идет о разрушении и сломе машины абсолютистского государства, чтобы закрыть путь к реставрации старых порядков. Маркс пишет, что «все перевороты усовершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как главную добычу при своей победе». А вот комментарий Ленина: «Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен разбить, сломать «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее» (т. 33, с. 37). Маркс ни одним словом не обмолвился о рабочем классе, у него речь идет о революционных демократических партиях, которые руководили не социалистическими, а демократическими, буквально народными революциями.

Это видно даже и из письма Маркса Кугельману (апрель 1871 года), которое цитирует Ленин: «...не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, а сломать ее», «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте» (т. 33, с. 37). Это Маркс писал, расшифровывая тезис из «Брюмера» о демократических «народных революциях», которые терпели поражения из-за того, что не сломали старой «бюрократически-военной машины». Русская «народная революция» в феврале 1917 года радикально уничтожила государственную машину самодержавия и установила в стране демократический строй с неограниченными политическими свободами и гражданскими правами. Ленин упорно, настойчиво доказывает необходимость уничтожить этот демократический строй путем насилия, опирающегося на вооруженные силы повстанцев, ложно ссылаясь на тезис Маркса, в котором Маркс говорит о сломе старой «бюрократически-военной машины» старых абсолютистских режимов. О сломе государственной машины демократической республики ничего ни у Маркса, ни у Энгельса, разумеется, Ленин не нашел. Наоборот, как мы уже видели, Маркс в замечании к Готской программе утверждает, что в демократических странах к социализму можно прийти мирным путем. Интересно, что Ленин как бы мимоходом приводит высказывание Энгельса, которое, собст-

венно, опровергает все главные тезисы «Государства и революции». Энгельс, говорит Ленин, «признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму» (т. 33, с. 69). Но Ленин неумолим. «...Постоянно забывают, — пишет он, — что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии» (т. 33, с. 82).

Уничтожить государство Ленину не удалось, тем успешнее ему удалось уничтожить демократию. Ближе к концу книги Ленин выставил новый тезис, который нам хорошо знаком больше из Прудона и Бакунина, чем из Маркса и Энгельса: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства» (т. 33, с. 95). Ленин, вероятно, хотел сказать, что при коммунистическом государстве не будет свободы, но когда будет свобода, то тогда уже не будет самого коммунистического государства. Опыт Советского Союза говорит в пользу этого тезиса.

Ленин, конечно, обладал как теоретическим талантом, так и стратегическим умом, чтобы разработать и пропагандировать свою собственную концепцию о «взрыве» и «разгроме» государственной машины демократической республики через насильственную революцию, но когда он предпочел это сделать не от своего имени, а от имени марксизма, восстали такие выдающиеся марксисты, как Карл Каутский и Роза Люксембург. Если на то пошло, то Ленин был отнюдь не первым коммунистом, который писал о «взрыве» и уничтожении государственной машины демократии, об уничтожении самого государства через насильственную революцию. Лидер голландских левых, будущий деятель Коминтерна А. Паннекук писал еще в 1912 году в «Нойе цайт», что «борьба пролетариата есть не просто борьба против буржуазии из-за государственной власти». В этих словах весь будущий Ленин, хотя Ленин замечает непоследовательность этого автора. Однако Каутский ответил Паннекуку (Ленину): «До сих пор противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые захотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (т. 33, с. 112). Ленин утверждает: «Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз

Маркс учил тому, что пролетариат... должен разбить, сломать этот аппарат» (т. 33, с. 113), что неверно, как мы видели выше.

Другим предшественником Ленина был Бухарин, который писал в 1916 году то же, что и голландец, когда утверждал, что надо «взорвать» государство и что вообще «социал-демократии необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству». Отвечая на эту статью Бухарина в том же 1916 году, Ленин стоял на позициях... Каутского. Ленин писал: «Это неверно... Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать»... его... Социалисты... признают отмирание, «постепенное» «засыпание» государства после экспроприации буржуазии» (Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939, с. 248). На VI съезде партии в августе 1917 года Ленин передал Бухарину через Крупскую, что в споре о «взрыве» государства прав был Бухарин, а не он, Ленин. Вот справка Бухарина по данному вопросу, которая привела Сталина в великое возмущение: «Против статьи... выступил... В. И. (т. е. Ленин)... у меня не было ошибки, которая мне приписывалась... с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда неправильно относился к положению о «взрыве» государства (разумеется, буржуазного), смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата... Занимаясь вопросом, Ильич пришел к тем же выводам относительно «взрыва», но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении».

Речь идет о книге Ленина «Государство и революция», которая действительно сделала эпоху в том отношении, что идея Паннекука и особенно Бухарина Ленин не только развил дальше, но и положил их в основу своей стратегии «взрыва» февральской демократии и установления однопартийной диктатуры большевиков. А Сталин возмущался зря, говоря, что выходит, что Ленин был учеником Бухарина. Да, что правда, то правда — в данном вопросе приоритет за Бухариным, что Ленин и признал.

На стороне официальных советских идеологов, критиковавших своих оппонентов на Западе, всегда было одно преимущество: они критиковали работы, которые не имел права читать советский человек. По-

этому ему преподносились отдельные, вырванные из контекста цитаты, выпускались авторские аргументации. Произведения марксистского теоретика Каутского в царской России пользовались и по Ленину и по словам самих немцев большим успехом, чем в Германии, а вот в ленинской России было запрещено переводить на русский язык не только книги Каутского, но и Розы Люксембург, в которых критиковался большевизм. Читателю небезынтересно узнать аргументацию вышеназванных авторов против большевистского понимания демократии и демократического социализма Маркса и Энгельса.

Карл Каутский посвятил специальную книгу проблемам расхождений между западной марксистской социал-демократией и ленинским большевизмом. Автор с самого начала подчеркивает два важнейших факта: 1) уже в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс посчитали нужным заявить, что коммунисты не считают себя особой, обособленной партией по отношению к другим рабочим партиям. Поэтому в I Интернационале тонкий слой марксистов работал вместе с другими рабочими партиями (с партиями прудонистов, бланкистов, тред-юнионов); 2) эти «социалистические партии совместно боролись не только за короткий рабочий день, за страхование по безработице, высокую зарплату и за производственные советы (Betriebsräte), но и за свободу, равенство и братство всех людей без различия пола, религии и происхождения» (Karl Kautsky. Kommunismus und Socialdemokratie. «Deitz Verlag». S. 4—5). Здесь Каутский хочет обратить внимание на то, что классики марксизма не считали, что коммунисты претендуют на монопольное право представлять интересы всего рабочего класса и поэтому готовы были сотрудничать со всеми другими рабочими партиями, боровшимися одновременно и за насущные материальные интересы трудящихся, и за их социальное и политическое раскрепощение. Ленин же претендовал на исключительное право коммунистов представлять социальные и политические цели рабочего движения, а все остальные социалистические партии объявлял «предателями», «изменниками», «ренегатами». Каутский выводит эту граничащую с одержимостью претензию Ленина и его сторонников из факта позднего проникновения в Россию идей марксизма, а также

из абсолютистской структуры политического режима России. Полицейские условия заставляли русских марксистов работать в подполье, отсюда, говорит автор, многие русские марксисты приобрели утопические и фантастические черты домарксистских социалистов, а именно — черты бланкистов и бакунистов. Автор пишет: «Они не отрицали марксизм, но представляли его скорее фанатично, приписывая марксизму бланкистские и бакунинские идеи. Самым значительным среди таких марксистов был Ленин» (там же, с. 6). Ленин разошелся, продолжает автор, с другими марксистами по вопросу организации партии в условиях царской России на конспиративных началах, но без внутрипартийной демократии, тогда как Маркс считал, что главное — это воспитание партии и рабочего движения в духе демократии. Для Маркса «партия менее всего была средством захвата власти, а более всего средством воспитания масс», говорит Каутский. В этой связи Каутский указывает на тот факт, что Маркс и Энгельс согласились вступить в «Союз коммунистов» только после того, как этот «Союз коммунистов» отказался от своего старого устава, согласно которому «Союз» считался заговорщической организацией с диктаторской властью партийного центра. В новом уставе руководство партии выбиралось на демократических началах и могло быть сменено в любое время. I Интернационал вынужден был работать в некоторых странах в подполье, но Маркс упорно боролся против того, чтобы там создавали заговорщические организации с диктаторским центром, как этого хотел лидер итальянских революционеров Джузеппе Мадзини, и Маркс победил. Роза Люксембург с первых же дней возникновения большевизма по плану Ленина из «Что делать?» разгадала, какой будет партия, созданная по ленинскому методу, когда писала: «Создание централизации на двух принципах: слепое подчинение всех организаций до малейшей детали одному центру, который за всех думает, создает и решает, а также строгое разграничение между ядром партии и окружающей ее революционной средой. То, за что борется Ленин, представляется нам механическим привнесением организационных принципов бланкистского заговора рабочих кружков в социал-демократическое движение рабочей массы. Ход мыслей Ленина направлен на контроль пар-

тийной деятельности, а не на ее оплодотворение, на сужение, а не на расширение, на раздробление, а не на объединение» (там же, с. 8).

Комментируя эти слова Розы Люксембург, Каутский пишет, что она разгадала всю сущность будущего ленинизма уже на его начальной стадии возникновения, но, «конечно, не могла она еще тридцать лет назад предвидеть все губительные действия, которые таились в утробе ленинизма... Диктатор является в высшей степени ревнивым богом. Он не терпит другого бога около себя. Ленин был того мнения, что весь пролетариат беспрекословно должен повиноваться его руководству. Кто в партии не верил в его божественную непогрешимость, тот пожинал его пламенную ненависть... Отсюда и невозможность для Ленина, как и для всякого другого, кто хочет быть диктатором в партии, работать коллективно с другими товарищами по партии, которые иногда думают иначе, чем диктатор» (с. 9). Отсюда Каутский приходит к выводу:

«Если диктатура проникла в партийный организм, то партия духовно нищает, ибо диктатура вынуждает творческие, духовные силы партии к откату от духовной независимости или исключает их из партии» (с. 9). Прямым следствием ленинского фанатизма и необузданности его диктаторской воли Каутский считает и трагедию гражданской войны, последовавшей за разгоном Учредительного собрания. Вот его слова: «Если бы не разгон Учредительного собрания, Россия не подверглась бы всем ужасам и опустошениям гражданской войны. Как богата сделалась бы страна, сколько процветания принесла бы социалистическая перестройка трудящимся. Как быстро пошло бы экономическое и духовное обогащение масс, как выросло бы доверие между рабочими, крестьянами и интеллигенцией, как росла бы социалистическая продукция — на путях к созданию царства свободы, равенства и братства» (с. 13).

И это человека, которому сам Энгельс поручил управлять своим литературным наследством и комментировать его, Ленин заклеил как ренегата марксизма и изменника рабочего класса.

Однако, по существу, подобной же критике, что и Каутский, ленинскую «диктатуру пролетариата» подвергла выдающийся теоретик марксизма, организатор

и вождь Германской компартии Роза Люксембург за несколько месяцев до своей трагической гибели в январе 1919 года. Из ряда ее статей была потом составлена книга «Русская революция», которая, кажется, никогда не переводилась на русский язык (цитаты по последнему изданию: Rosa Luxemburg. Die russische Revolution. «Europäische Verlagsanstalt», 1963). В книге Розы Люксембург поражают проникающая анализа и необыкновенный дар предвидения. Она, как коммунистка, безусловно разделяет программу Октябрьской революции и признает, как она выражается, ее «выдающихся руководителей — Ленина и Троцкого». Признает она и «диктатуру пролетариата», но ее понимание сущности этой диктатуры абсолютно противоположно тому, как понимают «диктатуру пролетариата» Ленин и Троцкий. Вот рассуждения Розы Люксембург: «Свобода только для сторонников правительств, только для членов партии не есть свобода. Свобода — всегда только свобода думающих иначе» («Freiheit ist immer nur die Freiheit des anders Denken» — S. 73). Люксембург говорит, что Ленин и Троцкий исходят из предположения, что революционная партия уже имеет в кармане готовый рецепт, как построить социализм, как создать новую хозяйственную, социальную и правовую систему, но в этом их заблуждение. Она пишет: «Мы знаем приблизительно, что именно сперва надо убрать, чтобы открыть путь к социалистическому хозяйству, но каковы тысячи больших и малых шагов, которые надо для этого предпринять, — этого мы не знаем... Социализм невозможно построить изданием декретов... Вся масса должна в этом участвовать, иначе он будет декретирован дюжиной интеллектуалов. Безусловно нужен общественный контроль, иначе обмен опытом останется достижением закрытого круга бюрократов нового правительства».

Каковы будут результаты такой системы и что надо делать? Автор утверждает: «Коррупция неизбежна... Никто не знает этого лучше, чем Ленин. Но в выборе средств (против нее) он совершенно ошибается. Декреты, диктаторская власть надзирателей предприятий, драконовские штрафы, господство ужаса — это все паллиативы. Единственный путь к возрождению — это школа самой общественной жизни, неограниченной,

широчайшей демократии, общественное мнение. Правление методами страха только деморализует массы!»

Автор догадывается, что Ленин и Троцкий на это не пойдут. Тогда, пишет Роза Люксембург, в Советской России сложится политический режим, которого она не увидела, но зато хорошо знаем мы теперь, через семьдесят лет. Вот продолжение ее рассуждения:

«Если все это отпадает, то что же тогда остается делать? Ленин и Троцкий выдвигают выборные органы Советов как истинное представительство трудящихся. Однако с уничтожением общественной жизни во всей стране будет парализована жизнь и в самих Советах. Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы прессы и собраний, без свободы борьбы мнений замрет жизнь и во всех общественных инстанциях. Останется кажущаяся жизнь, при которой только бюрократия будет действующим элементом... Общественная жизнь постепенно засыпает... Действует лишь дюжина выдающихся партийных руководителей, и будут таскать элиту рабочего класса по собраниям, она будет аплодировать речам вождей и единогласно утверждать предложенные ей резолюции. Словом, это будет в основе своей диктатура, но не диктатура пролетариата, а кучки политиков» (с. 74—75).

Много немарксистских писателей от русского Замятина и до англичанина Оруэлла по-разному предсказывали будущую картину советского социализма, но никто с такой гениальной точностью даже в деталях не предсказал картину сегодняшнего советского социализма, как это мы видим из приведенного анализа марксистски Розы Люксембург...

Идея власти затмила в голове Ленина все другие идеи: гуманистические, патриотические и даже социалистические. «Мы Россию завоевали,— повторял он, выражаясь языком оккупанта собственной страны,— теперь мы должны Россией управлять». Управление это началось с братоубийственной гражданской войны и ужасающего красного террора — не во имя социализма, а во имя удержания власти любой ценой и с любым количеством жертв. В конечном счете выяснилось, что для большевизма власть — все, а конечная цель — ничто...

ОТ УТОПИИ СОЦИАЛИЗМА К РЕЖИМУ ТОТАЛИТАРИЗМА

Совершенно естественно, что догматическая организация заговорщиков, пришедшая к власти путем насилия и против воли большинства народа, не может управлять этим народом иначе как посредством террористической диктатуры. Что первое поколение заговорщиков управляло методами террора, это вполне обычное явление в истории всех насильственных переворотов, но что их сменяющиеся наследники на протяжении четырех поколений продолжают удерживать свою диктатуру ортодоксальнейшими методами первого поколения основоположников их власти, как это случилось в России,— это уже беспрецедентное явление в мировой истории. Трудно это объяснить лишь виртуозной техникой заговорщиков. Вероятно, разгадка лежит отчасти и в феноменальном характере русского человека: бесконечно терпеть, приспосабливаясь ко всяким тяжким ситуациям, как он веками приспосабливался к монгольскому игу, крепостному праву...

Надо отметить и другой факт, который обычно игнорируют: ленинскую концепцию террора и заговора ученики и наследники Ленина распространили и на внутрипартийную жизнь — сначала как идеологический террор, потом как физический террор и под конец как метод захвата власти путем внутрипартийных заговоров.

1. По Ленину, «диктатура пролетариата» и «диктатура партии» одно и то же, а «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, с. 41, с. 383).

2. «...При руководстве партии осуществляется диктатура класса» (т. 41, с. 31).

3. «...Фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу» (т. 41, с. 403).

4. «Партией руководит... Центральный Комитет из 19 человек» (т. 41, с. 30).

5. «...Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим» (т. 40, с. 272).

Если партия и ее аппарат во главе с «одним диктатором» — мозг режима, то политическая полиция — его корпус, отсюда понятно и их органическое взаимодействие. (На этом основании я и назвал советскую политическую систему тоталитарной партократией.) Вот на этой довольно стройной и научно обоснованной «философии диктатуры» и построено все материально-правовое здание ленинизма, которое окончательно утвердилось как тоталитарное государство в период гражданской войны и военного коммунизма. Вполне логично и закономерно, что в лице Сталина это тоталитарное государство нашло куда более идеального диктатора, который «один более сделает и часто один более необходим», чтобы осуществить волю своего класса — партаппаратной бюрократии, чем Ленин. Путь к завершению такого тоталитарного государства оказался тяжким, продолжительным и кровавым. Начал его, вопреки утверждениям советских исследователей, не Сталин, а Ленин, у которого сам Сталин был «винтиком» в революции, «разъездным громилой» в гражданской войне и палачом на «стройках военного коммунизма», как надзиратель от ЦК над Чека.

Если Ленин говорил в книге «Что делать?», что «подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «ужасающего террора попытка захватить власть — была величественна», а академик Покровский называл Ткачева первым большевиком, то тогда становится понятно и замечание Бердяева: «Маркс и Энгельс говорили о буржуазном характере революции в России и были скорее меньшевиками, чем большевиками». Против кого же было направлено острие террора Ткачева, которым так восхищался Ленин? Сохранилось очень интересное свидетельство сестры Ткачева А. Анненской, в котором говорится: «Он со всем пылом молодости ненавидел господствующий в России режим и находил, что для обновления страны необходимо ни мало ни много как уничтожить всех людей старше 25 лет» (Варшавский В. С. Родословная большевизма, 1982, с. 20).

Ленин не был так циничен, но философия террора Ленина была недалеко от такой постановки вопроса,

ибо он, к сведению всей России, повторял лозунг народников-террористов: «Кто не с нами, тот против нас». Поскольку «законы классовой борьбы» не знают, по Ленину, пощады к противникам, то судите сами, куда завела бы Ленина его террористическая философия, если вспомнить, что уже при советской власти более 76 процентов российских избирателей во время выборов в Учредительное собрание голосовали против большевиков. Ведь если делать политику по лозунгу Ленина, то создалось бы абсурдное положение, когда невозможно ни уничтожить, ни даже закрыть в концлагеря две трети населения страны. К тому же не так понимали марксистские учителя Ленина «законы классовой борьбы» при переходе к социализму. Мы уже писали об отрицательном отношении основоположников марксизма к тайным организациям и политическим заговорам. Писали и о том, как Маркс и Энгельс выдвинули тезис, что в демократических странах (Англия, Америка, Франция, Швейцария и Голландия) к социализму можно прийти при помощи мирных средств. Этим самым они пересмотрели и свои старые взгляды на террор якобинцев и народников. В письме Марксу от 4 сентября 1870 года Энгельс писал: «Террор представляет собой большей частью бесцельную жестокость людей, которые сами напуганы и стараются успокоить себя. Я убежден, что в царстве террора во Франции 1793 г. были почти целиком повинны сверхнервные буржуа, выступавшие как патриоты, мещане из мелкой буржуазии, пачкающие свои штаны от страха, и сброд, делавший из террора выгодное дело».

Весь верхний командный этаж ленинской партии как раз и состоял из буржуазно-дворянских сынков (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Дзержинский и другие). Рабочий народ сюда редко попадал (Шляпников, Томский, Федоров). Средний этаж весь состоял из «сброда» вроде Кобы — Сталина и его бандитского окружения. На нижнем этаже обитала «пролетарская масса», которая не имела ни малейшего представления, что это за штука «диктатура пролетариата» и какой «социализм» она ей готовит. Зато гениальный Толстой угадал, какой социализм готовят России русские марксисты, когда заявил в «Русском богатстве» в 1891 году: «При социализме придется учредить такое количество чиновников, что они

съедят 3/4 всего того, что будет заработано людьми» (вот данные из советской печати: 18 миллионов бюрократов проедают ежегодно 40 миллиардов рублей!). Ленин, конечно, выдумал свою революцию и свой «казарменный коммунизм» не для наказания несогласных с ним русских людей, а как благо для них и для всего человечества. Но проблема не в том, что Ленин хотел, а в том, что он сделал. Он начал прокладывать дорогу пролетариату в рай на земле через трупы миллионов «непролетариев». Он мог сказать, как и его учитель Бабеф: «Любовь к революции убила во мне всякую другую любовь и сделала меня жестоким, как дьявол». Русские марксисты во главе с Лениным восхищались якобинским террором и были падки на заимствования их учреждений, терминологии и политических ярлыков, таких, к примеру, как пресловутый термин «враг народа». Этот термин Ленин впервые употребил как криминальное обвинение против партии русского классического либерализма и демократии — против кадетов — буквально на второй же день после прихода к власти. Как известно, вся философия тирании Сталина была построена на априорности истины: человек, которому наклеили ярлык «враг народа», — уже враг, и доказывать это фактами и уликами не требуется. Большевики только отказались перенять у французов гильотину, зрелище, чуждое русскому менталитету. Чекисты кончали с врагами тайно и оптом из револьверов и винтовок в подвалах тюрем или в глухих лесах далеко от городов. Исходные позиции марксизма — гимн свободе и равенству — в социализме ленинских марксистов сработали «диалектически»: превратились в свои противоположности. В основе этой трансформации идей свободы и равенства в духовное и материальное рабство лежит — по Бердяеву — своеобразие русского исторического процесса. «Русская революция, — пишет Бердяев, — порождена своеобразием русского исторического процесса и единственности русской интеллигенции... Произошла русификация и ориентализация марксизма» («Истоки и смысл русского коммунизма»).

Литература о красном терроре, основанная на самих большевистских источниках, так велика, что нет никакой возможности сделать хотя бы ее краткий обзор. Для моей цели в этом нет и нужды. Меня интересует

философия и психология самого террора. Если гражданская война началась с разгона Учредительного собрания, то красный террор был объявлен только после убийства Володарского в конце июня 1918 года, то есть в ответ на индивидуальный и единичный террористический акт Ленин потребовал от своего заместника в Петрограде Зиновьева объявить массовый красный террор. Зиновьев отозвался в духе Ленина: «Буржуазия убивает отдельных революционеров, а мы уничтожим целые классы» (Шуб Д., с. 374). Нарком внутренних дел Г. Петровский направил местным Советам следующий приказ: «Надо покончить с сентиментальностью... Всех известных властям правых социалистов-революционеров надо немедленно арестовать. Из буржуазных и офицерских кругов надо арестовать значительное число людей в качестве заложников. При любом признаке сопротивления, при малейшем движении из белогвардейских кругов надо ответить массовыми казнями» (Еженедельник ВЧК. М., 1918, № 1).

Петроградская «Красная газета» писала в эти дни: «За жизнь одного нашего борца должны заплатить своей жизнью тысячи наших врагов... Хватит! Мы слишком долго возились с ними». Все лица, не согласные с большевиками, считаются без исключения «буржуями» и «белогвардейцами». Поэтому газета требует: «Зададим буржуазии кровавый урок... Товарищи матросы, рабочие и солдаты, уничтожайте остатки буржуазии и Белой гвардии, чтобы от них ничего не осталось. Лозунг дня гласит: «Смерть буржуазии!» (Шуб Д., с. 374). Еще до убийства Урицкого и до покушения на Ленина газета «Правда» от 4 августа писала: «Рабочие и бедняки! Возьмитесь за оружие, учитесь стрелять, готовьтесь против восстания кулаков и белогвардейцев. Восстаньте против всех, кто против Советской власти агитирует. Десять пуль против каждого, кто поднимет руку против нее. Господству капитала можно положить конец, когда перестанут дышать последние капиталисты, помещики, попы и офицеры» (там же, с. 375).

9 августа 1918 года Совнарком издает декрет за подписью Ленина о «создании особых частей из верных и преданных людей для развертывания беспощадного массового террора против кулаков, духовенства и белогвардейцев. Всех подозрительных заключить в

концлагеря» (там же, с. 371). Тогда последовало убийство Урицкого и покушение на Ленина (30 августа 1918 года). Газета «Известия» (19.10.18) сообщила, что в Петрограде расстреляно 512 заложников, в Нижнем Новгороде — 46 заложников, расстрелы происходили и в других городах (там же). На страницах газеты «Северная коммуна» Зиновьев заявил буквально следующее: «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, мы должны иметь собственный социалистический гуманизм. Мы имеем сто миллионов жителей в России под Советской властью. Из них девяносто мы должны завоевать на нашу сторону. Что же касается остатка, то его нужно уничтожить» (там же).

Всю суть философии красного террора и его политическое обоснование один из руководителей ВЧК, М. Лацис, изложил в печатном органе чекистов в следующих словах: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или лицо словом или делом против Советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее: к какому классу он принадлежит, откуда он происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция Красного террора» (журнал «Красный террор». М., 1.10.18).

Добавим от себя, что это есть и наиболее ортодоксальная интерпретация ленинизма в классовой борьбе, нашедшая свое революционно-правовое оформление в декрете Наркомата юстиции от 5 сентября 1918 года «О Красном терроре». В нем дается право местным властям заключать классовых врагов в концлагеря, а врагов советского режима уничтожать (S. Wolin and R. Slusser. The Soviet Secret Police. N. Y., 1954).

Таким образом, поводом для объявления всеобщего красного террора по всей стране Ленину послужил единичный акт убийства 20 июня 1918 года комиссара по печати и главного редактора петроградской «Красной газеты» В. Володарского. Ответом на начало этого террора и было убийство председателя петроградской Чка Урицкого 30 августа 1918 года поэтом Леонидом Каннегиссером и покушение в тот же день Фанни Каплан на Ленина. Ей было двадцать восемь лет, она принадлежала к партии эсеров и одиннадцать лет сидела в каторжной тюрьме за покушение на царского чинов-

ника. О своем мотиве она сказала, что хотела убить Ленина «за измену революции». Большевистская негласная пропаганда долго распространяла легенду, что добрый «гуманист Ленин не разрешил ее судить,— и действительно, ее не судили, расстреляли без суда и следствия, о чем с гордостью рассказывал ее палач комендант Кремля П. Мальков в эру Хрущева.

Даже победив в гражданской войне, Ленин не соби­рался прекращать красный террор. Яркие примеры тому — как Ленин реагировал на тамбовское восстание мужиков, доведенных комбедами и военным коммуниз­мом до отчаяния, а также на восстание «красы и гор­дости революции» — кронштадтских матросов, тех са­мых матросов, которые привели самого Ленина к влас­ти в октябре 1917 года. И этот террор никогда не был ответом только на «белый террор»; он еще носил и превентивный характер. Когда секретарь Коминтерна и долголетняя единомышленница Ленина Анжелика Балабанова, вернувшись из командировки в Киев, по­жаловалась Ленину, что там все еще пачками расстре­ливают украинских социалистов, Ленин хладнокровно ответил: «Разве вы не понимаете, что если мы не рас­стреляем этих лидеров, то можем оказаться в поло­жении, когда нужно расстрелять десятки тысяч рабо­чих» (А. Balabanoff, «Mein Leben». S. 188). Сказанное Балабановой подтверждают новые документы: обмен телеграммами между Троцким и Лениным в авгу­сте 1919 года, найденными в центральном архиве в Москве. Троцкий телеграфирует Ленину о необходи­мости радикальной чистки в Киеве, Одессе, Николае­ве и Херсоне ввиду абсолютной невозможности форми­рования Красной Армии на Украине, если чекисты не ликвидируют там «бандитизма». Ленин ответил, что по решению Политбюро он направляет в распоряжение Троцкого несколько чекистских отрядов — для общей чистки Украины (журнал «Жовтень». Киев, 1989, май).

В бессмысленном, огульном и массовом терроре против совершенно невинных людей уличал большеви­ков Мартов на конгрессе Германской независимой со­циал-демократической партии в Галле в 1920 году в присутствии председателя Коминтерна Зиновьева. Вот выдержка из речи Мартова:

«В ответ на убийство Урицкого и покушение на Ле­нина, совершенные отдельными лицами в Петрограде,

где правительствует Зиновьев, казнены не менее восьмьсот человек. Это были офицеры, арестованные задолго до покушения и никакого отношения к ним не имевшие, к тому же арестованные не за контрреволюцию, а только за якобы их оппозицию против революции. (В зале оживление, крики по адресу Зиновьева: «Палач!», «Бандит!») Список этих людей опубликован в газете «Известия», и Зиновьев не может отрицать этот факт. Среди казненных был и рабочий, член нашей партии Краковский. Зиновьев не может также отрицать, что подобные же казни состоялись и во всех других городах России по прямому указанию из центра, которое изложено в циркуляре наркома внутренних дел Г. Петровского органам местной власти. Уже сам по себе факт, что жены и сыновья политических противников были также арестованы как заложники и многие из них из мести за действия их мужей и отцов были расстреляны, является доказательством масштаба террора» (Protokoll des ausserordentlichen Kongresses der Parter der Unabhängigen Sozialisten», Berlin, 1920. S. 216—217).

Террористическому разгулу с сотнями тысяч жертв по всей стране посвящена специальная монография «Красный террор в России» народного социалиста С. П. Мельгунова, в которой приведено много официальных документов и свидетельств из советской прессы. Тухачевский по приказу Ленина и Троцкого жестоко расправился не только с тамбовскими повстанцами, но и с их семьями. Вот пара документов по поводу тамбовского восстания. Приказ от 1 сентября 1920 года: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать в таких семьях всех с восемнадцатилетнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты будут продолжать выступления, расстреливать всех». Вот и другой документ, адресованный ко всем местным властям страны от имени ВЦИК от 11 июня 1921 года, который недавно приводил к печати писатель Владимир Максимов:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать без суда на месте.

2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит, подле-

жит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределить между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать».

Широко известна и кровавая расправа Ленина, Троцкого, Тухачевского и ведущих делегатов X съезда партии, которые одной рукой давали нэп, а другой устраивали кровавое побоище над теми, благодаря кому получили власть. Ленинский стратегический инстинкт самосохранения и на этот раз сработал безотказно, когда в Тамбове и Кронштадте Ленин увидел смертельную опасность для себя. Именно поэтому он так жестоко и беспощадно подавил оба восстания.

На X съезде (8—16 марта 1921 года) Ленин заявил, что Кронштадт, который восстал под лозунгом «За Советы без коммунистов!», — событие более опасное, чем думают сами коммунисты. Ленин правильно оценил ситуацию, ибо видел, что кронштадские матросы со своим зажигательным лозунгом попали в самую точку. Вся Россия думала именно так, как думали кронштадтцы, — после страшных лет террора коммунистической тирании, прикрывающейся именем Советов.

Кронштадт восстал за неделю до открытия съезда, 1 марта 1921 года. Восстанию предшествовало общее собрание матросов и солдат, на котором присутствовали около 15 тысяч человек. На собрании были приняты следующие требования к правительству Ленина — Троцкого: роспуск существующих и выборы новых Советов при тайном и свободном голосовании; свобода слова и печати для всех социалистических партий, как это было даже в царской России после 17 октября 1905 года; свобода собраний профсоюзов и крестьянских организаций; ликвидация института политкомиссаров в армии и во флоте; немедленное прекращение реквизиции хлеба у крестьян; объявление свободного рынка для крестьян. Аналогичные требования выдвигались не только в Кронштадте, но и во время крестьянских волнений и восстаний в ряде других районов России. В Петрограде было несколько рабочих забастовок и волнений, угрожающих перейти в восстание с теми же требованиями, что и у кронштадтских мат-

росов. Ленин почувствовал, что союз Кронштадта, Петрограда и крестьянской России — это уже второе издание Октября, на этот раз под новым лозунгом: «Вся власть Советам без коммунистов!». Вот почему Ленин на том же X съезде заявил, что один лишь Кронштадт является более опасным для судьбы коммунистического режима в России, «чем являлись Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые». Ленин даже не допускал, что такой умный и динамичный лозунг, как «За Советы без коммунистов!», — мог родиться в голове матросов, он подумал, что этот лозунг за них сочинил профессор Милюков в Париже!

Четыре года русско-германской войны плюс четыре года гражданской войны привели Россию на грань полной хозяйственной катастрофы. Ко всему этому Ленин всерьез решил построить в России социализм на этих руинах войны и поэтому ввел тотальное запрещение частной хозяйственной инициативы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Отсюда возможная катастрофа стала неизбежной. От голода началась массовая бегство рабочих из городов к родным в деревни, хотя и там жили несытно. Поэтому промышленные предприятия работали не в полную силу, а некоторые даже стояли. На металлургических предприятиях осталось только 50 процентов прежнего состава рабочих, с уральских предприятий ушло 37 процентов всех рабочих. Инфляция и соответственно цены на товары достигли астрономических цифр. Производство в сельском хозяйстве упало до 62 процентов довоенного уровня, урожай составил в 1920 году только 37 процентов необходимого для страны хлеба. Свирепствует голод с миллионами жертв. Петроград угрожает восстанием, Кронштадт уже восстал, а Ленин все еще хочет построить социализм!

Зиновьев в панике требует у Ленина двинуть против петроградских рабочих и кронштадтских матросов надежные части Красной Армии и чекистских войск. Тухачевский прибывает в Петроград, чтобы организовать военные силы, а «президент» Калинин — в Кронштадт, чтобы уговорить матросов не восставать против «собственной власти». Тухачевский действовал успешно, но Калинин встретил решительный отпор матросов. Вот репортаж современника по свежим следам событий. Один из матросов сказал «президенту»: «Почему

вы расстреляли наших отцов и братьев в деревне? Вам тепло. Вы и комиссары живете во дворцах... Товарищи, я сам был коммунистом, но теперь разгоним фальшивых коммунистов, натравливающих рабочих на крестьян, а крестьян на рабочих. Надо положить конец расстрелам наших братьев». Другой матрос, Петрешенко, под бурные аплодисменты митинга заявил протест против расстрела рабочих Петрограда и крестьян в деревнях. В заключение он внес резолюцию, осуждающую коммунистическую диктатуру. Резолюция была принята единодушно. «Арестуйте их,— сказал Петрешенко, обращаясь в сторону Калинина и сопровождающих его комиссаров. Калинина отпустили, но некоторые сопровождающие комиссары были арестованы» (Гуль Р. Тухачевский. Берлин, 1922).

5 марта 1921 года кронштадтцы создали Революционный комитет из 15 человек. Во главе шестидесяти-тысячной отборной армии чекистских и воинских частей Тухачевский прибыл в Петроград, где разоружил весь Петроградский гарнизон и направил матросам и солдатам следующий приказ Троцкого:

«Я приказываю всем тем, кто восстал против социалистического отечества, немедленно сложить оружие, кто откажется, тот должен быть разоружен и передан представителям Советской власти. Немедленно должны быть освобождены все арестованные комиссары. Только те могут рассчитывать на милость Советской республики, кто безусловно капитулирует. Одновременно я издаю приказ для подготовки подавления восстания и уничтожения мятежников вооруженными силами. Вся ответственность за жертвы мирных людей падает на голову белогвардейских мятежников. Это последнее предупреждение».

В это время власть в Кронштадте была в руках Революционного комитета во главе с названным выше Петрешенко. Кто входил в состав Революционного комитета? Вот список его членов: 9 матросов, 4 рабочих, 1 санитар, 1 школьный директор; почти вся коммунистическая организация Кронштадта тоже присоединилась к восстанию. Вот их-то вместе с Революционным комитетом Троцкий называет белогвардейцами! Кронштадт твердо рассчитывал на поддержку рабочих и солдат Петрограда, но тут Зиновьев и Тухачевский приняли суровые предупредительные меры. Зиновьев

объявил Петроград на осадном положении и одновременно издал приказ: разгонять любые собрания рабочих, а демонстрантов расстреливать. Тухачевский издал другой приказ: начать бомбардировку Кронштадта с самолетов и артиллерией. Троцкий, Тухачевский, Зиновьев явно спешили, ибо через пару недель, когда растает лед, трудно было бы взять островную крепость. На интенсивную бомбардировку, непрерывный артиллерийский огонь и ультиматум Троцкого Революционный комитет обратился и к внешнему миру с воззванием, в котором говорилось: «Фельдмаршал Троцкий, весь в крови рабочих, первым открыл огонь по революционному Кронштадту, который восстал против коммунистического правительства, чтобы восстановить истинную Советскую власть» (Правда о Кронштадте 1921, с. 20).

Началось концентрированное наступление всех родов войск против маленького, но мужественного гарнизона, который отстаивал буквально каждый дом со всех сторон окруженной крепости. Следующее свидетельство принадлежит самому Тухачевскому:

«Я был пять лет на войне, но я не могу вспомнить, чтобы когда-либо наблюдал такую кровавую резню. Это не было большим сражением. Это был ад. Тяжелая артиллерия всю ночь непрерывно грохотала, и снаряды взрывались так оглушительно, что в Ораниенбауме были снесены стекла всех окон. Матросы бились как дикие звери. Откуда у них бралась сила для такой боевой ярости, не могу сказать. Каждый дом, который они занимали, приходилось брать штурмом. Целая рота боролась полный час, чтобы брать один-единственный дом, но когда его наконец брали, то оказывалось, что в доме было всего два-три солдата с одним пулеметом. Они казались полумертвыми, но, пыхтя, вытаскивали пистолеты, начинали отстреливаться со словами: мы мало уложили вас, жуликов!» (Гуль Р. Тухачевский, с. 173—174).

Революционная и боевая слава кронштадтских матросов — гарантия тому, что Тухачевский не сгущал здесь красок. Только 17 марта Тухачевский мог доложить Ленину и Троцкому, что Кронштадт лежит в руинах, его улицы усеяны тысячами трупов, попавшиеся в руки чекистских войск расстреляны на месте, другие взяты в плен, некоторым удалось бежать в Финляндию.

Вот тогда только Ленин дал стране нэп, но с категорической оговоркой: нэп не стратегия, а тактика, не программа, а пауза, вынужденная передышка для подготовки нового коммунистического наступления.

Существуют некоторые исторические легенды, связанные с интерпретацией характера как военного коммунизма, так и нэпа. Сейчас в связи с перестройкой создается еще одна новая легенда вокруг того же нэпа. Посмотрим на суть таких легенд и насколько они оправданы. Советские исторические учебники твердят, что военный коммунизм был временным чрезвычайным мероприятием, связанным с трудностями снабжения как Красной Армии в гражданской войне, так и рабочих в городах в условиях нехватки продуктов и товаров. Нет ничего ошибочнее, чем такое утверждение. Гражданская война кончилась в 1920 году, но Ленин и не заикался, что режим военного коммунизма будет когда-нибудь отменен. Троцкий пишет, что еще в феврале 1920 года он внес в ЦК предложение об отмене военного коммунизма, но Ленин выступил решительно против этого. Оно было отвергнуто ЦК одиннадцатью голосами против четырех (Троцкий Л. Моя жизнь, ч. II, с. 199).

И тот же Троцкий через месяц на IX съезде в полном согласии с Лениным называет военный коммунизм с «трудовой армией» в промышленности — «столбовой дорогой к социализму». Более того, вопреки другой легенде, что X съезд партии в 1921 году объявил нэп, на этом съезде не было произнесено вообще слово «нэп», а было принято решение вместо продразверстки ввести продналог. Это, конечно, был большой шаг в направлении будущего нэпа, но еще не сам нэп. Согласно этому решению после сдачи государству определенной процентной нормы хлеба крестьянин получал право на обмен своих хлебных излишков на другие товары, но подчеркивалось, что «обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Только через два месяца, на X партконференции в конце мая 1921 года, Ленин заговорил в полный голос о радикальном повороте в советской экономической политике от военного коммунизма к нэпу, не отказываясь вернуться обратно к режиму военного коммунизма, как только методами нэпа будет восстановлено разрушенное внешней и гражданской войнами народное хозяй-

ство страны. Партийные идеологи, как и мы, точно знают, что для Ленина режим военного коммунизма с его военно-полицейскими методами — единственный путь к социализму, ибо добровольно социализм Россия не приняла, что и доказали гражданская война, Тамбов, Кронштадт, Петроград. Ленин откровенно признался, что он просчитался, думая, что социализм можно построить по приказу, путем насилия. Вот это признание Ленина в его выступлении 17 октября 1921 года: «Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение... Если мы эту задачу пробовали решить напрямиком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 165).

Однако Ленин не капитулирует. Он категоричен в своем решении строить социализм, но уже комбинируя насилия из арсенала «диктатуры пролетариата» с мирными методами «диктатуры рынка» как внутреннего, так и внешнего капитализма (аренды, концессии и т. д.). Эту концепцию нэпа он образно выразил в том же выступлении: «Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой» (т. 44, с. 165). Да, Ленин говорил, что мы вводим нэп «всерьез и надолго», но он никогда не говорил, что мы вводим его навсегда. Правда, и сам Сталин говорил, защищая нэп против Троцкого, Зиновьева, Каменева, что мы нэп ввели на «целый исторический период», и записал это в решении ЦК, но через года два-три он же его и ликвидировал, ссылаясь, и вполне справедливо, на того же Ленина. Собирался ли Ленин в связи с нэпом отказаться от «диктатуры пролетариата», от однопартийной системы, от революционного террора, от концепции мировой революции? Реакция во внешнем мире в связи с ленинским нэпом допускала такое развитие, а русские сменовеховцы во главе с профессором Устряловым прямо пророчили, что большевизм в России перерождается. Сам Ленин к этому не давал никаких поводов. Вспомним классические высказывания Ленина как накануне, так и после введения нэпа — насчет его будущей стратегии. Незадолго до провозглашения нэпа Ленин сообщил «секрет» этой будущей стратегии: как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот. Вспоминая этот завет Ленина,

даже ЦК застойного времени устами одного из своих секретарей заявил: «Наша партия была и остается верной завету Ленина: делать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» (Правда, 23.4.69). Подводя итоги одного года нэпа на XI съезде партии (март 1922 года), Ленин заявил: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута... Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил (Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961, с. 23), с тем чтобы начать «наступление» (на частнохозяйственный капитал)» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 45, с. 413).

Ленин говорит, утверждение белогвардейского профессора Устрялова, что «нэп — это не тактика, а эволюция большевизма», приносит нам большую пользу; но что же касается меньшевиков, которые думают, что мы и всерьез отказываемся от принципов коммунизма и что они солидарны в этом с большевиками, то Ленин говорит, что таких меньшевиков «за публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а Бог знает что такое» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 25). Да, говорит Ленин, нэп — вынужденное и временное отступление, только передышка, не политическая стратегия, а экономическая тактика. И Ленин, цитируя одного из своих единомышленников, объяснил, в чем истинная цель его «перестройки»: «Мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать». Вот это — замечательные слова... Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками» (там же, с. 31).

Отразилась ли экономическая «перестройка» Ленина в политической структуре системы, расширились ли рамки диктатуры в сторону гласности и свободы совести — словом, отказался ли режим от физического и духовного террора как метода управления государством и обществом? Ясные ответы, данные Лениным, нынешние перестройщики цитируют неохотно, а террористическая практика Ленина периода нэпа вообще замалчивается, зато постоянно подчеркивается «гума-

нистический социализм» Ленина этого периода, от которого Сталин якобы отошел. Это глубокое заблуждение или намеренная дезинформация. Приведу здесь наиболее яркие примеры, хорошо известные историкам. В этой связи приходится обращаться к Хрущеву, которому принадлежит приоритет противопоставления «гуманиста» Ленина террористу Сталину. В своем докладе о культе личности на XX съезде Хрущев старается доказать, что Ленин уже в конце гражданской войны решил отказаться от террора и дал указания главе ВЧК Дзержинскому, чтобы Чека отказалась от практики массового террора. Хрущев говорил: «Ленин учил, что применение революционной силы обуславливается сопротивлением эксплуататорских классов; причем это относится к той эпохе, когда существовали эксплуататорские классы и обладали силой. Но как только политическое положение страны улучшилось, когда в январе 1920 года Красная Армия взяла Ростов и, таким образом, одержала победу над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому прекратить массовый террор и отменить смертную казнь». Хрущев ссылается на выступление Ленина на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года. Действительно, в этом выступлении Ленин мотивирует, почему был введен красный террор и почему теперь советская власть якобы решила отказаться от него. Вот выдержка из этого выступления Ленина в изложении Хрущева: «Террор был нам навязан Антантой, когда мировые могущественные державы обрушились на нас... Мы не могли продержаться и двух дней, если бы не ответили... офицерам и белогвардейцам беспощадным террором. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали». (На VIII съезде в 1919 году была принята новая программа с обещанием восстановить все политические свободы и права, как только будет подавлено «сопротивление эксплуататорских классов».)

Ну вот одержали окончательную победу над всеми врагами советской власти, изгнали из страны интервентов Антанты, объявили вне закона и посадили в тюрьмы даже тех левых меньшевиков и эсеров, которые вместе с большевиками боролись против Деники-

на, Колчака и Юденича, подавили восстания крестьян и кронштадтцев — кончился ли ужас перманентного террора? Факты опровергают утверждение Ленина:

1) смертная казнь не была отменена, произошла только смена вывески ненавистной народу инквизиции: Чека была переименована в ОГПУ, при котором была создана коллегия с чрезвычайными правами выносить, как и при Чеке, заочные смертные приговоры за одно лишь подозрение в контрреволюции или просто инакомыслии;

2) это Ленин дал приказ в разгар нэпа в 1922 году выслать из страны только за инакомыслие большую группу русской интеллектуальной элиты, среди которой было много знаменитых на весь мир ученых;

3) это Ленин написал членам Политбюро письмо от 19 марта 1922 года с требованием расправы над русским православным духовенством, которое оказалось настолько ужасным, что даже генсек Сталин не осмелился тогда выполнить требование Ленина во всем его объеме, а наследники Сталина испугались включить это письмо Ленина в ПСС Ленина, или в ленинские сборники, или хотя бы в Лениниану. Поэтому это письмо нам известно только из самиздата. Приведем выдержки из него: «Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников (в городе Шуе верующие не давали властям грабить церковные ценности. — А. А.)... был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров» (Вестник РСХД, 1970, № 98, с. 55—56);

4) в письме от 17 мая 1922 года тогдашнему наркому юстиции Д. Курскому Ленин сформулировал основной принцип «революционного правосознания» и пресловутой «советской законности» в будущей статье 58-й Уголовного кодекса, пользуясь которой Сталин уничтожал «врагов народа». Ленин писал: «Т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое... положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его

необходимость... Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 45, с. 190).

Всякий согласится, что Сталина можно обвинить только в том, что он был слишком скрупулезен в деле выполнения «советской законности», завещанной Лениным.

В русском революционном движении есть хорошо известный его участник, близкий знакомый семьи Ульяновых, потом соратник Ленина со дня возникновения большевизма — Г. А. Соломон. Этот высокоинтеллигентный и критически мыслящий большевик оставил после себя две книги очень интересных воспоминаний, когда, порвав с Лениным, еще раз очутился в эмиграции, — «Среди красных вождей» и «Ленин и его семья». Один диалог его с Лениным поразителен в обрисовке внутреннего психологического мира Ленина, который не очень дорожил своей властью над Россией да и самой Россией, а весь был погружен в утопию мировой революции. Соломон вспоминает:

«Когда вскоре после большевистского переворота я приехал в Петербург, я беседовал с Лениным: «Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров «Утопия», только в колоссальном размере, — я ничего не понимаю...» «Никакого острова «Утопия» здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства. Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А, вы пожимаете плечами! Ну так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, это только этап, через который мы проходим к мировой революции...» Я невольно улыбнулся. Он скосил свои узенькие маленькие глаза монгольского типа с горевшим в них ироническим огоньком и сказал: «Вы улыбаетесь! Дескать, все это бесплодные фантазии. Я знаю все, что вы можете сказать, знаю весь арсенал тех трафаретных, избитых, якобы марксистских, а в сущности, буржуазно-меньшевистских нелужностей, от которых вы не в силах отойти даже на расстояние куриного носа... Мы

забираем и заберем как можно левее!..» Улучив минуту, когда он на миг смолк, точно захлебнувшись собственными словами, я поспешил ему возразить: «Все это очень хорошо. Допустим, что вы дойдете до самого что ни на есть левейшего угла... Но вы забываете закон реакции, это чисто механический закон отдачи. Ведь вы откатитесь по этому закону черт знает куда!..» «И прекрасно,— воскликнул он,— прекрасно, пусть так, но в таком случае это говорит лишь за то, что надо еще более забирать влево!.. Это вода на мою мельницу...» (Соломон Г. А. Ленин и его семья, Париж, с. 45—46).

Эта запальчивая самоуверенность, эта бесшабашная левизна, это истинно русское шапкозакидательство «все нам нипочем», даже на Россию нам наплевать, когда в двери стучит «мировая революция» и «мировая советская социалистическая республика»,— разве все это было основано на реальном анализе мировой ситуации или это было результатом большой фантазии Ленина: «империализм — последняя стадия», «крах гнивающего капитализма»? Ведь Ленин и большевики не только фантазировали, они ведь и глубоко верили в свои фантазии, которые, вопреки Плеханову, победили в Октябре. Делая политический отчет ЦК XIII съезду партии в 1924 году, Зиновьев заявил:

«Было время, когда в момент Брестского мира даже Владимир Ильич считал, что вопрос о победе пролетарской революции в целом ряде передовых стран Европы есть вопрос двух-трех месяцев. Было время, когда у нас в ЦК все часами считали развитие событий в Германии и Австрии... Мы считали тогда — раз мы возьмем власть, этим самым завтра развяжем руки революциям в других странах».

Ленин в обоих случаях просчитался: мировая революция не состоялась и «социализм в одной стране» пошел на «выучку» к «гниющему капитализму». Правда, как известно из документов Ленина, прежде чем признать банкротство обеих вождельных утопий: «построения социализма» и развязки «мировой революции»,— попытался, явно на этот раз авантюристически, сделать фантастическое реальным: совершить «мировую революцию» штыками Красной Армии. Под лозунгом «Германский молот и русский серп победят весь мир» Ленин двинул Красную Армию во главе с

Троцким, Сталиным, Смильгой, Егоровым, Тухачевским в поход против Европы с точно сформулированной военно-стратегической задачей на первом этапе: «Дашь Варшаву! Дашь Берлин!». Когда на подступах к Варшаве Пилсудский разбил Красную Армию, поляки спасли Европу, а Ленину задали предметный урок: от мифа «мировой революции» надо отказаться если не навечно, то надолго. Более того... В мощном контрнаступлении польская армия перешла советские границы и продиктовала Советской России унижительный мир: 18 марта 1921 года был заключен Рижский мирный договор между Россией, Украиной и Польшей, согласно которому Россия уступила Польше Западную Украину и Западную Белоруссию да еще заплатила ей контрибуцию в сумме 30 миллионов золотых рублей. Последовавшие затем события в Кронштадте избавили Ленина и от мифа о социализме, если не надолго, то хотя бы на время.

Величие политических деятелей меряют не по их звонким лозунгам и торжественным декларациям, а по результатам их действий. Одни государственные деятели завоевывают бессмертие своими благотворными делами во имя человека и человечности, другие утверждают свое бессмертие в истории злодеяниями, но только в том случае, если эти злодеяния уникальны. По странности психологии человека имена сеятелей добра постепенно исчезают из его памяти, но имена великих злодеев остаются навсегда. В этом ряду имя Сталина бессмертно. Как оценит история основоположника античеловеческой тоталитарной системы Ленина, вопрос сложный, ибо хотя Ленин по жестокости из той же породы, что и Сталин, но Ленин не уголовник — он революционер, ослепленный утопией социализма.

Рассуждая в правовых категориях, ответственность Ленина за эпохальное несчастье России первична, Сталина — вторична. Благое намерение осчастливить страну на костях ее активного политического меньшинства и духовно-интеллектуальной элиты, как это делал Ленин в России, уже само по себе преступно и не может быть оправдано никаким «социалистическим раем» для уцелевших. Однако главную морально-политическую и уголовно-правовую ответственность Ленина перед народами бывшей Российской империи я вижу в другом: Ленин изобрел как раз тот тоталитарный ме-

ханизм государственной власти, пользуясь которым его наследники увековечили физический и духовный террор и почти на целый век выключили Россию из семьи цивилизованных и процветающих государств...

В. Крутов, Л. Верес

«ОТЦЫ-ОСНОВОПОЛОЖНИКИ» КОММУНИСТИЧЕСКОГО РАБСТВА

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ

Образ легендарного «броненосца» революции настолько широко всем известен, что, кажется, прибавить что-либо новое просто невозможно. Мы и не собирались поступать таким образом. Мы не искали «нового» Ленина в архивах. Здесь, как и в случае с двумя первыми членами марксистской тройки, авторы ограничивались подборкой и изложением проверенных и не вызывающих сомнения фактов с некоторыми собственными комментариями и примечаниями.

Третий «вождь» мирового пролетариата, потомственный дворянин Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился 22 апреля 1870 года в городе Симбирске, за что город был позднее переименован в Ульяновск, разделив судьбу Вятки, Нижнего Новгорода, Твери и многих других собратьев по несчастью. Отец будущего «вождя» Илья Николаевич Ульянов был крупным чиновником, действительным статским советником и занимал пост инспектора народных училищ Симбирской губернии. Мать, Мария Александровна Бланк, была дочерью врача. Детство Володи было таким же счастливым и радостным, как и у других состоятельных пролетарских вождей. Семья жила в огромном доме, денег хватало на все детские забавы, и поэтому Володя «не столько играл игрушками, сколько ломал их» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 21). В гимназии Володя учился прилежно. С другими «вож-

дьями» его роднит страсть к древним языкам и литературе.

Подобно Марксу, юный Ульянов в гимназические годы страдал «излишней замкнутостью» и «нелюдимостью». Сведения эти почерпнуты нами из гимназической характеристики Владимира Ульянова, подписанной Ф. Керенским, директором гимназии, в которой учился будущий Ленин. Сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова подтверждает характеристику Ф. Керенского, уверяя, что «больших приятелей у него (т. е. у Ленина.— *Примечание наше*) в гимназические годы не было...» (Воспоминания о Ленине, 1968, т. 1, с. 26).

Во всех официально-партийных биографиях Ленина неизменно приводится пример его занятий с чувашиним Охотниковым. Но одна маленькая деталь заставляет нас по-иному воспринимать сей просветительский жест будущего диктатора. Ульяновы отмечают бездарность и малоспособность обучаемого чувашина. Отсюда не исключена возможность занятий с чувашиним в целях самоутверждения и укрепления своей веры в интеллектуальное превосходство над окружающими.

Глубинный эгоизм, сдобренный верой в свою исключительность, делал юного Ульянова весьма язвительной личностью. Та же сестра Аня в простоте своей сообщает о том, что «...ее брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 26). Здесь наш герой сродни старшим коммунистическим первоапостолам. Вспомните, например, «насквозь проперченное сердце» позера Энгельса и неизменную привычку его старшего друга Маркса давать всем подряд, даже случайным прохожим, разного рода клички. Этим грязным делом никогда не займется ни один благородный человек с добрым сердцем. Привычку давать клички или насмеяться иными способами следует признать привычкой «вождей» к неуважению всех людей, кроме родственно близких.

Обойдя стороной идиллии счастливого Володиного детства и гимназической юности, перейдем к тому, с чего начал будущий «вождь» свою сознательную жизнь. А начал он ее с барства, хотя помещиком он был никудышным, ленивым и бесхозяйственным. Когда

Болоденька подрост, мамаша решила прикупить к старому имению еще одно, специально для любимого сына. Таким образом, к Кокушкину прибавилось Алакаевское имение. Новое семейное приобретение было сделано за счет старшего брата отца Ленина, владевшего пошивочной фабрикой в Астрахани. В первый год своего барствования Ленин проявил признаки некоторой активности: приказал завести породистый скот, посеять пшеницу и подсолнух. Но вскоре ему все надоело и он зажил беспечной жизнью провинциального барина, пустив дела на самотек. Обеспокоенной маме пришлось избавить сыночка от забот и нанять управляющего, коим оказался некий Крушвиц.

Ленинские крестьяне жили так «счастливо», что слухи об их жизни дошли до журнальной прессы. В частности, об отношении Ленина к «его» крестьянам можно судить по материалам «Исторического журнала», книга 4, где помещена интересная статья профессора Волина. Крушвиц отгородил «вождя» от «простолюдинов», очистив его марксистскую совесть возможностью получать деньги не лично от крестьян со всеми их вечными нуждами, бедами и просьбами, а через своего управляющего. Следует учесть — имение попало в ручки «вождя» уже после его ознакомления с марксизмом. И Ленин открыто демонстрирует нам свое эгосоциальное лицемерие. Он не эксплуататор, он только деньги берет. Вполне марксистская позиция.

Разница, конечно, есть. Выражается она в объекте эксплуатации. Помещик Ульянов не мог эксплуатировать рабочих, потому что был помещиком. До рабочих он потом доберется, а пока довольствовался плодами трудов «своих» крестьян. По молодости аппетит к власти развиться не успел, хотя первые признаки «вождизма» уже проклюнулись. Из Алакаевки Ильич решил осчастливить мир своим первым «историческим» трудом — статьей «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

Первый труд «вождя» редакция «Русской мысли» отвергла, усмотрев в статье всего-навсего плохой пересказ известной книги В. Е. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство» (Москва, 1891 г.). Уличение в открытом плагиате не образумило Ленина, и позднее он вовсе «передирал» с того же Постникова целые куски в свое «Развитие капитализма в России». Но,

как всем известно, марксистская совесть позволяет куда более худшие проступки. В сравнении с грядущим, эпизод с первым писательским грешком можно было бы и опустить, если бы грешок этот не был первым в ленинской публицистике. Всегда интересно знать начало того конца, к которому пришлось подойти вплотную.

Официальная лживая ленинская биография, написанная придворными деятелями ЦК КПСС для народа, содержит ряд мотивов, общих с такой же официальной биографией Маркса. Мотив непреходящей нищеты Ленина звучит хотя и ненавязчиво, но уверенно и постоянно. Он беден, отказывает себе во всех удовольствиях... Ложь. Чтобы не быть голословным, обратимся к исторически достоверным фактам, а факты, как говаривал сам «вождь», — вещь упрямая. Кто-кто, а Ленин знал, с какой силой противятся они любой неправде. Факты таковы: осиротелый барчук разъезжает по всей Европе и лечит свои ранние желудочные недуги у очень дорогого швейцарского врача. Потеряв кормильца, семья Ульяновых «бедствует», живя на одну маменькину пенсию. По советским масштабам, это не жизнь, а тихий путь на кладбище. Но не забывайте об особенностях марксистской нищеты. Несчастенькие то и дело навещают заграничные курорты и на свои нищенские нужды тратят в месяц по годовому заработку любезного пролетария.

В «трудолюбивой» семье Ульяновых все ее отпрыски начинают работать ненормально поздно, да и то нерегулярно. И Ленин и его братец Дима впервые пошли на службу в возрасте 28 лет, но вскоре оба работу бросили. Дима временно, а Володя надолго, пока не воссел на воровской трон деспота всея Руси и так далее. Многие дети рабочих к 28 годам имели уже по пятнадцать лет фабрично-каторжного стажа, а их будущий «вождь» мирно почитывал книжечки в тени липовых аллей своего имения или услаждал взор видами Швейцарских Альп.

Простодушные люди иногда приходят в телячий восторг, восклицая: «Ах, какой Ленин умный! Сколько прочитал, сколько написал!» Хотелось бы знать, сколько прочел бы и написал «вождь», вкалывая шесть дней в неделю по десять часов на каком-нибудь жестяном заводе. Неизвестно, сколько гениев литературы,

искусства, науки и политики выдвинули бы из своей среды рабочие и крестьяне, имей каждый из них такие же возможности к получению образования, столько же свободного времени и такую же марксистскую «нищету», как у товарища Ленина. Что попусту говорить! Когда еле тащишь с работы ноги, когда физическая усталость требует одного — еды и сна, много не попишешь, не почитаешь. А завтра шарманка заводится сначала. Один путь у рабочего — к проходной. Не в Бретань или Швейцарию. На завод и обратно. Вот маятник жизни трудящегося.

У трутней жизнь иная, даже в тюрьме. Ленин просидел в тюрьме 14 месяцев, после чего отбыл три года ссылки. Но какая это была тюрьма, какая ссылка!

Сестра «вождя» Анна Ильинична вспоминает: «К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно... даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь этой российской «санатории»...» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 53). Ухаживать за пострадавшим Володенькой съехалась вся его тунейдствующая семейка. Из аптеки ежедневно доставлялась швейцарская минеральная вода, из Императорской Академии наук, университета и крупнейших библиотек Петербурга, Москвы и даже зарубежья в изобилии девятым валом валили какие угодно книги.

Благодаря неустанным заботам, у «несчастливого» узника порою возникали серьезные продовольственные проблемы. 12 января 1896 года Ленин пишет очередное скорбное послание сестре Анне. «Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открывать торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции со здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеб я ем очень мало, стараюсь соблюдать диету, а ты принесла мне

такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю...» (Ленин В. И. ПСС, т. 55, с. 17).

Ильич не пользовался общим тюремным бельем. У него было свое, причем в изобилии, и через день он просит в письме к сестре белья больше не высылать. Зубы лечить приходил в тюрьму домашний врач «вождя», который мог приходиться к Ильичу в любое время дня. Гардероб узника был так велик, что часть одежды пришлось вернуть сестре и матери во время их очередного посещения. Не знал Ильич арестантской одежды. Щеголял в изящной «троечке», распивал чай и спокойно занимался своими экономическими исследованиями. Весь день свободен, никаких принудительных работ. Писательство Ильича тюремным начальством поощрялось. Цензура была так слаба, что «вождю» никогда не приходилось прибегать к изощрениям и тайнописи при переписке, а книгу вообще никто не проверял, что хотел, то и писал. Количество отсылаемых и получаемых писем не ограничивалось. Сидя в своем «санатории», Ленин переписывался с кем угодно. Разрешалась и заграничная переписка. Дважды в неделю свидания с родными, трижды — передачи.

Ленинский «каземат» был светел, чист, сух и просторен. По гигиеническим нормам РСФСР в таком «каземате» без ущерба для здоровья могли бы проживать три российских пролетария. Правда, русскому рабочему по советскому закону для здоровья достаточно много меньше жилой площади, чем, скажем, украинцу или узбеку, но даже по украинской гигиенической норме Ленин имел явный избыток жилплощади. Одним словом, Ильичу жилось в тюрьме неплохо. Совлюди сейчас и на «воле» так не живут. «Вождь» покинул свой «каземат» окрепшим физически, полным сил и энергии. Впереди было увлекательное путешествие в Сибирь, где ему полагалось отбыть три года ссылки.

Заботливая мама выхлопотала для сыночка ряд существенных привилегий. Сначала Володенька три дня отдыхал в Петербурге, затем три дня гулял по Москве и только после этого отбыл наконец в ссылку. Мамаша замолвила за сыночка угодливое словечко, и Володеньке разрешено было ехать в Сибирь за свой счет, свободно, первым классом, с комфортом, остановками в разных городах и, разумеется, без конвоя. До

Тулы «вождя» сопровождала мама и другие родственники. Дальше Володя ехал сам.

Мама позаботилась о сыночке и в другом отношении. Узнав, что Шушенское и окрестности являются лучшим по климату местом в Восточной Сибири, она упросила направить Володеньку именно туда. Следовательно, место ленинской ссылки было определено не царскими «сатрапами», а любезной матушкой нашего «героя».

Все ли ссыльные пользовались такими льготами? Нет. Исключение было сделано только для потомственного дворянина Владимира Ульянова. У него и денег куры не клевали, мог тратить без оглядки. У других денег не было, особенно у товарищей пролетариев. Всех ленинских друзей отправили в Сибирь по этапу, под конвоем, в зарешеченных вагонах. Во время остановок для пересадки их аккуратно заковывали в кандалы и вели с вокзала в местную тюрьму. Никаких экскурсий и губернаторско-купеческих банкетов у них не было. Первые жертвы марксистско-ленинского обмана не питались в ресторанах, а ели казенную тюремную баланду. Большинство из них было распределено туда, куда Макар телят не гонял, места самые гибельные и необитаемые.

Почему «вождь» из чувства солидарности не разделил участи своих «низовых» товарищей? С нашей точки зрения, произошло это по причине врожденной трусости, эгоизма и шкурного лицемерия господина Ленина. Мамаша услышала где-то слова одного старого ссыльного: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда». Мамочкины слова насмерть перепугали пламенного революционера. Мама же заявила, что если он поедет этапом, то сильно ее огорчит. «Вождя» долго уговаривать не пришлось, и он твердо решил ехать первым классом. В свое оправдание Ильич придумал довольно-таки циничный довод. Он, видите-ли, увильнул от этапа, бросив своих верных друзей, потому, что ему чуждо рыцарское позерство и он решил сохранить силы для будущей борьбы. Помните товарища Куно, прикрывавшего свою трусость ссылкой на дуэль, как пережиток феодализма? А Маркс, по той же причине сбежавший из дому? Трусы и подлецы своим низменным поступком стараются всегда находить самые «высокоидейные» оправдания.

Силы свои Владимир Ильич сохранил прекрасно. «Несмотря на дьявольскую медлительность передвижения, я утомился дорогой несравненно меньше, чем ожидал. Можно сказать даже, что вовсе почти не утомлен. Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до С.-Петербурга и то измают» (Ленин В. И. ПСС, т. 55, с. 22—23). О своих же товарищах, месяцем позже прибывших по этапу, «вождь» говорит, что они «бледны, желты, утомлены страшно» (Ленин В. И. ПСС, т. 55, с. 30). Об их состоянии Ленин пишет со слов очевидцев. Вот когда внутренне порадовался «вождь». Пока его товарищи задыхались в тюремных вагонах, Ильич бездельничал в Красноярске, навещая библиотеку купца Юдина. О том периоде своей жизни «вождь» сообщает своей мамочке следующее: «Про себя ничего нового написать не могу: живу по-прежнему, шляюсь в библиотеку за город, шляюсь по окрестностям для прогулки, шляюсь по знакомым, сплю за двоих,— одним словом, все как быть следует» (Ленин В. И. ПСС, т. 55, с. 28).

Место ссылки Ильича сибиряки за здоровый и мягкий климат нарекли «Сибирской Италией». Такое обстоятельство радует «вождя», но, в то же время, ему как бы немножко совестно. Излишество привилегий может повлиять на его вождистский авторитет. Надо предпринять какой-нибудь маневр для обеления себя в глазах покинутых друзей. Ильич делает вид, будто желает выпросить в «Сибирскую Италию» еще кого-нибудь. Вялая просьба «вождя» о переводе поближе к нему двух его друзей была сделана, скорее всего, для отвода глаз. Не думала хлопотать за Володиных друзей и чадолюбивая матушка. Впоследствии обнаружится, что Ильич вовсе не сожалел о неудаче своей братской помощи товарищам и не горел желанием видеть их во что бы то ни стало. Когда в ответ на его просьбу «вождю» предложили самому переехать поближе к своим друзьям, он категорически отказался. Зачем? «Вождь» жил в Шушенском с женой и тещей, ему было неплохо. Свидетелей его роскошных псевдомук не было, а на глазах его друзей нужно было вести себя иначе — прибедняться, чтобы никто денег не просил, юлить, лицемерить. К тому же в ссылке Ильич жил, как барину полагается, с прислугой. А товарищи могли упрекнуть в эксплуатации трудящихся.

Надо сказать, при царе в ссылке никого работать не заставляли. Каждый ссыльный получал ежемесячный оклад от правительства, и этих денег хватало на оплату жилья, питание и кое-какую одежду. В Шушенском за Лениным практически никто не наблюдал. Начальство разрешило ему разъезды в радиусе 150 верст от места ссылки и поездки к врачам в Минусинск или Красноярск. Почти все ссыльные устраивались на работу, поскольку для хорошей жизни 8 рублей в месяц было маловато. Ленин в работе не нуждался. Мама слала ему одну сумму за другой, продукты стоили копейки, и в результате Володя стал толстеть не по дням, а по часам.

В одном советском собрании ленинских восхвалений сестра Анна без тени стыда пишет о «скудном» питании «вождя» в ссылке, о его нужде и скромном образе жизни. В глаза врет о том, что братец ее жил всего на 8 рублей (царского пособия для политических ссыльных.— *Примечание наше*). Почему же тогда Ильич растолстел, почему пишет той же Анне: «Я устроился здесь настолько хорошо (и несомненно, лучше всех остальных товарищей), что беспокоиться маме совсем нет резон...» (Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 40).

Когда через год ссылки к «вождю» прибыла жена с тещей, первое, что произнесла теща при виде своего страждущего зятя, было: «Эк, вас разнесло!». «Он (т. е. Ленин.— *Примечание наше*) ужасно поздоровел и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере»,— писала Н. Крупская матери Ильича в мае 1898 года. А в июньском письме добавляет: «Вообще теперешняя наша жизнь напоминает «формальную» дачную жизнь... Ну, да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи, в Питере-то я его привыкла видеть всегда довольно прихрапывающим».

Письма и воспоминания Крупской содержат немало правдивых сведений о «скудном» питании и образе жизни ее супруга в сибирской ссылке. «Заседатель — местный зажиточный крестьянин — больше заботился о том, чтобы сбыть нам телятину, чем о том, чтобы «его» ссыльные не сбежали. Дешевизна в этом Шушенском была поразительная... Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича уби-

вали барана, которым кормили изо дня в день, пока всего не съест; как съест, покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте... рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю... Молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича и для его собаки, прекрасного гордона Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякий другой собачьей науке... Мы переехали вскоре на другую квартиру — полдома с огородом наняли за четыре рубля» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 238). Добавим к этому рациону приносимых Ильичом с его почти каждодневной охоты зайцев, уток, дупелей и прочее, что в изобилии водилось в окрестностях Шушенского, свежую рыбу, овощи прямо с огорода. Было с чего растолстеть.

Если бы советская власть учинила каждому трудящемуся такой ленинский голод — в стране вскоре исчезли бы все бараны, телята и последняя лесная дичь. Ленинский голод советскому рабочему не под силу. Один баран стоит сейчас целую месячную зарплату, а полтеленка еще больше. О дупелях, утках да тетеревах лучше помолчать. Кто-то может и видал, как обкомовец едал да приговаривал: «Вкусны тетеркины грудки!» Обратите внимание, Ленин уже в те времена жил почти как современный секретарь обкома. Еда в изобилии поставлялась ему прямо к столу. Его революционная теща не занимала с ночи очередей за мясом, которого может и не быть. Жена не дралась в давках у прилавков за отделенные от мяса кости. Хорошо кормил царь своих врагов, от пуза, чтоб не иссякла их ретивость в борьбе за коммунистические идеалы. Трудно сказать, на какой диете сидел наш болезный «вождь», ежели умудрялся один за неделю съедать корыто натуральных телячьих котлет или целого барана, присовокупляя несметное число шанег и разной дичи.

У господ Лениных, как и полагалось во всех дворянских семьях, была прислуга. Мужик, правда, в полевой сезон уходил, а вот «девка» служила исправно. Барину и его барыням прислуживала «тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 239). Тяжела ссылка. В доме здоровый, молодой и упитанный мужчина, две женщины. Никто не работает, только шляются по окрест-

ностям да поют песенки. Снизойдет блажь — напишут чего-то, а потом что спать, что есть — каждый за двоих. Им и полы выскобли, и обед приготовь, и постирай, и белье почини, и в огороде прополи, и телятину руби, дрова таскай, руби, печь топи да выгребай, чисть клозет, свежую постель стели — и все за два рубля с полтиной в месяц. Революционной семье эксплуатировать детский труд было совсем не стыдно. Спокойно взирал будущий дедушка Ленин, как худящая Паша губит свое детство, от зари до зари прислуживая трем взрослым господам. Его мужское достоинство не страдало от того, что маленькая девочка носит тяжелые ведра с водой, заполняя бочки для ежедневной баньки, снимающей усталость после прогулок с ружьем, женой, собакой и тещей по окрестной местности. Мужик Сосипатыч вскоре занемог и умер, после чего Паше пришлось за ту же плату делать и Сосипатычеву работу. Наглая была семейка, богатая и ленивая, к черной работе брезгливая.

«Всевые подруги» новых «вождей», ведя господский образ жизни, имеют основания не краснеть, потому что сам главный «основоположник» пользуется прислужкой постоянно. И Энгельс. И Маркс. И Ленин. Все пролетарские руководители, равно как и жены их и тещи, никогда ничего «грязного» своими руками не делали. Нынешние соцлагерные «слуги народа» посчитали нужным уберечь эту славную революционную марксистско-ленинскую традицию и даже самовольно развить ее и усовершенствовать. Марксу и Энгельсу прислужу оплачивали рабочие, купцы и фабриканты. Ленину — царское правительство (три года), рабочие, крестьяне, купцы и фабриканты. В наши дни прислужу соцлагерных «вождей» и «вождят» содержат все, с кого только можно удержать государственный налог или выжать золотой пот с дармового труда на «красных субботниках». Обслуживающая партократов челядь числится в рабочих. За их услуги сынкам, женам и тещам «слуг народа» им полагается приличное вознаграждение, ряд особых льгот и пенсия, как будто эти люди работали не на семьи партийных начальников, а для государства. В коммунистических странах трудящиеся вынуждены содержать не только партийных паразитов, но и всю несметную придворную челядь.

В рассказе о тяготах ленинской ссылки следует сделать еще один упрек сестре Ильича Анне. Ложь ее свидетельских «откровений» можно высчитать на пальцах. Анна писала, что Ильич жил в ссылке на 8 рублей в месяц. Четыре рубля за полдома с огородом, два с половиной «девке», Паше. Выходит, «вождю» оставалось полтора рубля в месяц. По полтиннику на душу? И на оплату красноярских врачей, и на обильную еду, и на одежду, на разъезды, на патроны к ружью, наконец. Кто жил один, без прислуги, и довольствовался углом в избе, а не домом с огородом, тот, чтобы купить к зиме шубу, обязательно должен был где-то работать. Одному ссыльному трудно было прожить на 8 рублей в месяц, а Ленин с семейством жирели втроем с полутора. Полноте врать, Анна Ильичина!

Будучи в ссылке, «вождь» явно не перегружал себя теоретической работой, писал не спеша. Учитывая три года вольной и бездельной жизни, написал совсем не много. «Минюга» (партийная кличка Надежды Крупской) и ее мама вообще ничего не «творили». Ели, спали, гуляли, давали указания прислуге и болтали с приезжающими революционными предноменклатурниками. Какой трудовой человек не позавидует в душе ленинской участи? Кто не пожелает хотя бы годок отдохнуть всей семьей в сытости и комфорте, среди красивой природы, в тиши и блаженстве, без забот и хлопот? Грешным делом, авторы согласились бы на такое «наказание» хоть сейчас, даже без прислуги. Чай, не господа Ленины, как-нибудь перебежмся. Нет у нас марксистско-ленинского опыта эксплуатации малолетних, да и совесть не та. Сами все сделаем, дайте только полдома с корытом телятины. Выживем.

Дупеля, тетерки... Наверное, очень вкусно. Но время шло, и кончилась коту масленица. 29 января (11 февраля) 1990 года, скормив Женьке последнюю шанежку, Ильич спрятал белые ручки в тещину муфту и покатил с ветерком. Впереди Псков, Мюнхен, Лондон, Женева, Париж, Краков, Берн... Деловые поездки в Брюссель, Берлин, Копенгаген, Стокгольм, Вена, Прагу, Цюрих, Штутгарт и Базель. В июле 1990 года Ленин покидает Россию.

Как видим, Ильич изрядно помотался по Европе. Издавал газеты, организовывал съезды и конференции,

сколачивал единомышленников, отбирая среди них наиболее исполнительных и пригодных для выполнения любых поручений. Согласно официальной легенде, Ильич был скромн и самокритичен. По иным сведениям, он был изрядно самолюбив, ехиден и не терпел никаких мнений, расходящихся с его собственными. Царская тайная полиция не нуждалась в легендах о ленинской скромности. Она учитывала его реальный характер. Именно поэтому тайной полиции удавалось постоянно держать около Ленина своих работников, которых Ильич обожал и без устал и нахваливал. С людьми, имеющими независимую мыслительную позицию, Ленин постоянно враждовал, понося их самыми вульгарными словечками.

Совсем иное отношение было у «вождя» к самым верным и безотказным товарищам. Любимцы Ленина — Малиновский, Черномазов, Житомирский, Брендинский, Романов и Шурканов — были агентами царской тайной полиции. «Парни хорошие... Можно, ей-ей можно с такими людьми построить рабочую партию...» (Ленин В. И. ПСС, т. 48, с. 140). В их число однако затерся Иосиф Сталин. Этого деятеля впоследствии узнает весь мир, и узнает не с лучшей стороны. Все остальные товарищи, как меньшевики, так и большевики, — в чем-то обязательно «неверные». Тот ренегат, тот предатель, а Троцкий в глазах Ленина превратился в Иудушку, хотя, на наш взгляд, в кого еще ему из самого себя можно было превратиться? Ленин бранил Троцкого несмотря на то, что тот руководил ликвидацией Временного правительства России, освобождал «вождю» путь к восшествию на большевистский престол. Не будь «вождь» столь самолюбив, мы не имели бы ни одного из вышеприведенных фактов.

Ленин был великим обманщиком. Юродствующее лицемерие «вождя» и всей его семейки немало способствовало успеху многих его обманов. Ленину удалось ввести в заблуждение миллионы людей, и в этом он воистину велик. Его ложь не застыла мертвым фактом на анналах истории. Ленин умер, а ложь его жива. Обман продолжается. Тысячи платных хранителей ленинской лжи поддерживают ее жизнь изо всех сил, притом так эффективно, что пороку кажется, будто она моложе, здоровее и сильнее, чем при жизни ее первоносителя. Уходят годы, и вместе с ними уходят из

жизни последние честные свидетели ленинской жизни и его деяний. В силу этого официально разрешенная легенда о добром дедушке Ленине почти безущербно витает над мавзолеейной мумией, создавая все более и более типичный идеализированный образ коммунистического святого.

Но вернемся к Ленину живому. Итак, Ильич очутился в эмиграции. Что стоило выехать за пределы России поднадзорному дворянину Ульянову, отбывшему тюремное заключение по политической статье и только что вернувшемуся из ссылки? Никаких забот, никаких хлопот. Купил заграничный паспорт, захватил с собой денег и вещей, сколько мог увезти,— и поехал. Никто не лишал его ни российского паспорта, ни российского гражданства, хотя он только тем и занимался, что нарушал законы и в открытую поносил царя и правительство. Родственники и друзья Ленина систематически навещали его в эмиграции, совершая свои вояжи абсолютно беспрепятственно. Имея на руках законный паспорт, Ленин мог ездить с ним куда угодно и жить в любом желаемом месте. В наше время столь крупной льготой пользуется только диссидентская элита, в награду за свою деятельность высылаемая из Союза с полноценными «серпастыми и молоткастыми» в карманах.

Для Ленина главное неудобство в эмиграции сводилось к необходимости сокрытия своего материального благополучия. Кстати, при жизни «вождя» не было и легенды о его постоянных материальных затруднениях. Миф о «бедствиях» Ильича был создан позднее, после 1924 года. Здравый смысл запрещает нам верить в сказку, будто неимущий господин Ленин мог подолгу жить на швейцарских курортах и снимать квартиры в «дорогих» городах Европы, издавать свои газеты и без конца колесить из одной страны в другую. За все нужно платить. В том же прекрасном Париже бывали случаи, когда русские рабочие, эмигранты-социалисты, от голода сходили с ума. Некоторые, не выдержав тяжести материальных невзгод и голода, кончали жизнь самоубийством. Например, московский рабочий Пригара бросился с моста в Сену.

Ленин знал о бедствиях рабочих-большевиков в эмиграции, но никому из них не помог. Он придерживался мнения, согласно которому партия — не благо-

творительное общество и не «Армия спасения». Конечно, о Горьком нужно было заботиться, проверяя, не сырая ли у него простыня. Горький имел большие деньги, и Ленин потихоньку вытягивал у него для своих нужд весьма крупные суммы. В таких случаях Ильич, подобно Марксу, часто действует через подставных лиц. В частности, в письме к А. Богданову Ленин просит последнего выудить деньги у Алексея Максимыча. «Помощь в первые месяцы нужна дьявольская... Не забывайте этого и тащите (особенно с Горького)...» (Слова в скобках подчеркнуты Лениным) (Ленин В. И. ПСС, т. 47, с. 5—6). Речь здесь идет, разумеется, не о помощи голодающим большевистским эмигрантам. В том же письме подтверждается глубокий эгоизм Ленина и его наплевательское отношение к безопасности других людей. Когда Ленин прибыл за границу, то по соображениям сверхконспирации не общался ни с одной зарубежной колонией, при возможности квартиры снимал под чужой фамилией, скрывал свое имя и национальность. Эти перестраховочные меры, как известно, оказались напрасными, они продемонстрировали не столько конспиративное мастерство «вождя», сколько его трусость. Себя он прятал, как мог, а вот рабочим, живущим в России, рекомендовал открыто выписывать запрещенную газету «Вперед» на свои домашние адреса. Ленин пишет: «Надо добиваться также, чтобы рабочие непосредственно давали свои собственные адреса для посылки «Вперед» в конвертах... Полиция не в силах перехватить и десятой доли конвертов» (Ленин В. И. ПСС, т. 47, с. 7). А вдруг перехватит? Как быть с теми, кто заранее обрекался Лениным на полицейскую децимацию? У товарищей рабочих есть семьи, жены, дети. Арестуют рабочего, закуют в острог, кто будет кормить его детей? Добрый дедушка Ленин? От его щедрот один путь — в петлю или в речку. У рабочих не было мам с пенсиями вдов действительных статских советников, счетов в банках и приносящих доход поместий. Ленин дрожал как осиновый лист только за свою жизнь. Распространение газет нужно было ему для популяризации марксистских идей. Ради этого он готов был обречь каждого десятого читателя своей газетки на тюрьму, а его семью на голод и другие лишения.

Сталин любил повторять: «Лес рубят — щепки

летят». В порыве сатанинского вдохновения коммунистические «вожди» обычно игнорируют живую разницу между человеком и щепкой. Марксисты рубят не лес, а человечество, превращая общественную жизнь в кучу щеповидных отходов своей идеологии. Маркс тоже, помнится, имел слабину подставлять под удар чужие лбы, не забывая любыми способами спасти собственный.

Чтобы голодающие рабочие-партийцы не претендовали на личную материальную помощь их «вождя», Ленин усиленно рекомендовал всем своим содержателям скрывать истинные суммы высылаемых ему денег. В письме к А. Калмыковой, давшей Ильичу тысячу рублей, Ленин назидает: «Я бы лично склонился к тому, что лучше пока всей суммы не объявлять никому (держат ее про себя), о возможности получить всю сразу — тоже абсолютно никому, ибо теперь «возможных» предприятий тьма. Обилие побегов (из тюрем и ссылок.— *Примечание наше*) ставит «в распоряжение «Искры» кучу людей при условии содержать всех их, но если за это широко, легко и необдуманно взяться, то мы окажемся через $\frac{1}{2}$ года — год без ничего» (Ленин и В. И. ПСС, т. 48, с. 228). И далее следует рекомендация каждому заботиться о себе самостоятельно. Вот как отблагодарил добрый Ильич читателей своей агитки. Если бы он обеспечил деньгами всех бежавших из царских тюрем и ссылок рабочих, то через год у Ленина денег существенно поубавилось бы. Чем кормить всяких, пусть лучше в Сену кидаются. Сейчас Ленину нужны были рабочие в России, а не в Париже. Нужны были для агитации, для шума, для жертв, для материала к его статьям, для распространения ленинской лжи. Отшумевшие и отсидевшие рабочие, попавшие в заключение из-за ленинских подстрекательств, а затем прибывшие к «вождю» за наукой и спасением, Ленину были не нужны. Его черствый эгоизм закоренелого прагматика как нельзя лучше вырисовывался на фоне отношения к реальным человеческим нуждам рабочих еще задолго до октябрьского «лицедейства».

Регулярной материальной поддержкой «вождя» пользовались только избранные ленинские функционеры, среди которых один Бабушкин числился рабочим, хотя сидел в основном на содержании своего дяди-фабриканта. Богдан, Улитка, Медвежонок, Гуца, Ла-

поть, Матрена, Лошадь и Грызун составили тесную компанию доверенных содерженцев «вождя» и «вдохновителя». Кроме указанных лиц, к важным делам почти никто не допускался, а в святая святых ленинской затеи не были посвящены даже самые близкие соучастники. «...Он один понимал внутреннюю сущность... нашей партии», — говорил позднее его преемник Сталин (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 130).

Каждый из близких знал часть общего замысла, но не суть замысла в целом. Общие слова о свержении царизма, помещиков и буржуазии выражали всего лишь видимую часть реального вождистского замысла. Дальнейшая «революционная» ленинская практика невольно вскрыла значение его сокровеннейших желаний. Борьба с Троцким и выдвижение «наверх» второго эшелона своих соратников, массовый террор и неожиданно спешные переорганизации управленческого аппарата, бегство из цитадели переворота в московский Кремль и т. д. — все это во многом способствовало закреплению единоличной власти Ильича Первого. Год от года все кому не лень перемышляют косточки сталинского культа личности, в пылу забывая о культе личности Ленина. Именно «скромный» дедушка Ленин был основоположником института своей личности в условиях первого этапа большевистского порабощения России, а до него в условиях безвластия эту идею формировал и отшлифовывал «отец» Маркс.

Каждый соцлагерный «вождь» обречен на культ, закономерно вырастающий из семени большевистского «демократического централизма» — основы бытия единоличной власти красных диктаторов. Централизм этот вовсе не демократический. Ничего общего, собственно, с народовластием у него нет. Суть большевистского принципа «демократического централизма» сводится к обеспечению персонализированного централизма власти энного партийца над народом, а не наоборот. Если бы слова коммунистических идеологов о демократическом централизме соответствовали вытекающему из данной формулы содержанию, советская власть в настоящем ее виде просто перестала бы существовать и ни один Сталин — Брежнев не сумел бы руководить страной практически пожизненно. Какое ныне в России «народовластие», какие «выборы» и «демократизм» управления, знают все недовольные рабы

КПСС «от Москвы до самых до окраин». Словесная оболочка теоретического обоснования большевистского «демцентрализма» создана для добротного сохранения лженосной сердцевины одного из важнейших средств идеологического одурманивания трудящихся, создана для обмана зрения, в расчете на массовую политическую близорукость участников и жертв коммунистического лицедейства. «Демократический централизм» коммунистической власти выполняет функцию красивой декорации, в тени которой творят свои некрасивые дела единовластвующие наднародные самоизбранники, в исполнении народной воли отнюдь не заинтересованные, ибо эта воля отвергает начисто коммунизм с его марксизмом-ленинизмом. Здравая воля русского народа никогда не создала бы на месте России антинародное государство СССР. Поэтому большевики прежде всего постарались заразить известную часть народа идеей «пролетарского интернационализма», парализовав здравую волю ложью несбыточных обещаний; в числе которых не последнее место занимало обещание «истинно народной власти», построенной на принципе демократического, т. е. народоправного, централизма. Теперь, когда советская власть дожила до пенсионного возраста, попробуйте в нормальной обстановке сказать рабочим, что советская власть — их, родная, что странной правят они, а не «генсек». Хорошо, если ноги окажутся быстры. Ведь фактически под убаюкивающие песенки на тему заботы партии и правительства о благе народа, коммунистическая «номенклатура» обратила трудовой народ в рабство.

Как «сам» Ленин относился к рабочим, можно было бы понять и ранее. Но те, кто понял Ленина вовремя, — либо в Сену кинулись, либо повесились или же спокойно отошли от его темной компании, примкнув к другим охмурителям народного сознания. Впоследствии по приказам «сердобольных» большевистских вождят, почти все перебежчики были физически уничтожены. Спаслись немногие. При советской власти много знать вредно. Власть строго блюдет чистоту обмана, заботясь о том, чтобы в мозги рабов под псевдонимом правды проникала только нужная, проверенная и утвержденная к «ширпотребу» ложь и никакой правдивой информации. Потому и расплодился так чекистскую псарню. Много работы у Феликсовой сволочи.

Смотреть надо чуть не за каждым. Извели крестьянство, псубивали почти всех умных людей, запретили трудящимся человеческую жизнь, но сами каждый день по-ленински требуют большой кусок мяса, плюс тысячу других удовольствий.

Не потому ли в обильной землею и богатой всяким природным добром России народ питается чем попало и живет от получки до получки? Колхозы нельзя считать единственной причиной упадка землевладельческого хозяйства и продовольственного кризиса в стране, когда-то являвшейся крупнейшим экспортером зерна и всяческих продуктов питания. Помимо колхозов страну разоряет вся организация большевистского правления во всех сферах жизни — промышленной, торговой, культурной и т. д. Лучшее от плодов труда колхозников идет опять-таки не в желудок простых смертных, а без остатка сжирается жадной до разных дармовых благ «номенклатурой». Трудовому человеку достаются одни объедки и отходы. Слишком уж много дармоедов, и каждого нужно накормить от пуза и употить до отвала. Ленин говорил о благе народа с единственной целью — обмануть людей, чтобы крепче сесть им на шею. Наш вывод жизнь подтвердила полностью. Видимо, «революция» делалась для тех, кому сейчас живется лучше всех. Ну, а кому сейчас живется на Руси весело и вольготно — известно. Ни крестьян, ни рабочих среди вольготно веселящейся публики вы не отыщете. О забывших серп и молот депутатствующих эцкариусах мы здесь не говорим.

Львиную долю своих грехов коммунисты сваливают на капитализм. Напрасно. На деле наличие «чистого» капитализма в ряде промышленно развитых стран сейчас коммунистическим тиранам необходимо как воздух. И наоборот, ультраправые богачи Запада увлекают прямо или косвенно из существования на Востоке соцлагерной системы рабовладения немалые выгоды. Поэтому реальные хозяева двух «противоборствующих» социальных структур не заинтересованы в полном уничтожении своего внешнего антипода. Разомкнутые крайности лишат их возможности гонять человечество по заколдованному кругу своих эгоистических интересов.

Первокоммунисты пользовались широкой материальной поддержкой крупных капиталистов своего вре-

мени отнюдь не случайно (кстати, и поныне пользуются коммунисты услугами миллионеров, это уже не секрет). Нам пришлось повторить это в связи с появлением на биографическом горизонте третьего «вождя» некоего Парвуса. Проживая в Мюнхене, Ленин не только полностью изолировал себя от русских эмигрантов из мюнхенской колонии. Он ни разу не встретился ни с одним немецким социал-демократом, что, по-видимому, не способствовало расширению интернациональных связей РСДРП и несколько разрушало завет о соединении пролетариев всех стран в единое коммунистическое стадо. Вероятнее всего, стадо изначально решили поделить пополам. Из расколотой скорлупы пить нектар общей выгоды намного удобнее. Точный перевод лозунга «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» суть: «Разделяй и властвуй!» Вот почему в ряде случаев Ильич Первый в международных связях с левой оппозицией совсем не нуждался. Он принадлежал к оппозиции «организованной», к оппозиции, на которую сделана хорошая ставка.

С кем же встречался «вождь» в Мюнхене? По словам Крупской, Ленин и его семейство «встречались только с Парвусом, жившим неподалеку... в Швабинге, с женой и сынишкой... Тогда Парвус... интересовался русскими делами» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, с. 1, с. 261). «Минога» права. Ильич нуждался в Парвусе, а Парвус в Ильиче. Взаимный интерес надолго и крепко связал двух заинтересованных в антирусских делах хитрецов. Им было о чем поговорить, о чем договориться. Это были действительно деловые разговоры, содержание которых хранилось и хранится по сей день в глубокой тайне. В курсе «Истории КПСС» (т. I, 1964 г.) имя А. Д. Гельфанд (он же Парвус) встречается всего один раз, и то в контексте попытки Потресова каким-то образом использовать его против Ленина. Друг его преподносится как враг. Еще одна ложь. И нигде, ни в одном учебнике по истории КПСС, не говорится о том, что Парвус — Гельфанд был одним из виднейших представителей марксистской буржуазии и ворочал огромными капиталами.

В шушенской ссылке Ильич, валяясь в кровати со своей «Миногой», мечтал о том, что когда-то они примут участие в крупной первомайской демонстрации, возглавляя грандиозное шествие «сознательных» про-

летариев. Супругам предоставился случай участия в первой первомайской демонстрации немецких рабочих. Демонстрация была грандиозной, однако Ильич со своей супругой вскоре отделился от демонстрирующих и пошел бродить по Мюнхену в весьма скверном настроении. Сбылись мечты и вдруг — дурное настроение? Надо понимать Ленина. Он должен был идти впереди, возглавлять, руководить, вопить с высокой трибуны, а тут — конфуз. Рабочие пошли за другими «вождями». Ильичу пришлось пристроиться сбоку, никто его не замечал, никто не нес с криками «ура» на трибуну. Супруги обиделись. Ушли. Отомстят потом. А сейчас — в гости к Парвусу.

Господин Гельфанд не был единственным кормильцем революционной семейки. В ряду ленинских держателей мы видим, например, члена богатейшей московской купеческой династии Николая Шмидта, владевшего к тому же лучшей мебельной фабрикой в России. О получении денег от Шмидта, кроме Ленина и его семейки, знал один Богданов, тогда еще очень друживший с «вождем» и ведавший сбором дани в его казну. В конце концов Шмидт попадает в тюрьму и через год гибнет там при весьма загадочных обстоятельствах. После смерти Шмидта его капиталы переходят в руки Ленина.

Другим многолетним кормильцем Ильича и его партии был известный миллионер Савва Морозов. Савва щедро откупался от большевиков ежемесячной дотацией в две тысячи рублей на издание «Искры» и плюс к тому покрывал многие другие личные расходы и партийные нужды Ильича. После прихода к власти «вождь», в память о друге, приобрел в свои руки подмосковный дворец Морозовых в Горках, где одно время жил и там же умер. Были у Ленина и другие держатели, масштабом помельче, числом побольше.

Деньги шли к Ильичу регулярно. Иногда «вождь» даже затруднялся сказать, от кого пришли к нему деньги и за что. 15 февраля 1917 года он пишет сестре: «Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 фр., а кроме того 22.1 я получил 500 фр. Напиши, пожалуйста, какие это деньги... за что именно и мне ли... Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: «Пенсию стал-де получать». Ха-ха» (Ленин В. И., ПСС, с. 55, с. 368).

Когда человеку нечего кушать и нечем платить за квартиру, он все силы бросает на поиски любой работы. Грязная эта работа или нет, вредная, тяжелая, малооплачиваемая — в данном случае значения не имеет. Лишь бы выжить. Но если человек не работает многие годы и разъезжает по курортам... «Ха-ха».

Каждое лето у Ильича появлялась потребность в приятном отдыхе и лечении. У «своих» партийных докторов не лечится. Заболит животик — мчится в Швейцарию к знаменитому доктору Мермоду. Приболела «Минога» — Ильич везет ее из Польши опять же в Швейцарию, в Берн, к другой мировой знаменитости — Кохеру. Бесплатных большевистских докторов Ильич избегал, предоставив возможность пользоваться их услугами товарищам пролетариям. Заметим, что эта ленинская традиция тщательно охранялась и недурно сохранялась благодаря усилиям высших партийно-государственных начальников в СССР, где все Политбюро предпочитает в критических случаях пользоваться услугами зарубежных беспартийных светил, безыдейно ставя идею преданных лекарей в сторонку. Разумеется, услуги заграничных лекарей оплачиваются по-королевски щедро и не из своего кармана.

Свое здоровье «вожди» берегут и знают, кому можно доверять, а кому нельзя. Об этом более чем откровенно пишет Ленин в своем письме к Горькому в ноябре 1913 года. «Известие о том, что Вас лечит новым способом «большевик», хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности. Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне раз сказал один хороший врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретения большевика — это ужасно!» (Ленин В. И. ПСС, т. 48, с. 224). Редкое откровение! Кто из нормальных «простых» советских людей не согласится здесь с Лениным? Правда — есть правда. Пробовать на себе большевистские изобретения действительно ужасно.

Будучи в Лондоне, Ленин любил кататься на омнибусах. Крупская вспоминает: «Ильич изучал живой Лондон. Он любил забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу... Тихие скверы с парадными особняками, с зеркальными окнами, все увитые зе-

ленью, где ездят только вылощенные кэбы, и уютящиеся грязные переулки, населенные лондонским рабочим людом, где посередине развешано белье, а на крыльце играют бедные дети... Наблюдая эти кричащие контрасты богатства и нищеты, Ильич сквозь зубы повторял: «Two nati ons» («Две нации») (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 263).

Не знаем, всерьез ли сипел сквозь зубы Ильич Первый о двух нациях. В Советском Союзе каста партократов-рабовладельцев давно оформилась в особую номенклатурную «нацию». Бледные дети, играющие в темных коридорах советских рабочих общежитий, не вызывают у партийного начальства гнева на несправедливость своей власти. Утопающие в зелени особняки советской аристократии бдительно охраняются «доблестными» чекистами и специальной милицией. Вопиющие контрасты визуально подчеркивают строгое классовое разделение общества страны недостроенного коммунизма. Злые люди создавали марксизм-ленинизм. Злые и несправедливые. Одни мерзавцы выдумывали, другие творили, а третьи дотворяют, пожиная и пожирая плоды усилий основоположников их нечестивого счастья. Наивно полагать, будто можно пронять их проповедью любви к ближнему или ссылками на ими же выдуманные законы. Соцлагерные партократы в свою власть вцепились крепко. Эта власть — их власть, их судьба. Они до тех пор будут сидеть на шее народа, пока их не сбросят силой.

Ненужных легенд большевики не сочиняют. Мы немало места уделили одной из них — легенде о нищете Ильича Первого. Теперь подумаем, для чего нужна была эта легенда, и выясним, с чего и когда она вошла в большевистский пропагандический обиход. Дело в том, что трудящиеся «страны советов» и сейчас живут небогато, а после октябрьского переворота, исключая НЭП, добрые полвека влачили существование в сплошной полосе бедствий. «Руководители» никаких лишений не знали, но, чтобы не злить народ зрелищем своего нескончаемого пира, постарались хорошенько свою роскошь спрятать за высокими заборами «персональных» особняков и широкими спинами чекистов. Постепенно трудящихся обучили грамоте, чтобы они могли читать разрешенные к чтению книжки, нужные новым господам для упрочения своей незаконной власти. Сре-

ди этих разрешенных к чтению книжек особо выделялись книжки обязательные не только к чтению, но и к изучению. В такого рода «литературе» первейшее значение и место занимают биографии «отцов-основоположников». Описанная в них нищета и скромность в потребностях главных «вождей», разумеется, чистейшая ложь. Но ложь эта была создана с целью душевного и духовного сближения на расстоянии, причем сближения одностороннего с видимостью обоюдного. «Вождей» нужно было сделать «своими» для народа. Ленин тут прямо артист — сам помог сближению, сменив при въезде в Россию щегольской «котелок» на мятую кепочку. Мол, видите, я сам такой же, как и вы, товарищи рабочие. Народ голодает. Но ведь и Ленин жил впроголодь, питаясь одной картошкой из солдатского котелка, уверяют светские биографы. Народ ютится в подвалах, «коммуналках», общежитиях и по «углам» частных. Создаются «магнитки», «беломорканалы» и тому подобное, а людям жить негде, домов для них строится плачевно мало. Не ворчите, товарищи рабочие. Великий Ленин — и то жил где попало, даже в шалаше, всю жизнь скитался по чужим «углам», но не роптал на судьбу, а денно и ночью трудился для вашего будущего блага, увещевают народ «знатоки» ленинской жизни.

Как ни странно покажется с первого взгляда, основоположником легенды о бедствиях Ильича Первого был рабочий Владимиров, бывший наборщиком большевистской типографии в Париже. Сей товарищ в 1924 году выпустил с помощью Государственного издательства Украины брошюру «Ленин в Женеве и Париже», которая вышла в свет сразу после смерти Ленина. В ней Владимиров со слезами завирается о страшных бедствиях своего кормильца и покровителя, подкрепляя сказанное «фактами». Например, говоря о парижской квартире Ленина на улице Бонье, Владимиров утверждает, будто она состояла из одной комнаты с альковом и маленькой спальней. Но эти «правдивые» свидетельства рабочего Владимирова резко расходятся с описанием той же квартиры другими очевидцами и, в частности, самими квартиросъемщиками. По версии Владимирова, Ульяновы жили вчетвером в одной комнате с альковом. Крупская и Ленин пишут иное.

Крупская пишет следующее: «Квартира была на-

нята на улице Бонье, недалеко от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над камином (это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, в Сорбонну, учиться языку, наша комната с Владимиром Ильичом и приемная» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 347).

По-видимому, в данный период бедствия сводились в основном к отсутствию кухарки, поскольку в обязанности прислуживающей «мадам» не входило приготовление пищи и мытье посуды. *Quelle horreur!* Фи-фи!

«Суровые» условия жизни «вождя» вызывали сочувствие родственников. «Как-то в феврале, помнится, приехал из своего путешествия по Японии Марк Тимофеевич, муж Анны Ильиничны, обедал у нас. Посмотрел он, как мы хлопочем около кухни, как по очереди с Марией Ильиничной моем посуду, и говорит: «Лучше бы вы «Машу» какую завели» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1968, т. 1, с. 347). Ценный совет дал товарищ Елизаров, но с «Машами» в Париже было нелегко. «Машу» в Париже найти труднее, чем Пашу в Сибири, да и двумя с полтиной не откупишься. «Вождь» жил шикарно, однако, по каким-то соображениям, предпочел в то время обходиться услугами одной консьержки и теми «саламандрами» которые носили ему уголь, топили и чистили камины. А господа сами себе готовили, сами подавали на стол и даже мыли после себя посуду.

19 декабря 1908 года «вождь» пишет сестре Анне бодрое письмо, из которого мы опять узнаем нечто противоположное грустной сказке Владимирова: «Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру: M-e VI. Oulianoff, 24. Rue Beaupier, 24 Paris (XIV-me). Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 850 frs. + налог около 60 frs. ...По московски это дешево (4 комнаты + кухня + чулан, вода, газ), по здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надеемся, хорошо... Квартира... около парка Montsouris. Тихо, как в провинции... Парижем пока довольны» (Ленин В. И. ПСС, т. 55, с. 264). Любой советский рабочий был бы доволен такой квартирой не только в Париже, но и в Пензе, только бы дали. Но не дадут. По советским законам семье рабочего из четырех человек не поло-

жено иметь четырехкомнатную квартиру. В идеальном случае он может рассчитывать только на трехкомнатную и, конечно, без каминов. А что касается Ленина, так «вождь» по-советски не жил ни до, ни после октябрьского переворота.

Почему так нагло врал старый большевик Владимир? Потому, что он был русским Эккарнусом, типичным пролетарским Иудой. Подлый наймит большевиков отработывал свои сребреники. С его, Владимиров, грязной руки пошла гулять-куролесить легенда о стесненных жилищных условиях Ильича Первого в годы эмиграции.

Через год жилищные условия жизни Ленина действительно изменились. Сестра Маняша доучила французский язык и укатила из Парижа. Оплачивать явно лишнюю комнату не было смысла. Ленин нашел другую квартиру, на улице Мари-Роз, трехкомнатную на троих, без каминов, зато с центральным паровым отоплением. Своими ежедневными визитами истопницы сильно раздражали «великого мыслителя», поэтому он был несказанно рад возможности жить в квартире с паровым отоплением, о чем неоднократно с восторгом писал своим родственникам. Теперь эту квартиру превратили в музей Ленина и обязательно показывают всем блатным, попавшим в качестве туристов в Париж.

В жизни «вождя» все-таки случались некоторые временные неудобства. Так, спасаясь от суда Временного правительства, Ильич ночевал в известном шалаше. В первые дни после захвата власти пришлось жить в защищенном пулеметами и пушками Смольном дворце. Условия жизни Ленина в Смольном описал будущий член ВЦИК и комендант Кремля, а тогда первый комендант Смольного, Мальков. «Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой... В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев — вот и вся обстановка. За перегородкой... кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего. Прикомандировал я к «квартире» Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой... В то же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков — Александра Васильевича Шотмана... Она взяла под свое руководство Желтышева, наводи-

ла чистоту, следила за питанием Ильича». (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 3, с. 81—82). Как видим, в тесноте, да не в обиде. И опять слуги, слуги...

Вскоре господа-товарищи Ленины обзавелись новыми просторными апартаментами, увеличилось число лакеев и стражей. Потом развернулись шире, въехали в Кремль и заодно в загородный морозовский дворец. Но не удалось Ильичу в полной мере насладиться жизнью, не удалось! Не дожил до славной эпохи пьянок в царских дворцах, не дожил до хоромов Ливадии.

Ранее мы не раз указывали на лицемерие товарища Ленина. Кратко поведали о ленинской «нищете» и о том, когда и с какой целью родилась эта легенда. Теперь коснемся иных личных качеств Ильича, поговорим, в частности, о жалкой трусости «вождя» и о его недоверии к партийному большевистскому активу и к рабочим.

Советским рабам со школьной скамьи становится известно, как совсем еще молодой Ильич приступил к организации рабочих кружков в Петербурге. На сотнях картин запечатлен молодой пламенный революционер с протянутой рукой в окружении живописно скомпонованных групп, просветленных счастьем созерцания «вождя», сознательных товарищей рабочих. «Родной наш!» — кричит каждый жест и взгляд мастеровых. И «вождь» шагает к ним не только с распахнутым пиджачком, но вроде бы и с душой нараспашку. На самом деле все было гораздо прозаичнее. Никто из рабочих, даже из числа руководителей кружков, настоящего имени своего обманщика не знал, никто не знал, где он живет, какая у него профессия, на какие средства себя содержит и, разумеется, никаких указаний о его социальном, как говорят у нас, происхождении. Рабочие знали его как бесфамильного Николая Петровича. «Вождь» страдал шпиономанией, на занятия в кружках всегда опаздывал. Дабы скрыть свою личность, «вождь» даже в летнее время к немалой потехе сыщиков ходил в осеннем пальто с поднятым воротником и в большой, нахлобученной на глаза шапке. После ареста Ильич страшно волновался. Узнав о мягком приговоре, сразу «оттаял». Эх, было б от чего дрожать! Ведь не к своим же чекистам попал, а к царским «палачам».

Позднее, убегая в Разлив, Ленин обманул выделенных для его сопровождения членов ЦК, из-за чего товарищ Серго Орджоникидзе расстался со своими роскошными усами и шевелюрой. Что означает для кавказского мужчины потеря усов, лучше спросить у самих кавказцев. Ленин ушел с другими. Членам ЦК пришлось несколько дней разыскивать своего беглого «вождя», который, кстати, не забыл полностью обрить и себя. Ленин сбрил бороду, усы и даже жалкие волосики с затылка. Советский художник М. Соколов погрешил против истины, изобразив Ленина у шалаша со всем его волосяным покровом, да еще на пеньке. Не было монгольской бороденки, не было легендарного пня. Был обыкновенный чурбан. Днем Ильич никогда из шалаша не выходил, поэтому вся картина Соколова выглядит издевательством над истиной и традициями реализма. «Вождь» не пребывал в одиночестве. Его охранял Николай Емельянов, впоследствии крупный советский начальник, и присоединившийся позже (а еще позднее расстрелянный) член ЦК Зиновьев. Для них на картине Соколова места не нашлось.

В дальнейшем Ильича спасали финские «товарищи». Но даже в Хельсинки Ленин выходил на улицу только после захода солнца, в парике и неизменно в сопровождении своего финского друга Ровно, бывшего в то время начальником городской полиции. Ленин жил в его квартире и оказанных услуг не забыл. В 1918 году, после провала коммунистической авантюры в Финляндии, господин Ровно сбежал в «страну советов» и двадцать лет находился на ответственной партийной работе. В 1938 году его жизненный путь оборвался. Как нам известно, в те годы смертность среди партийных начальников резко возросла.

За свою холеную шкурку Ильич дрожал не напрасно. Временное правительство располагало рядом обличительных документов, свидетельствующих о сотрудничестве Ленина с германским генеральным штабом. Невинный легко мог доказать свою невиновность, благо суд готовился гласный, открытый, по всем статьям не советский суд. Для большей гарантии объективности Временное правительство согласилось даже на то, чтобы Ленина в процессе суда охраняли его сторонники красногвардейцы. Несмотря на все гарантии, «вождь» предпочел спрятаться в болоте.

С обвинением в шпионаже и добровольной болотной самоссылкой Ленина более-менее тесно связан ряд предшествовавших и последующих событий, до сих пор, на наш взгляд, исследованных недостаточно глубоко. Не претендуя на полную безошибочность наших взглядов, осмелимся по ходу повествования высказать некоторые предположения, открывающие возможность понимания ряда политических событий того времени несколько в ином ключе сравнительно с большевистской интерпретацией. Как известно, вскоре после большевистского переворота Финляндия и Прибалтика обрели полную независимость, а, например, за Туркменистан Ленин приказал бороться изо всех сил. Почему на долю финнов и прибалтийцев выпала особая честь? Не потому ли, что финны прятали Ильича от суда, а латыши бдительно оберегали его от народной мести, выдвинув из своей среды целую «плеяду» звероподобных чекистов? Рассказы о зверствах и садизме красных латышских стрелков леденят кровь. Не было им равных в свирепости, как не было равных им в преданности Ленину и всей его узурпаторской шайке. Они были верной палочкой-выручалочкой «вождя», не на жизнь, а на смерть, с невероятным фанатизмом сражаясь в годы гражданской войны с антибольшевистскими войсками. Самые крупные восстания русских рабочих и крестьян против советской власти утопили в народной крови они же, действуя заодно с большевистскими иностранными наемниками — «интернационалистами». Кому-кому, а латышам, недовольным советской властью укрепившейся на их земле, не стоит сверх меры упрекать в своем несчастье русских, набум валя с больной головы на здоровую. За что вы, товарищи латыши, боролись, на то, извините, напоролесь. Наш вам совет — чем русские грехи считать трудиться, не лучше ли к своим грехам оборотиться. Финны и прибалтийцы оказали Ленину и его советской власти немало услуг. Но дело не только в этом. Как нам кажется, данная история имеет еще одну, мало-заметную с первого взгляда подоплеку. Здесь, как и всюду в ленинской практике, на первый план выходят не интересы трудового народа указанных нам стран, а нечто иное, к народным нуждам никакого отношения не имеющее.

Перед отъездом в Россию большевики заключили

соглашение с германским правительством, которое обеспечило быструю доставку «вождя» и его соратников в Швецию, откуда все они вскоре выехали в Россию. В Швеции большевиков ожидал весьма теплый и дружеский прием. Об этом писал в своих воспоминаниях большевик Миха Цхакая. «В Швеции нас встретили радушно и гостеприимно», — пишет Цхакая. «...Нас тепло встретили и отвезли для отдыха в перво-классную гостиницу... Нас с Ильичом повезли по магазинам, чтобы одеть поприличнее. После экипировки нас повезли на банкет, в котором участвовали шведские товарищи во главе со стокгольмским мэром. Здесь же мы составили официальный акт, засвидетельствующий все (все ли? — *Реплика наша*) обстоятельства нашего путешествия... Все наши старые эмигрантские документы и письма мы оставили в Стокгольме...» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 384).

Достигнув порога России и пройдя таможенный досмотр, Ильич весело расхохотался. Обняв Миху, Ленин проговорил: «Наши испытания, товарищ Миха, окончились. Мы на своей земле, и мы им покажем, — тут он погрозил кулаком, — что мы достойные хозяева будущего (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 384).

Каким хозяином стал Ленин и каких хозяев он с собой привез, мы знаем, не зря кулачком грозил. Импортная власть дорого обошлась народу. Но не совсем ясно другое — чем был вызван пышный и нежный прием с подарками и официальным банкетом в честь Ильича и его компании в Швеции? Зачем понадобился «акт», с какой целью оставлены все документы и письма? За какие, наконец, заслуги германское правительство обеспечило большевикам бесплатный проезд с прислугой и охраной через свою территорию к пределам России? За одни косые глазки таких услуг не оказывают. Вспомним немного историю, и, может быть, некоторые вопросы перестанут казаться нам столь трудными и запутанными.

До присоединения к Российской империи Финляндия долгое время принадлежала Швеции, а значительная часть Прибалтики — немцам. Совсем не исключено желание немцев и шведов вернуть себе с помощью ленинской шайки прежние владения или хотя бы пре-

вратить финнов и прибалтийцев в своих марионеток. Немцы, кроме того, были кровно заинтересованы в прекращении войны на два фронта, в развале русской армии и в сырьевом грабеже Украины, Белоруссии и Прибалтики. Шведам помешали англичане, а вот немцы сумели вернуть себе господствующее положение в Прибалтике и подчинить Финляндию своему политическому и экономическому влиянию. Но все, что требовалось немцам и шведам от Ленина, было выполнено полностью и без промедления. В тот период ленинская внешняя политика удачно совпадала с историческими интересами и планами германского и шведского правительства. Где честь, где совесть?

Совести у большевиков нет и никогда не было. Вспомним хотя бы, как образовалось первое большевистское правительство. Еще прячась в болоте, Ленин через своих доверенных друзей Шотмана и Лашевича распускает среди большевиков слух о том, что через несколько месяцев он будет в России премьер-министром. Так Ильич попытался заранее приучить всех к мысли, что вождем будет именно он, Ленин, а не кто-нибудь иной. Этим трюком он приручал к себе будущих придворных и министров своего двора, обеспечивая полную с их стороны поддержку, а заодно и слежку за конкурентом из ЦК.

Прибыв в Петроград, Ленин притаился. Будто сам в себя спрятался. Общение с видными соратниками — через особо доверенных курьеров. Сам интересовался всем и всеми, но себя не показывал. И только в ночь накануне переворота «вождь», опять же втайне от ЦК, стремится проникнуть в Смольный. Ильич спешил к дележу власти. Он опасался, как бы соратнички впопыхах не обошли его стороной.

Покрыв бритую налысо голову старческим париком, замотав щеку грязной тряпкой, «вождь» двинулся в поход за тронем. Настал его звездный час. Но час этот был изрядно подпорчен многими обстоятельствами. Во-первых, был риск попасться в руки солдат, верных Временному правительству. Поэтому «вождь» прокрадывался к власти аки тать в ночи. Во-вторых, путь его не был усеян лепестками роз и на голове вместо лаврового венка красовалась грязная тряпка. В-третьих, у «вождя» и его спутника были не настоящие, а поддельные пропуски в Смольный. В-четвертых, в Смоль-

ном «вождя» не пропускали и его попутчику пришлось, как он вспоминает, «по примеру карманников» устроить свалку, воспользовавшись которой Ильичу удалось наконец проникнуть внутрь здания. В-пятых, первое время Ленин на всякий случай маскировался и в Смольном. Только досадная неувязка с париком, неожиданно соскочившим с лысины, выдала присутствие «вождя», что называется, с головой.

О последнем происшествии поведала нам нечаянная свидетельница конфуза Маргарита Фофанова, большевика урожая семнадцатого года... «Когда Ильич вошел 24 октября (6 ноября) в Смольный и в комнате 100 (кажется, я не ошибаюсь) стал раздеваться, то, снимая шляпу, снял и парик и вместе со шляпой засунул его в карман пальто, и когда с разных концов раздались голоса: «Ильич! Ильич!», он тогда только сообразил и пощупал свою голову, но было уже поздно. На этом и закончилась конспирация Ильича...» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 446). Конспирация вождя революции в штабе революции? Странно.

Более подробно прибытие Ильича Первого в Смольный описывал первый личный телохранитель «вождя» Эйно Абрамович Рахья. Он же был единственным посторонним свидетелем образования первого большевистского правительства. Прорвавшись в Смольный, Ленин пристроился в сторонке, в конце длинного коридора и, послал Рахью на розыски Сталина. Прибежал Сталин, и «вожди» уединились в какой-то маленькой комнатке. Ленин выяснял обстановку. Вскоре, охраняемый ротой юнкеров, Зимний был взят, правительство арестовано, демагог Керенский снял штаны и в юбке отбыл под защиту звездно-полосатого флага. Бич судьбы оставил на теле России первый незаживаемый рубец. Ночь. Большевики созвали экстренное совещание, где объявили о захвате власти в свои руки, после чего удалились в нижний этаж.

В одной из комнат, укрывшись от посторонних взглядов, будущие правители приступили к дележу министерских портфелей. Единственным из присутствующих, оставшимся без руководящей должности, оказался личный телохранитель «вождя» Рахья, спасший несколькими часами ранее «бесценную» Ильичову жизнь. Дележ власти он описал следующим образом: «...Собрались, кроме Владимира Ильича, гг. Ста-

лин, Ногин, Милюков и др., а следом за ними и я — во исполнение своих обязанностей охраняющего Владимира Ильича. Все расселись на стулья за столом, для меня же стула не оказалось, и я уселся на полу у двери, в уголочке, поджав колени к подбородку. Разговор у товарищей шел об организации правительства. Встал вопрос о том, как называться: министры — это название считалось неподходящим. Кто-то предложил название «комиссары», «народные комиссары». Так и порешили. Потом стали персонально назначать на должности. Все это время я сидел в углу и слушал. Мое дело было закончено, и я оказался «безработным» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 436).

Сами себя назначили, совсем как Маркс и Энгельс, в том же духе. Наутро из газет народ узнал о составе этого нового «народного» правительства.

О чем думал Эйно Абрамович, скорчившись у ног будущих господ? С 1936 года его об этом никто спросить не может. Каждый отхватил по жирному куску, а верный сторожевой пес не получил даже обглоданной кости. Обидно. Даже стула не нашлось. А ведь были стулья, были. Но на них лежали пальто новоявленных «слуг» народа. Рахья — хам, чернь, может и на полу посидеть. Господские пальто на пол не бросят.

Рассказ Эйно Рахьи дополним воспоминанием А. Луначарского, который входил в число первых самоназначившихся правителей России. «Это совершалось в какой-то комнатухе Смольного, где стулья были заброшены пальто и шапками и где все теснилось вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: — Пока — потом посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 467).

Согласно ленинскому изречению, современным государством может управлять каждая кухарка. Прав-

да, ни в первом, ни в последующих советских правительствах места для кухарки так и не нашлось. И в этом расхождении слов и дел нет ничего удивительного. Власть делили не случайные люди. Власть делили господа.

8 ноября 1917 года Ленин праздновал свой триумф. Отныне он хозяин всей необъятной России. Кого хочу милую, кого хочу — «в расход»! Личная трусость властителя закономерно порождает комплекс жестокости. Как только ничтожество получает власть над людьми, оно сразу же пытается всех запугать. Любуясь своим величием, вчерашнее беззащитное трусливое существо раздражается грозными указаниями и приказами. Зимний дворец еще не был взят, а Ленин уже грозил расстрелами налево и направо.

Вот как описал нервное состояние «вождя» в ту самую черную в истории России ночь с 7-го на 8 ноября один из руководителей большевистского путча Н. Подвойский: «Задержка во взятии Зимнего дворца чрезвычайно волновала В. И. Ленина и весь Смольный. Начиная с 11 часов утра и до 11 часов вечера, Владимир Ильич буквально засыпал нас всех записками. Он писал, что мы разрушаем всякие планы; съезд открывается, а у нас еще не взят Зимний и не арестовано Временное правительство. Он грозил всех нас расстрелять за промедление. Он требовал, чтобы скорее был взят Зимний и арестованы министры, чтобы об этом доложить съезду Советов... Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятие Зимнего, не вышел на открытие съезда. Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев в клетке...» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 452). Герой! Грозился расстрелять всех своих сподвижников, членов ЦК. Власть еще в ладошках не держал, а уже оскалился.

Подобно Марксу, Ильич обожествлял силу и насилие. Ленин смеялся над теми, кто отстаивал идею мирного пути прихода к власти: «Где же видано, чтобы власть отдавали без бою, — говорил он, — власть всегда берется с бою. Она не передается от одного класса другому какими-нибудь декларациями, и никакие декларации эту власть не защитят» (Воспоминания о В. И. Ленине, 1969, т. 2, с. 451—452). В данном случае слова Ленина не пустяк, не очередной обманый трюк, а самая чистая правда. Об этом следует подумать тем,

кто морочит голову советским рабам сказками об эффективности неорганизованного морального сопротивления.

В наше время не всякая власть берется силой, но советская власть на уговоры не посмотрит. Советское правительство играет судьбами моральных сопротивленцев подобно сытому коту, потешающемуся мечущейся между его лап мышкой. Коту приятен мышиный писк и беспомощность жертвы. Пока кот сыт, он может использовать мышь не как еду, а как игрушку, лениво позволяя самым резвым сбегать от него в спасительную норку. И как бы ни были безгрешны души некоторых мышек, хищника им не одолеть. Одна-две мышки — коту забава. А легион мышей — розовая мечта молочного детства. Культивируя серую «толпу», диктаторы, сами себе на потеху, разводят разноцветных лабораторных мышей разной степени резвости и упитанности.

Мощная, опытная, спаянная железной дисциплиной и умно организованная боевая подпольная политическая партия, свободно владеющая искусством всех видов борьбы в рамках нелегальной и полуполигальной форм — вот что сокрушит тиранов. Пока военно-полицейская сила находится в руках деспотов, все декларации и заявления могут с успехом заменять «вождям» туалетную бумагу.

Чтобы мышки продолжали пищать и бегать, коты играют с ними не насмерть, так сказать, декларативно играют. То в Хельсинки поедут, то в Мадрид. Но коты не на один миг не забывают, что мыши есть в то же время мясо, которым можно с выгодой торговать. К обоюдному счастью едоков и поедаемых, кошачий деликатес пользуется на западном рынке большим спросом, особенно в свежем виде. Игра в кошки-мышки продолжается, пока коты сыты. Но не успеет просигнализировать первый импульс голода, как игра кончается. Тогда мыши гибнут, а коты жиреют.

Хочется сказать господам «легалам» — перестаньте, пожалуйста, откармливать декларациями новых мышей к банкетному столу жиреющих на ваших жертвах врагов России. Займитесь, наконец, делом. А «Что делать?» — вопрос давно решенный. Клин клином вышибают. Вострите клинки, копите силы, учитесь рубить. И не любите себя в революции больше, чем революцию

в себе. Революция — не парад голливудских звезд и не состязание античных краснобаев. Это тяжелейший, опасный, каторжный труд без надежды на сиюминутное вознаграждение или бурные овации сердобольных политических недорослей. Хотите вы того или нет, власть придется брать с бою. «Где же видано, чтобы власть отдавали без бою?» — удивляются тираны. Неужели после этого кому-то не ясно, почему нужен бой, почему без боя не обойтись?

Борьба предстоит жестокая, увы, не без кровопролития и обоюдных жертв, поэтому теоретическим друзьям свободы не найдется места в атакующих цепях честных бойцов за счастье поработанных народов России. Революция есть состязание в силе, бой. Вот, что такое революция, господа «легалы». Тираны уважают только силу. И боятся они освященной верой и разумом силы, а не призывов к отсутствующей у них совести. Надо учить людей делу, а не заниматься художественным оформлением истин; давно известных каждому трудовому человеку. Снимите, пожалуйста, импортные слюнявчики, перестаньте пускать мыльные пузыри.

На этом авторы пожелали завершить свой скромный труд, посвященный правдивому жизнеописанию и разоблачению темных идей и деяний недоброй памяти «отцов-основоположников» коммунистического рабства, имя которым — Энгельс — Маркс — Ленин.

Петр Паламарчук

НЕОТПЕТЫЙ ЗЛОДЕЙ

У всякой нынешней отечественной тяготы, ежели приглядеться пристальнее, всегда обнаруживаются глубокие корни в минувшем. Вот объявились как будто совершенно внове «рэкетиры» — то есть берущие силой мзду с неправедно, по их разумению, нажитого. Но не был ли первым рэкетиром еще тот, кто бойко гаркнул: «Грабь награбленное!»

Вопрос о нем и его наследии — один из краеуголь-

ных в общественной и даже религиозной жизни России. Недавно, на вечере памяти новомучеников, в священном сане писатель и долголетний лагерный сиделец Олег Васильевич Волков припомнил страшную фразу, вставленную в доклад Патриарха Пимена к тысячелетию Крещения Руси,— что, дескать, перестройка принесла возвращение к ленинским нормам в отношениях с религией. Тут он перекрестился и сказал: «Не дай того Бог!».

16 июля 1989-го, первого во втором христианском тысячелетии Руси года, мне посчастливилось участвовать и в первом вечере на Москве, посвященном святым царственным новомученикам, проведенном кооперативом «Радонеж» в здании Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на Покровском бульваре — так называемом «Доме Телешова».

Мое выступление было о памяти государя Николая Александровича, отраженной в московских храмах. В ходе его я прочел отрывок из составленного мною четырехтомника «Сорок сороков» — краткой истории всех церквей первопрестольной, выпущенной к 1988 году в Париже. Он касается сноса в Кремле памятника Александру II работы А. М. Опекушина (1833—1896), вокруг которого шла галерея с 33 мозаичными изображениями русских государей от Владимира Святого до Николая I, а надпись внизу свидетельствовала, что сооружен он на добровольные пожертвования народа. Сейчас на этом месте стоит изваяние В. Ульянова, писавшего под псевдонимом Н. Ленин.

Согласно воспоминаниям советского коменданта Кремля П. Д. Малькова, я считал, что именно памятник Александру Освободителю снес своеручно тот, чей кумир был водружен вместо него в 1967 году. Однако после выступления ко мне подошел неизвестный знаток Москвы и посоветовал перепроверить сведения по книге «Наша главная площадь», вышедшей вторым изданием в 1966 году. Вняв его словам, я прочел снова страницы 76—77, и мне сделалось жутко.— Но не потому, что допустил ошибку, в которой здесь винюсь. Дело в другом.

Действительно, лично Ленин сломал другой памятник — убитому в Кремле 4 февраля 1905 года бомбой эсера Каляева генерал-губернатору города, дяде импе-

ратора Николая II и мужу великой княгини-мученицы Елизаветы Федоровны, великому князю Сергею Александровичу. Он был погребен в подклете храма митрополита Алексия кремлевского Чудова монастыря, где в его память в 1906 году освятили особый храм. Храм украсили множеством старинных икон и утвари, ибо погибший был одним из виднейших собирателей русской церковной старины. В 1909 году синодальная типография выпустила о нем замечательную книгу М. П. Степанова «Храм-усыпальница великого князя Сергея Александровича во имя преп. Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве», большого формата, на двух сотнях страниц, с почти полусотнею отличнейших иллюстраций. Храм был снесен вместе с монастырем в 1929-м; но кремлевская земля, как выяснилось недавно, укрыла его от полного уничтожения. Годы два назад при землеройных работах, вскрывая часть Ивановской площади, случайно наткнулись на усыпальницу великого князя. Благодаря некоторому смягчению нравов, по вскрытии и изучении захоронения с останками — а после каляевского взрыва от страдальца полностью сохранилась только грудь, — из могилы были взяты лишь серебряные накладки гроба, все же остальное вновь положено обратно и скрыто в земле до будущих поколений.

Памятник убиенному был воздвигнут перед зданием Сената его подшефным пятым Киевским гренадерским полком и открыт 2 апреля 1908 года. Он представлял собою высокий бронзовый с эмалью крест, исполненный по рисунку художника Васнецова, с изображением Распятого и Скорбящей Богоматери над ним. Надпись на кресте гласила: «Отче, отпусти им — не ведают бо, что творят». Снимки монумента напечатали «Искры» — еженедельное иллюстрированное приложение к московской газете «Русское слово» (1908, № 15, с. 114), ныне они вновь распространяются для любителей отечественной истории кооперативом «Радонеж».

И вот теперь, зная, что памятник представлял собою висящего на Кресте Спасителя, перечтем снова воспоминания о его сносе 1 мая 1918 года, как их изложил некто Ю. Юров в названной выше книге «Наша главная площадь».

«Перед зданием Судебных установлений в Кремле

собираются для участия в демонстрации работники ВЦИК и Совнаркома. Еще стоит памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича...

У здания Судебных установлений в Кремле появляется Ленин. Празднично настроенный, он шутит, смеется. Увидев коменданта Кремля Павла Дмитриевича Малькова, Владимир Ильич приветливо здоровается с ним, поздравляет его с великим народным торжеством.

— Хорошо, батенька, все хорошо! — одобрительно отзывается о праздничном украшении Кремля Ленин. Но тут же высказывает свое разочарование тем, что один из тех истуканов-памятников, которые должны были быть сняты по декрету Совнаркома, по-прежнему стоит в центре Кремля.

— Не успел, рабочих рук не хватило, — ответил на замечание Ленина комендант Кремля.

Владимир Ильич нашел причины неуважительными.

— Для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас, — уверенно заявил он. — Как, товарищи?

И сразу же откликнулись все, кто стоял рядом.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет, — вновь обратился Ленин к коменданту Кремля. — Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

«Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки», — вспоминал Павел Дмитриевич Мальков.

Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич Ленин. Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК, Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули — и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал командовать Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику...»

Таковы были истинные ленинские нормы отношений с Христом: петлю на шею Сыну Божьему.

...Нынче в православном народе ходит любопытней-

ший рассказ, разительно напоминающий притчу из древнего патерика о том, как один праведный монах дерзнул молиться за спасение самого сатаны. Так вот, благочестивая московская старушка стала поминать в своих молитвах Ленина. И через какое-то время ей было видение: ночью явился его призрак и сказал: «Я пришел к тебе не по своей воле. Не молись за меня — мне уже ничто не поможет».

На вечере памяти царственных новомучеников выступал священник, который разрешил этот вопрос несколько иначе. Он передал слова современного юридова, который обмолвился так:

«Ульянова нужно отпеть, а Ленина предать анафеме!».

Александр Серебренников

КТО ЖЕ ВЫСТРЕЛИЛ В ЛОЗАННЕ?

Вацлав Воровский сыграл важную роль в истории ленинской партии в годы первой мировой войны. Но его имя прогремело только после его убийства в Лозанне. Если бы не выстрел Мориса Конради, Воровскому суждено было бы остаться в тени. Как тут не вспомнить слова булгаковского персонажа: «Повезло, повезло!.. Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...». Бессмертие героя, погибшего от рук врагов...

< . . . >

В мае 1915 года в Швейцарии В. И. Ленин, А. Л. Парвус и Я. С. Ганецкий договорились о создании торговой сети, которая заработала в апреле 1916 года. В Копенгагене Парвус и Ганецкий, пользуясь связями с немецкими властями, организовали общество, бесплатно получавшее из Германии столь дефицитный в военные годы «аптекарский товар»: презервативы, сальварсан (средство для лечения сифилиса), термо-

метры. Из Копенгагена товар переправлялся контрабандой в Стокгольм. К Воровскому приезжали агенты Союза городов (созданного на общественные деньги в помощь армии), среди которых были известные впоследствии Подвойский, Стеклов-Нахамкис. На средства союза они закупали товар и привозили его в Петроград, где потребность в средствах, изящно именуемых А. Коллонтай «любовью без детей», была исключительно велика: с началом войны цена на презерватив подскочила в 10 раз. В России товар распродавался по спекулятивным ценам через аптеки, дома красоты. В Петрограде операцией руководил шурин Зиновьева С. М. Закс-Гладнев.

О величине торгового оборота можно судить хотя бы по такой цифре: первый заказ на презервативы, посланный Ганецкому Заксом, составил сто тысяч штук. Таким образом добывались огромные деньги, часть которых шла на издание партийной литературы, содержание профессиональных революционеров на «партийной диете». Остальные деньги накапливались в банках.

Воровский находился в центре партийно-коммерческих связей. Он не только участвовал в торговых операциях, но и осуществлял связь между Лениным, находившимся в Швейцарии, и его сестрой Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой, а также между Зиновьевым и Заксом-Гладневым, так как был своим человеком в обеих семьях. Анна Ильинична и Закс-Гладнев работали в ту пору в журнале «Вопросы страхования», который был единственным легальным органом ленинцев во время войны. Редколлегия этого журнала, издававшегося Всероссийским советом по делам страхования, была органом, фактически выполнявшим функцию Русского бюро ЦК. Елизарова по цепочке посылала в Стокгольм сведения, пользуясь хорошо известными ей способами шифрования в книгах. Воровский переписывал послания открытым текстом и пересылал Ленину в Швейцарию. Система отлаженно действовала и в обратном направлении.

Таким образом, деятельность Воровского в Стокгольме была связующим звеном в торговых операциях Парвуса и Закса и в переписке Ленина с Россией. Кроме того, находясь в Стокгольме — тогдашней столице мирового шпионажа, — Воровский поддерживал кон-

такты с немецкими разведчиками. Через них у него установились связи с Генштабом.

В конце 1915 года царская охранка, разоблачив подпольную большевистскую организацию в России, напала на след немецко-большевистской агентуры в Стокгольме. По просьбе охраны шведская полиция произвела у Воровского обыск и выявила его конспиративные связи с Швейцарией. Воровскому удалось бежать в Россию. В январе 1916 года он вернулся в Стокгольм вместе с женой, пешком по глубокому снегу перейдя шведскую границу.

В апреле 1917-го Воровский вместе с Парвусом и Ганецким участвовал в организации возвращения Ленина в Россию. Проезжая через Стокгольм, Ленин из Воровского, Ганецкого и Радека сформировал заграничное бюро ЦК, которое действовало до октябрьского переворота, осуществляя связь Ленина с Германией.

* * *

Контразведка Временного правительства, используя материалы царской охраны и проведя перерасследование, раскрыла ленинские связи с Германией. В июле 1917 года прокуратура Временного правительства по итогам предварительного следствия опубликовала обвинительный акт: Ленин, Зиновьев, Ганецкий и другие обвинялись в подготовке вооруженного восстания и государственной измене (шпионаже). Была определена окончательная дата суда — 26 октября по старому стилю. Со дня возвращения в Россию Ленина (беспрепятственно проехавшего через территорию врага) в прессе велась разоблачительная кампания. Газеты той поры пестрели именами Ленина, Ганецкого, Зиновьева. Имя Воровского не фигурировало в газетных публикациях. Для журналистов и читающей публики наш герой, игравший столь важную роль в большевистско-германских связях, был «каким-то Воровским». Он не был широко известен и в партийных кругах. Это помогло Воровскому удержаться на плаву.

После Февральской революции члены ленинской партии составили две группы: большевики-подпольщики, вернувшиеся из тюрем и ссылок, и эмигранты, приехавшие «на все готовое» и обвинявшиеся в шпио-

наже. Группу «страдальцев», требовавших расследования, возглавил Сталин. Под его руководством прошел Шестой партийный съезд, на котором была создана комиссия по проверке обвинений (активными ее участниками стали Урицкий и Дзержинский). Германские связи большевиков разоблачались, таким образом, и царской охранкой, и Временным правительством, и внутри самой партии. Сталин хотел использовать имевшиеся у него документы против своих соперников в борьбе за власть. Однако Ленин с его авторитетом, придя к власти, добился закрытия расследования и реабилитации Ганецкого и других большевиков-ленинцев, замешанных в связях с Германией. Партийная комиссия прекратила работу в январе 1918 года. Ленин настоял на назначении Воровского первым советским послом — представителем Советской России в Скандинавии. Началась его дипломатическая карьера. Однако скрытая кампания против ленинцев-шпионов продолжалась, компромат накапливался тайно...

* * *

В 1923 году Ленин начал терять власть. Сталин активизировал разоблачение, шантаж и постепенное устранение из структур государственной власти ленинцев, замешанных в прогерманских интригах. Решено было отозвать Воровского из Лозанны и Рима.

2 мая Воровский получил телеграмму от Чичериной — его отзывали в Россию. Понимая, что в Россию ему возвращаться нельзя, Воровский решает остаться на Западе, тем более что его семья и накопленные им богатства находились в безопасности в Европе. В Лозанне под видом сотрудника РОСТА к Воровскому был приставлен агент ОГПУ Аренс. Воровский тянул с отъездом. Аренс повсюду сопровождал его. Когда стало ясно, что Воровский добровольно не вернется, прозвучал сигнал к действиям... С помощью Аренса было установлено местонахождение Воровского. Вечером 10 мая в ресторане гостиницы «Сесиль» Воровский ужинал с Аренсом и сотрудником советского посольства в Риме Дивильковским. Морис Конради выстрелами в голову из револьвера убил Воровского, другими выстрелами ранил Аренса и Дивильковского, после чего попросил его арестовать.

Убийство Воровского было важным событием в тогдашней внешнеполитической игре: сваленное на белогвардейцев и империалистов, обозленных и напуганных триумфом пролетарской революции, оно стало козырем Москвы против унижительного ультиматума Керзона. В Москве надеялись на то, что правительства европейских стран потеснят белогвардейцев: угроза интервенции казалась тогда реальной.

Перевоз тела Воровского в Россию сопровождался волной организованных демонстраций, его имя получило мировую известность.

Версия об убийстве Воровского белогвардейцами не подвергалась ни малейшему сомнению эмиграцией, представившей убийц героями-мстителями за красный террор...

Николай Васецкий

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

(Вместо послесловия)

Как-то в начале 70-х в московскую пору своего студенчества, и по сей день мучающую ностальгией по «райской жизни», забрел я в Колпачный переулок, милую сердцу тихую и уютную Историчку. Просматривая картотеку действительных писателей и литературных проходимцев, наткнулся на поразившую меня, тогда еще не приученного к разнузданности нравов и помыслов современной эпохой гласности, небольшую по объему книжонку — «Донжуанский список Пушкина».

Ее автор, некий Губер, считавшийся в 20-е годы литературоведом, опираясь на анекдоты и сальности, в избытке распространявшиеся о русском поэте в прошлом да и нынешнем веке скрупулезно подсчитал «жертвы» страстной природы творца «Дон Жуана». Так посредственность отомстила гениальности. И об этом,

пожалуй, не стоило бы и поминать. Дело привычное. Если бы не одно «но».

В прошлом пошлость паскудила преимущественно имена поэтов и прозаиков. В настоящем она принялась и за политиков. В периодических изданиях валом пошли эссе о двоеженстве Ленина, садистских наклонностях Сталина, невоздержанности Троцкого. Словом, предметом особых придирок тех, кто сам нечист на руку и в остальном, стала большевистская аморальность, проявлявшаяся, по их мнению, не только в сфере политики, но и домашних условиях.

Так стыдливость нашей исторической публицистики, и до сих пор старательно обходящей теневые стороны жизни «великих», дала пищу для политических спекуляций. И здесь уже не до игривости и шуток. Ведь, коль существует «взгляд» губеров, он будет существовать, как бы мы от него ни отмахивались. Спорить с ним бесполезно. Но не замечать нельзя.

Тема «донжуанства», которая, так или иначе, присутствует в жизни почти любого сколько-нибудь заметного политического деятеля, лишь одна из многих, что до недавнего времени тщательно скрывались от посторонних глаз. В результате страдало не просто наше знание о деятелях прошлого. Искажался до неузнаваемости их действительный образ, а вместе с ним и облик эпохи, в которую они жили и творили, любили и ненавидели. Отчего уходило то главное, без чего действительность переставала быть реальностью, превращаясь в ее мифологизированный суррогат. Так, уже не только пошлость, но сама история мстила нам за необъективность и фрагментарность представления о ней, навязываемых власть предержащими.

Обо всем этом подумалось не случайно, а именно в связи с прочтением предлагаемого сборника материалов о В. И. Ленине. Не говоря о других, мое поколение родившихся в середине 40-х было воспитано на том, что уж о ком о ком, а о вожде Октября и Советской власти известно если и не все, то почти все. На нашем восприятии Ильича сказывался культивируемый десятилетиями культ его личности, авторитетом которой освещались самые неблагоприятные идеи и поступки, к нему апеллировали как к последнему и неоспоримому доказательству правоты или кривды конкретной позиции или взгляда на происходившее. Может, поэтому в

шеренге революционных деятелей Ленин оказался одним из последних, про кого сегодня наконец заговорили не в привычном плоскостном, черно-белом, а объемном, цветном изображении.

По форме сборник напоминает многочисленные издания подобного рода: воспоминания о Ленине его современников, тех, кто в разной мере по разным поводам и предлогам общался с ним, глубоко личные восприятия вождя как человека, политика, теоретика и практика революции. Одним из последних по времени таких изданий является вышедшая в Политиздате в 1990 году книга «Ленин. Человек — мыслитель — революционер (Воспоминания и суждения современников)». В этом сборнике есть имена, которые встречаются и в настоящем издании. Но подчеркиваю, напоминание это сугубо формальное, то есть внешнее. Внутреннее содержание данного сборника — качественно иное в сравнении с политиздатовским и тем более с его бесчисленными предшественниками.

Авторы настоящего сборника (за исключением разве что Горького и Сталина) никогда или почти никогда не считали себя сторонниками ленинских идей, всегда или почти всегда видели в них чуть ли не главную беду новейшей русской истории. Поэтому соответственно воспринимали и фигуру вождя, прежде всего обращая внимание на те ее очертания, которые и сегодня многим кажутся непривычными.

Скажу даже более. Зная политические и культурные ориентиры авторов сборника, у его читателей может вполне сложиться впечатление пристрастности оценок, а значит, необъективности. Но резонен и встречный вопрос: а что, разве чьи-либо вообще воспоминания и суждения могут быть беспристрастными? Они же не научный изыск. К тому же и сами эти изыски как в настоящем, так и особенно в прошлом ой как были далеки от беспристрастности исследовательского взгляда и тем более олимпийского спокойствия их авторов.

При внимательном чтении материалов невольно ловишь себя на мысли, что вот такой Ленин — не глянцевая картинка, а ершистый, непривычный своей резкостью и прямоотой, уже когда-то, что называется, попадался на глаза. Читатель догадался, что речь идет об отдельных эпизодах горьковского знаменитого очер-

ка о Ленине, с 1924 года бывшего в нашей стране своего рода канонизированным жизнеописанием вождя. Вспомните хотя бы сценку со слушанием Лениным Ап-посионаты Бетховена и его реакцию на музыку гениального немца. Представленный здесь очерк Горького совсем иной. Да и остальные материалы, мягко говоря, не привычны нашему сознанию.

Мера невосприятия или, выражаясь осторожнее, критичности действий и образа мыслей Ленина у каждого автора сборника разная. Одно дело, когда Лениным возмущается меньшевик Вольский, то есть Валентинов, или правый эсер Чернов. Они имели к нему личные претензии. Это те, кто были идейно и политически посрамлены Лениным. Другое — когда с Лениным спорит Рассел. Тут верх берет любопытство естествоиспытателя, в недоумении остановившегося перед неизвестной ему особью и стремящегося понять, с кем и с чем пришлось иметь дело. Третье — любознательность Куприна, специально изыскавшего повод поглазеть на кремлевское «диво» и потом просыпавшегося по ночам от неспособности переварить полученную дозу впечатлений. Четвертое — Авторханов (его очерк опубликован на страницах «Нового мира», № 1, 1991), поражающий не столько своей политической безграмотностью, сколько фальсификаторской техникой препарирования ленинских текстов.

Точно также не похожи между собой очерки не «вспоминателей», а «рассуждателей», особенно тех, кто проживает в Отечестве. Лукавый Солоухин, пытающийся убедить всех в своем первознакомстве с Лениным, да и то из 55 томов всего лишь одним, по словам неистойвой Доры Штурман, «не самым ужасным» — 36-м. Обстоятельный Штейн (его очерк также опубликован в журнале «Слово», № 2, 1991), с хладнокровием хирурга рассекающий родословную Ленина на составные части. Начинающие постигать ленинские премудрости авторы, вроде Еременко или тех, кто писал «групповой портрет». Им, конечно же, прежде чем язвить и насмешничать неплохо было бы просто тихонечко, незаметно для окружающих поучиться азам обществоведения. Наконец, для меня так и осталось неясным, с чьим мнением или чьими воспоминания я познакомился — Паламарчука или обильно цитируемого им бывшего коменданта Кремля Малькова.

Особенность авторской позиции в материалах, которые включены в этот сборник, состоит еще и в том, что почти каждый из них смотрит на Ленина как бы снизу вверх из-за меньшего в сравнении с лениным «роста» собственного интеллекта и знания предмета. Из-за чего многие, чтобы дотянуться, поступают весьма просто — точно ветку лозы пригибают к себе Ленина, стаскивая его на свой уровень. Естественно, тут же уменьшается угол обзора, теряется четкость очертаний, сужается пространство мышления. Возникает не столько образ Ленина, сколько собирательный образ тех, кто его намерен «стереть в порошок».

Сборник разномастен, раздергивается на куски буквально на глазах при чтении. Что же тогда держит все его содержание вместе? Думаю, жанр. Перед нами, пользуясь термином старейшины современной литературы О. В. Волкова, разновидность антиленинианы, похоже входящей у нас в моду. Или на худой конец — заявка на таковую.

Зародившаяся не сегодня и не вдруг антилениниана, как показывают очерки современных отечественных публицистов, сохранила тенденцию к развитию. Хотя справедливости ради замечу: развитие это выглядит довольно странным, поскольку «развивается» лишь одна сторона предмета — неприязнь к Ленину и неприятие его идей. Что же касается аргументации неприязни и неприятия, то она, увы, остается на том же уровне, что была при «царе Горохе». Происходит это не в последнюю очередь потому, что основоположники антиленинианы были неизмеримо более корректны в выражениях своих антипатий к Ленину, вели с ним спор по существу, а не били по вымышленным целям, как это делают их доморощенные продолжатели. Нельзя не учесть и различие между «теми» и «этим» в культурном уровне, не говоря уже о разнице в образовании и знании предмета.

Есть и еще одна ось, вокруг которой, так или иначе, вращается маховик обличений Ленина. Это несколько сюжетов, о которых у нас помалкивали, а у них там, «за бугром», их запутали до чрезвычайности. Так что разобраться в сути порой весьма сложно. То ли не хватает подлинной информации, то ли акценты смещены уже настолько, что их не вернуть к истокам. То ли просто Ленина хотят «ущучить», не утруждая

себя постижением его логики действий и хода мыслей. К таким сюжетам я бы отнес хотя бы вот эти: национальность Ленина, его амурные дела, деньги на революцию, отношение к насилию или причастность к «красному террору», взаимоотношения с церковью. Понимаю, что выделение этих тем несколько условно. В сборнике есть немало и других. Но именно указанные сегодня особенно будоражат сознание и сторонников и противников вождя.

Национальность. Вслед за Мариэттой Шагинян, которая, опираясь на казанские и астраханские архивы, доказала наличие калмыцких предков в роду Ленина, Штейн также, исходя из ленинградских архивных изысканий, подтвердил давно носившуюся в мыслях версию о еврейских корнях Ильича. Его дед по линии матери не был немцем, как утверждалось ранее, а принявшем православие евреем. Я подчеркиваю это обстоятельство — именно по линии матери, — не зря.

В семье Ульяновых господствовал своеобразный культ Марии Александровны. Ее боготворили все дети, но более всех Володя Ульянов. Близко знавший его по первой эмиграции социал-демократ Г. А. Соломон вспоминал: «...и сам Ленин поддавался этому настроению культа матери, и, находясь в ссылке, а затем за границей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (столь непохожие на него) письма. И в разговоре со мной, в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом «наплевать», сразу изменился, заговорив о матери. Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким-то шедшим глубоко в себя, и он полупшепотом сказал мне: «Мама... знаете, это просто святая...»» (Соломон Г. Е. Ленин и его семья (Ульяновы). Париж, 1930, с. 25—26).

В книге другого постбольшевистского эмигранта, гонимого нашей официозной пропагандой как «реакционер» и «мракобес», Василия Витальевича Шульгина «Что нам в них не нравится...» (Париж, 1929 г.) на огромном фактическом материале доказано положение о том, что почти всякий «метис», или по-русски «полтинник», в котором по материнской линии присутствует еврейская кровь, в конечном счете тяготеет именно к еврейству, каким бы православным он ни ста-

новился потом. В силу своей физиологической мощи еврейство забивает все остальное «кровя» (с. 29—30). В этом я, между прочим, убедился не только познакомившись с превосходной книгой Шульгина, но и на примере собственного 16-летнего сына.

Эта особенность ленинской родословной постоянно затушевывалась, отбрасывалась «за ненадобностью». А зря. При всей своей условности она отчасти позволяет понять физическое безразличие Ленина к национальности соратников и тех, кто с ним соприкасался. Так называемый пролетарский интернационализм, принципы которого пошли от К. Маркса, нередко превращался в заурядную форму космополитизма. Причем от национальной неразборчивости страдал в первую очередь сам Ленин.

В литературе как-то упускается из виду один факт, его не заметил даже пронизательный М. Алданов в очерке об Урицком (Наш современник, 1990, № 2). Как известно, 30 августа 1918 года почти одновременно в Петрограде и Москве было совершено два террористических акта: В первом случае был убит председатель Петроградской ЧК Урицкий. Во втором — ранен председатель Совнаркома Ленин. Террористы — Каннигесер и Каплан — были одной партийной принадлежности и национальности. Это не случайное совпадение — даты, партийность, национальность, элементы направляемого из одного центра заговора по уничтожению Ленина. О них говорилось уже не раз, восклицает нетерпеливый читатель. С ссылками на него оправдывали жестокость ответной реакции. Совершенно верно. На заговор намекали. Молчали вот о чем: реакция на него соратников Ленина. А она показательна.

Свердлов телеграммой срочно вызвал в Москву с Восточного фронта Троцкого. 2 сентября ВЦИК объявил страну на положении военного лагеря. Чуть позже он же по предложению Свердлова утвердил наркомвоенмора Троцкого председателем Реввоенсовета Республики, пост гораздо более емкий, чем у Председателя Совнаркома, которым был Ленин. Эти расхождения Ленин устранил потом в ноябре 1918 года созданием Совета Труда и Обороны Республики, в который введет РВС, подчинив его СТО. 5 сентября приняли распоряжение о «красном терроре». Про Ленина никто из соратников и не вспомнил. Ждали. Выберется ли

он из кризиса или нет. В любом случае «замена» была уже готова: институт политического господства без Ленина во главе с Троцким — Свердловым создан. Ленин выжил. Что делают соратники? 6 сентября в Петросовете Зиновьев разразился многочасовой речью, выдвинув набор всех тех культовых атрибутов, которые затем, то усиливаясь, то затухая, будут повторяться вплоть до наших дней.

Неумеренное славославие Ленина его соратники повторят снова после его выздоровления и выхода на работу уже в Москве, причем задолго до надоевшего своими бесконечными ссылками на него вечера по поводу 50-летия вождя (1920 г.) в ноябре 18-го в одном из крупнейших кинотеатров столицы «Арс». Говорили все от Свердлова до Троцкого, от Калинина до Бухарина, говорили буквально до одурения, и не в отсутствие, как на вечере 50-летия, а в присутствии Ленина и его громадного портрета на сцене. Сам Ленин, помоему, выступил на вечере с докладом о Питириме Сорокине. Говорят, что после этого безобразного шоу Ленин собрал заседание ЦК РКП(б) и запретил что-либо подобное в свой адрес в настоящем и будущем. Запретить-то запретил, но суть не в этом. Подобное действие, как мне представляется, свидетельствовало о том, что соратники не столько прославляли вождя, сколько доказывали ему свое почтение за кратковременную не то чтобы неверность, а так, намек на неверность, который мог закрасться в душу Ленина после первых дней сентября 18-го.

И все же, несмотря на замечание Солженицына в «Красном колесе» о том, что в этом картавом, огненно-рыжем человеке русской крови было всего-то на четверть, я считаю, что Ленин оказался именно русским, российским явлением и ни на какой другой земле не смог бы ни родиться, ни вырасти.

Мне трудно сказать, хорошо ли Ленин знал идеологию славянофильства, но в его работах по национальному вопросу переключка с идеями славянофилов и почвенников поразительная. К своему стыду, я лишь недавно познакомился с книгой, говорят, не самого яркого представителя указанного течения русской мысли, Н. Данилевского «Россия и Европа». И что же? Именно в этой книге я обнаружил первые зачатки бу-

душей ленинской теории самоопределения наций. Только у Данилевского вместо «самоопределения» использовался термин «принцип национальности». Но смысл-то тот же, что потом вкладывался в понятие самоопределения Лениным.

Или другой, не менее выразительный, пример: ленинский тезис о двух культурах в одной нации — буржуазной и пролетарской. И тут Ленин не оригинален. Уже ранние славянофилы выдвинули положение о распаде послепетровской Руси на два неравнозначные слоя: господ с их идолопоклонством перед Западом и «холопов», по-прежнему державшихся исконных русских устоев жизни. Этот раскол почти весь XIX век мучительно преодолевался русским обществом. При чем движущей силой его преодоления выступила разнородная Россия.

«Амуры». Все, что сегодня пишется на эту тему, имеет под собой весьма хлипкую источниковую базу. Да и может ли быть как-то иначе? Ведь не зря же говорится: ты что, свечку держал?

Относительно «двоеженства» Ленина — версии, запущенной в оборот со ссылкой на Британскую энциклопедию покойным политобозревателем «Аргументов и фактов» А. Логиновым, можно сказать следующее. Действительно, до Крупской у Ленина было немало «гимназических романов». Еще в Симбирске он обменивался записочками с посетительницами местной гимназии. Ну и что? Были встречи и потом, в Казани и тем более в Петербурге.

Посещая в столице империи занятия в кружках политграмоты для рабочих, Ленин познакомился с А. Якубовой, бывшей гораздо более яркой и самобытной девицей, чем Крупская. Последняя сама проговорила об увлечении Ленина. В своих воспоминаниях Крупская рассказала, как ее будущий муж, сидя в доме предварительного заключения, просил, чтоб она пришла с Якубовой и стала на указанное им в записке место под окнами дома. Тогда он из своей камеры мог бы увидеть их обоих. Сугубо «ленинский» случай и способ достижения намеченного. Якубова предпочла Ленину другого. Более старшая и уравновешенная Крупская не обиделась и разумно дождалась своего часа. Что ж тут такого унижительного для нее и ее супруга? По-моему, так наоборот. Узнавая такие под-

робности, для нас, во всяком случае для меня, и Ленин и Крупская делаются более доступными, а значит, и понятными.

Или нашумевшее «открытие» современных газетчиков о связи Ленина и Инессы Арманд. И тут с источниками — беда. Казалось бы, должна выручить био-хроника жизни Ленина. Где там. По-моему, это много-томное издание составлено так, чтобы не дай Бог возникла хоть малейшая загогулина в сознании читателей относительно ленинской безупречности. Единственным письменным подтверждением интимной близости Ленина и Арманд служат опубликованные в 1952 году французским историком Боди воспоминания Александры Коллонтай. Она своим поведением не раз и не два предметно доказывала исповедовавшуюся и Инессой теорию «стакана воды»: любовь — это жажда, мучающая человека, которую следует утолять испитием «стакана воды». Отчасти отголоски этой теории обнаруживаются в переписке Ленина и Арманд.

Трудно с уверенностью сказать, как в их взаимоотношениях обстояло дело с этой теорией на практике, но то, что Ленин действительно увлекся Инессой, у меня сомнений нет. Даже усеченная нашими архивариусами их переписка говорит о многом. К тому же были и другие письменные подтверждения.

Например, между 17 февраля и 28 марта 1920 года Ленин пишет Арманд: «Дорогой друг!

Посылаю кое-что для чтения. Газеты (английские) верните (позвоните, мы пришлем за ними к Вам).

Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор.

Есть ли у Вас дрова? Можно ли готовить дома?

Кормят ли Вас?

А что теперь?

Черкните».

Письмо как письмо. Обычные бытовые сложности периода гражданской войны. Сколько таких писем послано Лениным по тысячам адресатов. Все так, если бы не дальнейшая приписка: «Товарищ Инесса!

Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать. Пишите как здоровье.

Что с Вами?

Был ли доктор?» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 1, с. 215—216).

Даже при всей легендарной внимательности Лени-

на к любому члену ЦК РКП(б), коим являлась И. Арманд, все-таки вряд ли он стал бы интересоваться номером «калош», какие они носили. Это раз. Второе. То глубокое, неподдельное горе, какое пережил Ленин, узнав о нелепой (от тифа) смерти «дорогого друга», настояв на ее похоронах у Кремлевской стены, — честь далеко не для каждого рядового члена ЦК или Совнаркома. Третье. Приводимая в сборнике записочка Ленина председателю Моссовета Каменеву с просьбой посадить цветы на могиле И. Арманд.

Ей-Богу, только изголодавшаяся до крайней степени печать и отечественное лениноведение, пронизанные дремучим ханжеством, могли скрывать от аудиторий эту трогательную даже по меркам обыкновенного смертного, не говоря уже о революционере ленинского масштаба, любовь. Зачем? Кому от этого польза? Ведь достаточно беглого взгляда на фотографии Крупской и Арманд, чтобы понять и извинить и эту страсть Ильича.

Деньги. Не знаю, почему такой ажиотаж вокруг этого вопроса, как будто пишущие о нем — малые дети и им невдомек, что любая, а не только большевистская, политическая деятельность немислима без известного финансового минимума. Есть он — будет деятельность. Нет — извините, в лучшем случае все ограничится разговорами.

Аксиоматично и другое. В деньгах нуждались, их брали все: большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, анархисты, бундовцы и прочие и прочие, вплоть до наших дней. Источники финансирования также у всех были почти те же самые: сборы, пожертвования, взносы, филантропия и т. д. Большевики и анархисты брали деньги еще и с помощью эксов, то есть экспроприаций. Выражаясь нормальным языком — разбойным нападением на государственные банки, сберкассы и прочие финансовые учреждения.

При добыче денег нередко случались самые анекдотические истории. Взять хотя бы эпизод с так называемыми «держательскими деньгами». О них между «беками» и «меками» шли нескончаемые споры. Суть вот в чем.

Известный московский купец, владелец мебельной фабрики, разгромленной в ходе декабрьского восстания в Москве в 1905 году, Николай Павлович Шмидт,

будучи студентом университета, сошелся с большевиками. Располагая от Викулы Морозова капиталом в 500 тысяч рублей, Шмит намеревался передать его большевистской фракции РСДРП. Однако был арестован и умер в тюрьме. Законный наследник — младший брат Шмита — по принуждению от денег отказался в пользу родных сестер Екатерины и Елизаветы. Вступив в наследование, они должны были передать сумму большевикам.

Опасаясь подвоха, те направили к сестрам доверенное лицо — помощника присяжного поверенного Николая Андриканиса. Тот оказался «смышленным малым». Соблазнив Екатерину и зажив с ней гражданским браком, он заявил ЦК, что отдаст лишь треть суммы. Началась тяжба. Состоявшийся в 1908 году в Париже третейский суд решил разделить пополам между большевистским центром и Екатериной Шмит причитающуюся ей долю наследства (170 тысяч). Кроме того, большевики должны были получить от младшей Елизаветы, ставшей уже не гражданской, а фактически женой другого «бека» Виктора (фамилия Лозинский), еще до 500 тысяч.

Как там уж они делились дальше, сказать не берусь. Известно, что на состоявшейся в январе 1912 года в Праге конференции РСДРП, где большевики окончательно оформили свою партийную самостоятельность, бюджет партии был определен в 58 тысяч франков на текущий год.

Относительно того, брали или нет через Парвуса большевики деньги от Германского генштаба, полной ясности тоже нет. Документов, прямо подтверждающих бы такие «взятки», не обнаружено. Вся версия построена на косвенных уликах. Где главная: доверенное лицо Ленина Ганецкий (Фюрстенберг) работал в филиале фирмы Парвуса, производившей противозачаточные средства в Копенгагене. Значит, по всем полагающимся в таких случаях канонам Фюрстенберг деньги брал и через Коллонтай и Шляпникова, живущих в Стокгольме, посылал их в Россию на деятельность Российского бюро ЦК РСДРП(б).

Может быть, так оно и было. Тем более, что от Парвуса деньги получали не только большевики, но и троцкисты. В 1915—1916 годах в Париже выходила редактируемая Троцким — Мартовым антирусская

германофильская газетенка «Наше слово». Она содержалась отчасти на деньги сына румынского магната из Добруджи Х. Раковского и действительного агента Германского генштаба Парвуса. Любопытно, что даже в 1930 году, будучи высланным из СССР, Троцкий воспользовался прежним источником. Через подставных лиц он получил немалые суммы из Копенгагена, где в годы первой мировой войны функционировал созданный Парвусом так называемый институт по изучению военных проблем.

Что ж, такова политическая жизнь. Не Ленин и его соратники ее придумали. Не им и ставить лыко в строку, если, конечно, оценивать их деятельность сугубо с политической точки зрения. А как можно ее оценивать иначе? Тогда это уже будет не политика, а нечто другое. Придавать отмеченным фактам характер закономерности, мол, кто платит, тот и заказывает музыку, в данном случае, или точнее в случае с Лениным, я бы не рискнул. Потому что, хотя объективно его позития частично совпадала с позицией германского генштаба (обе стороны были заинтересованы в поражении в войне царского правительства — не путать с требованием поражения России, которого Ленин никогда не выдвигал), между ними были принципиальные различия. Ленин столь же решительно, как и в отношении царского правительства, выступал за поражение правительства кайзера Вильгельма II. Более того, требовал свержения прусской монархии. Так «шпионы» себя не ведут.

Не забудем и то, что в декабре 1914-го, в самый разгар шовинизма, захлестнувшего Европу, которая, казалось, помешалась на поношении всего русского и России, единственный среди всех социал-демократов и прочих левых в мире в защиту Отчизны выступил не кто иной, как Ленин, опубликовав статью «О национальной гордости великороссов» — на мой взгляд, лучшее произведение во всем Полном собрании сочинений.

Важно помнить и другое. Когда в середине 20-х поднялась очередная антирусская волна, нашелся еще один человек, совершенно непохожий ни судьбой, ни убеждениями на Ленина, но который также не побоился заявить о себе как о великороссе, — я имею в виду поэта Сергея Есенина.

Террор. Он обычно обеими сторонами — «красными» и «белыми» — связывался с определенными событиями, вот, если, мол, до этого события все шло нормально и могло бы идти так, однако... При этом и те и другие норовили обязательно выяснить, кто же первый начал это богонеугодное дело. Так, например, в советской литературе обязательно подчеркивалось, что если бы 30 августа 1918 года не убили Урицкого и не покусились на жизнь Ленина, то не пришлось бы отвечать на белый красным террором. А противники Советов и некоторые современные публицисты на это отвечают: да, помилуйте, ведь уже в июне 18-го, когда в том же Питере был убит «красный журналист» Володарский, Ленин прислал «мэру» города Зиновьеву гневную телеграмму, в которой пенял тому за сдерживание рабочих, жаждавших на смерть одного ответить смертью многих.

Считаю такого рода перепалку лишеной всякого смысла. Ведь, еще задолго до всех этих и многих других (каждый здесь волен сам подобрать хронологию, уверен, что можно добраться если и не до 25 октября 17-го, то где-то рядом с этой датой) отметок, как «белым», так и «красным» была абсолютна ясна перспектива применения силы для подавления другой стороны. «Красные» начали со знаменитого рескрипта, запрещающего буржуазную печать, а затем и кадетскую партию, сторонников которой впервые назвали — «врагами народа». «Белые» ответили Доном, восстаниями в других местах.

Гражданская война была просто неизбежной. Вмешайся в наши дела внешний фактор в лице Антанты или кайзеровской Германии или нет, противоречия между обоими лагерями внутри страны были настолько громадны, отличались таким несходством ответов на возникавшие проблемы, что другого пути, кроме вооруженного, лично я не вижу в их преодолении. Гражданская война, в отличие от других войн, всегда и везде велась в гораздо более жестоких, бескомпромиссных формах. В гражданской ставкой были не приобретение дополнительных территорий, установление контрибуций, достижение лучших условий жизни, а власть, то есть возможность одних классов, социальных групп личностей, господствовать над другими. В ходе гражданской войны бои ведутся на полное физическое ист-

ребление и кончаются либо решительной победой, либо решительным поражением. Как писал один из ее организаторов со стороны «красных» С. Гусев (Драбкин), «бои с нерешительным исходом редки» (Гусев в С. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958, с. 79).

Однако и в условиях военного времени нельзя обойтись без решения вопроса целесообразности тех или иных мер, определения масштабов репрессий, по отношению к кому они применялись. Ленин придавал всем этим «тонкостям» немалое значение.

Возьмем, скажем, его знаменитое распоряжение Пензенским губкому и губисполкому в лице Е. Бош от 9 августа 1918 года «...провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» (ПСС, т. 750, с. 143—144). С этого распоряжения, как считает Солженицын, и началось создание ГУЛАГа.

Распоряжение действительно чрезвычайное. А если учесть и две другие ленинские телеграммы тому же адресату от 12 и 14 августа, где мягкость при подавлении кулаков рассматривалась как «великое преступление против революции» (там же, с. 149), то шансов оправдаться практически не остается. И все же каковы мотивы этого распоряжения, чем оно было продиктовано?

Во-первых, опытом поражения Парижской коммуны. Ленин чрезвычайно опасался, как бы Октябрьская революция не уподобилась Коммуне слабостью и беззубостью в отношении ее открытых врагов. Причем, думается, Ленина волновала прежде всего не столько собственная судьба, сколько перспектива революционного процесса. Гибель Коммуны обернулась, помимо гибели нескольких десятков тысяч коммунаров, задержкой революционного развития как минимум на четверть столетия. Поражение Октября могло обернуться гораздо более несоизмеримыми жертвами и еще более длительной остановкой революции.

Во-вторых, решение было принято исходя из чрезвычайной обстановки, складывавшейся в данном районе, из опасения возможности влияния мятежа на соседние с Пензенской области, что неизбежно в худшую сторону отразилось бы и на без того плохом состоя-

нии красноармейских частей на Восточном фронте.

Замечу попутно, как только обстановка в стране несколько стабилизировалась, Ленин тут же шел на уступки и послабления мер борьбы с политическими противниками. Может, это и не показательно, но не могу не сослаться на такой хотя бы документ. Он находится в Центральном партархиве. Это протокол заседания ЦК РКП(б) от 11 июня 1919 года. По докладу Ф. Дзержинского об арестованных за антисоветскую деятельность меньшевиках была принята резолюция: «а) Разрешить Дзержинскому освободить с подпиской о невыезде тех из меньшевиков, которые не настроены антисоветски; б) Официально объявить освобожденным, что в случае каких-либо их публичных выступлений они будут немедленно вновь арестованы; в) Предложить им занять на советской службе военные должности по их специальности» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 20, л. 3).

Аналогичным образом Лениным решались вопросы с заложниками. 10 августа 1918 года он телеграфировал наркомзему А. Д. Цюрупе: «Проект декрета — в каждой хлебной волости 25—30 заложников из богатей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков (речь шла о хлебе. — Н. В.) (ПСС, т. 50, с. 144). В том же 50-м томе Полного собрания ленинских сочинений можно найти немало требований расстрелов. Но, откровенно говоря, фактов их использования что-то неизвестно. Скорее всего, отдавались эти распоряжения в горячке сиюминутных дел, под воздействием того или иного вопиющего факта. «Остывая», Ленин мог взять — и не раз брал — назад свои гневливые указания. Выходит, что касалось его самого, то шума было больше, чем фактического дела.

Говорю это не в чье-то оправдание, хотя бы и того же Ленина. Любая риторика и тем более арифметика в вопросах, затрагивающих судьбы людей, их жизнь, отдает налетом цинизма и не годится в качестве аргумента. Особенно для России, где всегда была сильна православная традиция, исходившая из тезиса «Не убий». Просто напоминаю конкретно-историческую обстановку, которая многими игнорировалась в то время, когда суждения выносились, что называется, по горячим следам, а уж тем более сегодня, по прошествии десятилетий, когда на данную тему разговор

ведется, как правило, чуть ли не с лунных (взятых с Луны, с потолка) позиций.

Так легче. Ни в чем не надо особенно разбираться, сопоставлять между собой факты, анализировать причинно-следственные связи поступков конкретных лиц. Осудил «зверства» большевиков — и уже считай одобрительные хлопки читающей публики у тебя в кармане. Естественно, при таком подходе понять что-либо в нашем трагическом прошлом крайне сложно, если вообще возможно. Лишите человека атмосферы, и он погибнет. Так же и с историческими фактами. Изымите их из контекста прошлого, вырвите из сцепления человеческих связей, тогдашних связей, то есть живых, а не выдуманных нами сегодня, под горячую руку, и что от этих фактов останется?

И в то же время педалирование на большевистском терроре сегодня объяснимо. Слишком долго замалчивались его проявления, осуждались только одна сторона, другая уводилась из-под огня критики. Между тем мерзостей хватало и со стороны беков. Вот лишь некоторые примеры.

В телеграмме от 21 августа 1918 года Троцкий обиделся на Ленина: «Предположение, будто я щажу Казань, неосновательно». (The Trotsky papers. Vol. 1, p. 100). Чтобы ни у Ленина, ни кого-либо еще, не дай Бог, не возникло сомнений в его мягкости, Троцкий в течение двух недель августа издал ряд распоряжений, поражающих своей бессмысленной жестокостью.

После захвата Казани белочехами Троцкий обратился к жителям города: «Предупреждение трудовому населению Казани (заметим, именно трудовому, а не каким-то там буржуям или кулакам.— Н. В.). Необходимо временно выехать из города (спрашивается, куда выедет какой-нибудь полунищий мастеровой со своей семьей? — Н. В.). После захвата Казани чехо-белогвардейскими бандами, Казань стала гнездом контрреволюции. Это гнездо должно быть разорено. При дальнейшем сопротивлении, *контрреволюционные кварталы* будут срыты до основания... Необходимо, как можно скорее, удалить из города детей» (опять-таки, куда? — Н. В.) (Троцкий Л. Как вооружалась революция. М., 1924, т. 1, с. 246).

Вспомнил о детях? Не торопись, читатель, с выво-

дами. 28 августа Троцкий шлет телеграмму Ленину: «Штаб северной группы белогвардейцев сообщает, что намерен на днях послать из Казани вверх по Волге на барже 15 000 человек беженцев (среди которых, логично предположить, были главным образом женщины и дети.— Н. В.) и мешочников и предлагает беспрепятственно пропустить их. Само собой разумеется, что ни о каком пропуске белогвардейской баржи не может быть и речи, о чем поставляются в известность все военные и гражданские советские власти» (The Trotsky papers. Vol. 1, p. 114). Так что Сталин, топивший под Царицыном баржи с пленными белыми офицерами, действовал в унисон с наркомвоенмором. Кто у кого учился и перенимал опыт?

Или такой приказ от 24 августа: «Взятие Казани означает беспощадную расправу над врагами революции». И тут же в строку, как какой-нибудь Чингисхан, Троцкий обещал утехи своим войскам, фактически гарантируя им безнаказанность за мародерство и грабежи в случае досрочного взятия города: «Взятие Казани означает для вас заслуженный отдых и награду для всех мужественных и твердых бойцов революции» (Как вооружалась революция, т. 1, с. 239).

Платить было чем. Троцкий вернул захваченные белыми 30 тысяч пудов золота, платины и других драгоценных металлов, общей стоимостью в 110 миллионов рублей. Он обратился к Ленину за согласием на выплату из этой суммы премиальных вознаграждений. На что Ленин, как всегда, кратко, но предельно точно ответил: «Не жалейте денег на премии» (ПСС, т. 50, с. 179). Лениным были одобрены и все другие меры Троцкого по уничтожению Казани.

В телеграмме от 7 сентября на имя Троцкого он благодарил за заботу о его выздоровлении после покушения Каплан и сообщал: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддержавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-показательное» (там же, с. 178).

Прочитал этот текст и подумал: нет ли здесь некоего оттенка иронии Ленина, видевшего и понимавшего весь ужас действий Троцкого? Нет, никакой иронии. Все очень серьезно. В этом убеждает другая телеграмма тому же адресату и туда же — в Свияжск, на Восточный фронт: «По-моему нельзя жалеть города и

откладывать дольше ибо, необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце» (там же, с. 178).

Имея такую безусловную поддержку, Троцкий действовал без всякой оглядки на обстоятельства и те бесчисленные жертвы, какими оборачивались его руководящие указания. Стоит ли удивляться, что белые офицеры, многие из которых, может быть, действовали против своей воли, отвечали красным тем же. Ведь не объяснишь же им, что Троцкий и ему подобные — это далеко не вся Красная Армия и тем более — Советская власть. Отвечали и потому, что троцкисты не оставляли им никаких надежд на снисхождение. Расчетливо-трезво ими велась война на истребление и искоренение всех и вся, кто хотя бы мельком усомнился в целесообразности и благотворности Советской власти. Так каралось нежелание принять власть Советов, а отрицание прикрывшегося Советской властью господства троцкистов.

Негативное впечатление от репрессивной практики Троцкого и его приспешников усиливалось наличием того самого «национального фактора», из-за которого он сразу же после победы Октября отказался принять пост наркома внутренних дел. О нем, этом факте, шла речь на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 18 апреля 1919 года с участием Ленина, Крестинского, Сталина и Троцкого. Было рассмотрено заявление Троцкого о том, что «огромный процент работников прифронтовых Ч. К., прифронтовых Исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация и что, по мнению т. Троцкого, необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом» (The Trotsky papers. Vol. 1, p. 360—362).

Положение усугублялось тем, что некоторые отряды Красной Армии с ведома, а нередко и с участием своих командиров, при полнейшем попустительстве советских властей, допускали действия, оскорблявшие национальное достоинство коренного населения, его нравы и обычаи, религиозные верования. Особенно в

этом отношении не везло православию, православной Церкви вообще.

Обследовавшая в 1919 г. Харьковскую губернию после ее занятия деникинскими войсками «Особая комиссия» следующим образом характеризовала обстановку в ряде мест и районов: «Забравшись в храм под предводительством Дыбенки (известный лидер кронштадтских матросов.— Н. В.), красноармейцы вместе с приехавшими любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверноматерно Иисуса Христа и Матерь Божию, похитили антиминс, занавес от Царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствовавшего отряда в одном из притворов храма были обнаружены эксcrementы» (Св. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Берлин, т. 5, б/б, с. 126).

Надругательство проявлялось и в виде установления запретов крестить, венчать и погребать без предварительного разрешения товарищей Когана и Рутгайзера (в местечке Лубны), заведующих соответствующими отделами Харьковского исполкома.

Вкупе с массовыми облавами, концентрационными лагерями, расстрелами эти нарушения прав и свобод граждан вызвали и без того большое раздражение у населения. «Сегодня расстрелял 85 человек. Как жить приятно и легко!..» Такими внутренними эмоциями своими делился с очередной партией обреченных жертв знаменитый садист Саенко (работавший в Харьковской ЧК.— Н. В.),— писал Деникин.— По ремеслу столяр, потом последовательно городской, военный дезертир, милиционер и, наконец, почетный палач советского застенка...» (там же, с. 129).

Допускаю, что в политическом отношении с целью вызвать неприязнь к Красной Армии, большевикам вообще, писавшие обо всем этом сгущали краски, а кое в чем, может быть, брали лишку. Но не уверен, что таких или близких к ним картин и представленных в них характерных типов не было в действительности. Именно о наличии этих фактов и объясняет поразивший белое движение антисемитизм и ненависть к Советской власти. В 1919 году волна еврейских погромов прокатилась по Украине, найдя широкий отклик по

всей территории страны, даже и тех ее частей, которые контролировались Советами.

Хватит, пожалуй. На этом ставлю точку. Любой читатель волен выстроить свой ряд впечатлений от знакомства с данным сборником. Если такая потребность возникает, значит, знакомство с ним не прошло для читателя даром, оставило след в душе и мыслях.

БИБЛИОГРАФИЯ

ШТЕЙН М. *Род вождя*. // Генеалогия рода Ульяновых. / Литератор (Ленинград), 1990, № 38; Слово, II, 1991; Москва, 1991, № 2.

ВАЛЕНТИНОВ Н. *Встречи с Лениным*. // Нью-Йорк. Издательство имени Чехова, 1953; Волга (Саратов), 1990, № 10, 11, 12. Публикуется в сокращении.

СТАЛИН И. *О Ленине*. // Правда, 1924, № 34; Партиздат ЦК ВКБ/б, Ленин, Сталин. Избранные произведения в одном томе, 1935.

ЧЕРНОВ В. *Ленин*. // Воля России (Прага), 1924; Россия (Москва), 1990, № 5.

ГОРЬКИЙ М. *К демократии*. // Новая жизнь (Москва), 1917, № 174.

КУПРИН А. *Ленин* / Моментальная фотография // Общее дело (Париж), 1921, № 221; Курьер для вас (Москва), 1991, № 4 (7).

РАССЕЛ Б. *«Он — интеллектуальный аристократ»*. // Правда, 1991, № 92.

УЭЛЛС Г. *Кремлевский мечтатель*. // Россия во мгле. М., Госполитиздат, 1958.

АНДРЕЕВ Л. *Veni, Creator!* // Русская воля, 1917, № 219.

ЕРОФЕЕВ В. *Моя маленькая лениниана*. // Европа+Америка, 1991, № 1.

СОЛОУХИН В. *Читая Ленина*. // Библиотека «Огонька», «Наваждение», 1991, № 43.

ШТУРМАН Д. *Блуд на крови* // Письмо драматургу Штарову. // Литературная Россия (Москва), 1991, № 14; Посев (Мюнхен), 1990, № 5 Печатается в сокращении.

ЕРЕМЕНКО В. *Мессия*. // Литературная Россия. 1990, № 50.

АВТОРХАНОВ А. *Ленин в судьбах России*. // Новый мир, 1991, № 1. Печатается в сокращении.

КРУТОВ В., ВЕРЕС Л. *«Отцы-основоположники» коммунистического рабства*. / Групповой портрет, III часть. // Вече (Мюнхен), 1984, № 13.

ПАЛАМАРЧУК П. *Неотпетый злодей* // Вече (Мюнхен), 1989, № 35.

СЕРЕБРЕННИКОВ А. *Кто же выстрелил в Лозанне?* // 1991, № 30. Публикуется в сокращении.

ВАСЕЦКИЙ Н. *Взгляд со стороны*. Вместо послесловия.

СОДЕРЖАНИЕ

Род вождя. <i>М. Штейн</i>	6
Встречи с Лениным. <i>Н. Валентинов</i>	19
О Ленине. <i>И. Сталин</i>	85
Ленин. <i>В. Чернов</i>	94
К демократии. <i>М. Горький</i>	106
Ленин (моментальная фотография) <i>А. Куприн</i>	108
«Он — интеллектуальный аристократ». <i>Б. Рассел</i>	112
Кремлевский мечтатель. <i>Г. Уэллс</i>	117
Veni, Creator! <i>Л. Андреев</i>	128
Моя маленькая лениниана. <i>В. Ерофеев</i>	131
Читая Ленина. <i>В. Солоухин</i>	145
Блуд на крови. <i>Д. Штурман</i>	166
Мессия. <i>В. Еременко</i>	179
Ленин в судьбах России. <i>А. Авторханов</i>	196
«Отцы-основоположники» коммунистического рабства. <i>В. Кру-</i> <i>тов, Л. Верес</i>	230
Неотпетый злодей. <i>П. Паламарчук</i>	265
Кто же выстрелил в Лозанне? <i>А. Серебрянников</i>	269
Взгляд со стороны. <i>Н. Васецкий</i>	273
Библиография	294

Массово-политическая литература

**ВОЖДЬ.
ЛЕНИН,
КОТОРОГО МЫ
НЕ ЗНАЛИ...**

Редактор-составитель
Г. Сидоровнин

Художественный редактор
В. Бутенко

Технический редактор
Л. Боткина

Корректор
Т. Краснова

ИБ № 2085

Сдано в набор 02.06.92. Подписано в печать 4.08.92 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,54. Усл. кр.-отг. 14,7. Уч. изд. л. 15,44. Тираж 50000. Цена договорная. Заказ 5024. Приволжское книжное издательство. 410071, г. Саратов, пл. Революции, 15.

Типография издательства «Слово». 410601. Саратов, ул. Волжская, 28.

